

А.Н. Чеканов

ТАК БЫЛО...

Воспоминания о войне





А.Н. Чеканов

ТАК БЫЛО...

Воспоминание о войне



Москва
Издательство
МГОУ 2011

УДК 930.2
ББК 63.3(2)722
Ч 37

Чеканов А.Н.

Ч 37 Так было... : Воспоминания о войне / А.Н. Чеканов. -
М.: Изд-во МГОУ, 2011. - 184 с. 18БК 978- 5-7045-
1075-8.

В основу книги положены личные переживания, наблюдения и впечатления участника Великой Отечественной войны, прошедшего ее трудными дорогами с самых первых минут и до победного окончания. Все описанные события происходили либо с самим автором, либо записаны со слов близких людей и знакомых.

В подтверждение сведений, которые расходятся с бытующими версиями, приводятся официальные документы и даются ссылки на литературные источники.

УДК 930.2
ББК 63.3(2)722

**Издано в авторской редакции с сохранением
орфографии и пунктуации**

ISBN 978-5-7045-1075-8 © А.Н. Чеканов, 2011
© Оформление. Изд-во МГОУ, 2011

ОТ АВТОРА

Мое представление о Великой Отечественной войне основано на личных переживаниях и наблюдениях во время всех периодов войны, в которой я участвовал с первых минут и до победного ее окончания. В подтверждение моих сведений, которые расходятся с бытующими версиями, я привожу официальные документы или ссылки на таковые. Те сведения, которые я записал со слов моих близких друзей или знакомых, также сверены с официальной документацией или с Интернетом.

Во многих современных описаниях первых дней Великой Отечественной войны в кинокартинах и книгах, отражающих этот период, скрывается роль тех военачальников, по вине которых Красная армия несла огромные и бессмысленные потери. Там показана другая война, а не та, в которой участвовал я. В моей войне бесславно сгорели мои друзья, отдавались идиотские приказы, приводившие только к ничем не оправданной гибели тысяч людей. Таким был приказ Тимошенко от 14 августа 1941 года об обороне Новгорода, «До последнего солдата!». Я был в эти дни в Новгороде и видел как напрасно умирали танкисты из остатков 28-й ТД, которая, уже без танков, держала оборону в обреченном городе.

Я видел Отечественную войну во всех ее периодах, начиная с первой бомбежки в 05:15 22 июня 1941 года на восточном берегу Немана. Я видел Великую Отечественную войну из тыла, когда лечился в госпиталях после ранений.

А.Н. Чеканов • Так было

Мне выпало счастье увидеть победный конец войны, сидя в танке. Такой она и осталась в моей памяти, как и образы двух великих командиров И.Д. Черняховского и К.К. Рокоссовского, с которыми мне приходилось встречаться в боевой обстановке.

И незримо в нашем, танкистов, сознании присутствовал образ И.В. Сталина с его военной стратегией превентивного удара, базирующейся на захвате анклава, маневрирующими танковыми соединениями; с приказами И.В. Сталина о сохранении кадров танкистов, оставшихся без танков, вплоть до снятия танкистов с воюющих фронтов; с требованиями И.В. Сталина об изменении тактики ведения танковых боев, имеющими целью всесторонне повысить их эффективность; с карами и репрессиями, проводившимися от его имени, при невыполнении или искажении его требований как на фронте, так и в тылу, по которым жила вся страна. ТАК БЫЛО !!!

Глава 1

ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

Все о чем я буду писать либо происходило со мной, либо я видел это своими глазами. Даты, в которых я твердо уверен, приведены в тексте. Те, которые я помню приблизительно, обозначены названием месяца. Названия городов и населенных пунктов соответствуют современному административному делению. Отдельные высказывания в адрес популярных личностей или оценки некоторых событий являются моим собственным мнением. Ссылки на литературные источники приведены с целью уточнения подробностей происходивших событий, имен людей, с которыми я встречался, *и описаний местностей, где мне приходилось активно действовать, так как не мог восстановить в памяти через 50 лет все подробности того, что я видел своими глазами и собираюсь описать в книге под названием ТАК БЫЛО.

Для меня, Чеканова Анатолия Николаевича, Великая Отечественная война началась 14 июня 1941 года, когда под прикрытием танков 28-й танковой дивизии происходило разоружение и депортация в Сибирь военнослужащих латышских военных подразделений. Вспоминая первые дни войны и бесчинства айзсаргов, думаю, что это был совершенно необходимый шаг нашего правительства, предотвративший многие возможные жертвы как среди наших военнослужащих, так и среди мирного населения Латвии, работавшего в государственных учреждениях.

Призыв в Красную армию

В это время я проходил военную службу в 55-м танковом полку 28-й танковой дивизии, которой командовал И.Д. Черняховский. Наша дивизия была преобразована из 27-й ЛТБ (легкотанковой бригады), где я начал службу в Красной армии в сентябре 1939 года после призыва из МММИ им. Н.Э. Баумана. Мы проучились всего несколько недель, однако в графе анкеты «Образование» я иногда, «для шухера», писал «незаконченное высшее». Иногда действовало!

Это был так называемый «ворошиловский набор», предназначенный для освоения моторизованной техники, которой в конце тридцатых годов начали оснащать армию. Мы шли в нее без страха за свое будущее.

Красной армией гордились! Дедовщины тогда не было. В ту пору армией командовал Клим Ворошилов. Порядки в ней были весьма либеральные. Мне посчастливилось сразу их познать, поскольку я попал в Красную армию в самые лучшие годы ее существования. Именно К. Ворошилову принадлежит выражение: «Армия - это своеобразный коммунистический университет, закончить который должен каждый сознательный гражданин...». Я прошел этот университет и считаю, что только благодаря пребыванию в нем мне удалось пройти всю Великую Отечественную войну и выжить в самые тяжелые ее периоды. Об этом я и пишу в своих воспоминаниях.

Призыв осуществлялся военкоматами по месту жительства, и я попал в эшелон призывников, набранных в городе моего детства - Калуге. Когда выяснилось, что наш эшелон прибыл в Тулу, я начал беспокоиться, так как это было направление на Дальний Восток. В Туле нас пересадили в теплушки. Свои пассажирские вагоны призывники по пьянке вдребезги разбили. Кто-то разнес слух, что мы уже

не подчиняемся гражданским законам, поскольку мы как бы уже военные. Но и военным законам мы еще не подсудны, пока не приняли присягу. Значит можно крушить и ломать все. Наиболее эффектным считалось разбивать плафоны головой.

Эшелон действительно направлялся на восток. Я знал о трудностях и лишениях военной службы на востоке. Мне удалось уговорить пьяную орду из знакомых мне призывников сбежать из этого эшелона. Решено было пересечь в любой встречный эшелон, который двигался бы на запад. Вскоре встреча с таким эшелоном состоялась. Сопровождавшие нас офицеры были мертвецки пьяны. Нам, группе из 10-12 ребят, удалось всего за трехлитровую банку тройного одеколона пересечь во встречный эшелон, едущий из Тамбова на запад. Эту банку мы с ними немедленно распили за будущую дружбу и закусили капустными листьями.

Когда мы без всяких документов прибыли в город Борисов, то там не знали, что с нами делать. Мы не были дезертирами, ведь сами явились в военную часть. Все само собой обошлось, как и большинство ситуаций в армии. Это была первая мудрость, которую я усвоил для будущей службы в 27-й ЛТБ.

В учебном батальоне 27-й ЛТБ

Моя армейская служба в учебном батальоне легкотанковой бригады началась с карантина. Нас одели в военную форму и стали обучать основным правилам поведения в армии. Первое, что я понял из этих наставлений - из помещения карантина выходить нельзя. Естественно, мне очень захотелось немедленно узнать, что и как там снаружи. Я пер-

вым откликнулся на предложение сходить «по воду». В соответствии с действующим в то время Уставом внутренней службы, в карантине не отдавали приказы, а «просили», поскольку мы еще присягу не принимали. Нам двоим выдали бачок литров на сорок и направили на кухню за кипяченой водой. Сперва вдоволь наглядевшись окружением, мы наконец подошли к кранам. Я предложил не наливать все сорок литров, а налить только половину бачка. Преимущества были очевидные - нести легче, быстрее выпьют и, возможно, что именно нас пошлют еще раз, тем более мы уже знаем дорогу. Неожиданно нас остановил встретившийся командир, не поленившийся поднять крышку бачка. Естественно, что он возмутился и, не обращая внимания на то, что мы еще на карантине, приказал вернуться на кухню и налить там полный бачок. Вернувшись, налив и почувствовав тяжесть полного бачка, мы стали думать что делать? Мне пришла мысль - на ходу открыть краник, пусть выливается, что я и сделал. Но мы не предугадали хитрости и коварства неизвестного нам командира. Еще мало были в армии!

Оказалось, он шел за нами, как собака по следу, который оставляла струйка воды на асфальте, льющаяся из бачка. Его возмущению не было предела. Главная наша вина была в том, что мы несли «продукт питания» - вода была кипяченая. Я был тогда еще глуп и осмелился говорить с ним. Это позволило ему назвать меня зачинщиком безобразия и дать мне трое суток ареста на гауптвахте. Он еще посетовал, что Устав и его звание не позволяют назначить мне большее наказание. Мой напарник получил три наряда вне очереди. Мы должны были вернуться на кухню, долить бачок и доложить о случившемся дежурному по карантину.

В этот раз дежурил медфельдшер. Он, видимо, плохо знал Устав: выполняя приказ, он немедленно снял с меня

пояс, а дневальному приказал взять мой матрас и постельное белье и нести все это за мной на «губу». Конечно, я воспринимал все это как неожиданное новое развлечение. Будто я в преферансе взял прикуп - трефового туза и червонного валета, что предвещало «неожиданную радость в казенном доме». В казенном доме (в карантине) я уже находился. Оставалось дожидаться неожиданной радости. И она пришла...

Первое близкое знакомство с «губой» превзошло все мои ожидания. Я встретил сочувствие во взглядах всех встречаемых и их добродушные реплики. Но самое главное было в том, что мне прислали с кухни усиленный танковый паек, который давали только боевым экипажам. Спать было тепло и удобно. Однако блаженство мое продолжалось недолго. Начальство разобралось в том, что я еще не принимал присягу, и мне нельзя доверять оружие и сажать на гауптвахту. Для меня это значило то, что надо остерегаться политработников (встретившийся нам командир был политруком). Я стал держать в уме: «Нечего бояться губы!».

После курса молодого бойца и овладения боевым оружием - карабином и наганом - личное боевое оружие танкиста (стрелять через револьверные отверстия в БТ-7 можно было только из нагана) нас распределили по ролям в экипажах. Меня определили в группу механиков-водителей танка, поскольку я еще в средней школе обучился вождению трактора и мотоцикла. Остальных назначили командирами орудий - заряжающими пушку в танке для командира, который разыскивает цель через командирскую панораму, наводит пушку или пулемет через оптический прицел и стреляет.

Все члены экипажа проходили одинаковый курс обучения, но в своих группах. В первую очередь обучали вождению танка, стрельбе из пушки и пулемета в соответствии с программой АБТКОП (автобронетанкового курса огне-

вой подготовки). Отдельно обучали владению рацией. Экипаж должен быть полностью взаимозаменяемым, иначе он небоеспособен. Поэтому по нормам мирного времени танкистов готовили за девять месяцев.

Предметами обучения механика-водителя были:

- материальная часть танка БТ-7 и БТ-7А;
- шестнадцатилиндровый У-образный бензиновый двигатель «Либерти», модернизированный в виде М17Т, снимаемый с самолета и приспособляемый для танка, мощностью более 500 л.с.;
- вождение в условиях танкодрома и через препятствия- эскарпы, контрэскарпы и поворот на косогоре;
- бортовая радиоаппаратура типа 70-Т, правила проведения радиообмена и ненавистная всем нам азбука Морзе;
- тактика ведения танковой войны на уровне роты;
- стрельба из 45-мм пушки и пулеметов типа ДТ в объеме АБТКОП с использованием телескопического прицела ТОП и перископа ПТ.

Кроме этого мы еще изучали множество других весьма полезных в практической жизни предметов.

Свидетельствую, что теоретический и технический уровни знаний, которые мы в то время получали, практически соответствовали уровню и качеству той подготовки, которую я позже получил в МВТУ имени Н.Э. Баумана, обучаясь на факультете «Т» (танковом) с 1945 по 1951 год и в Бронетанковой академии имени И.В. Сталина.

Мы занимались теорией и практиковались непосредственно на танках, если не были в нарядах или в карауле, по 12 часов в день. Шесть часов теории, а другие шесть - на матчасти" Соответственно менялись и командиры - лекторы и инструкторы. Обучение вождению после тренировки на тренажерах проводилось на танкодроме или на типовых препятствиях. Стрельба из личного оружия или из карабина проводилась на стрельбище. Боевая стрельба по

АБТКОП из танковой пушки проходила на полигоне. Больше всего она была похожа на пикник, поскольку сопровождалась выездом полевой кухни и длительными ожиданиями очереди на выстрел, лежа на травке. Я привел здесь небольшое перечисление основных моментов боевой подготовки в танковых войсках, чтобы сказать в заключение: нас не учили воевать и убивать!

Это мое утверждение подтверждается фактом нашего поражения в войне с Финляндией [1,2]. В 27-ю ЛТБ вернулись танкисты - участники этой военной кампании. Наши войска так и не преодолели линию Маннергейма.

Те безмерно раздутые военными историками победы наших войск на озере Хасан и на Халхин-Голе [3] не принесли требуемого массового боевого опыта. Был только опыт участия в военных парадах, когда перед парадами из танковых пушек и пулеметов вынимали затворы... Это была парадная показуха!

А сама военная служба в учебном батальоне 27-й ЛТБ была трудной, но очень интересной. Мне даже была дана возможность заниматься спортивной гимнастикой, так как я имел второй разряд, полученный еще в Калуге. При первой же возможности я продемонстрировал на турнике и брусьях свое умение. Конечно, это не освобождало от военной подготовки, но меня освободили от нарядов в караул и на кухню. Это был именно тот «открытый краник», о котором я мечтал с первых дней пребывания в армии.

Наши боевые танки БТ-7

Особенно меня интересовала техника - наш танк БТ-7 и его возможности, в более углубленном изучении которых мне особенно помог помпотех полка Клавдий Львович

Ревзон. Его доходчивые объяснения и влюбленность в танковую технику оказали на меня неизгладимое впечатление и даже повлияли на выбор моей будущей специальности в МВТУ им. Н.Э. Баумана. Под его руководством я даже пытался сконструировать счетчик машинного времени для танкового двигателя. Этого весьма нужного прибора в танке БТ-7 не было. Машинное время пересчитывалось по пробегу ходовой части, т. е. движителя, холостые обороты при этом не учитывались. Что совершенно искажало сведения об износе двигателя при его прогреве, например во время морозов.

Исходной конструкцией всех танков серии БТ-7 (быстроходные танки) был танк Джона Уолтера Кристи [3], который был куплен в Америке еще в 1929 году и усовершенствован на ХТЗ (Харьковском тракторном заводе), как колесно-гусеничная боевая машина. Их вооружали 45-мм пушками. На БТ-7А даже ставили 76,2-мм короткоствольную пушку. При весе 14 тонн и мощности двигателя типа «Либерти» 500 л.с. танк обладал высокой энерговооруженностью - примерно 50 л.с. на 1 тонну веса. Такого показателя энерговооруженности нет даже у современных танков. Используя эту мощность, БТ-7 развивал скорость 60 км/ч на гусеницах и до 70 км/ч на колесах при запасе хода 150 км на гусеницах и 200 км на колесах. Этих тактико-технических характеристик требовала военная доктрина И.В. Сталина, предполагавшего вести военные действия на территории противника, располагавшей хорошими дорогами. Переход с гусениц - штатного состояния танка - на колеса требовал очень большой работы от экипажа. Ее полагалось выполнять без посторонней помощи за 30 минут. Последовательность операций была такой. Сначала ослаблялся ленивец - передний каток, натягивающий гусеницу. Из гусеницы выбивались четыре пальца, после чего она разъединялась на три независимых куска. Эти

куски укладывались на крыло танка. Включалась «гитара» - привод от трансмиссии на ведущий задний каток. Одновременно аналогичные операции выполнялись и с другой гусеницей. Устанавливалось рулевое управление передними катками. Наконец, все части гусениц укладывались на крылья и закреплялись ремнями. Переход с колес на гусеницы производился в обратном порядке и был более трудоемкой операцией: установка отдельных частей гусеницы на катки, их соединение и натяжка гусеницы - значительно труднее.

Есть существенная разница между условиями вождения танка на гусеничном и на колесном ходу. При вождении на гусеницах управление производится рычагами. При экстренной остановке танка при помощи рычагов (если отказала коробка перемены передач) максимальное усилие на рычаге танка БТ-7 - 60 кг. При этом водитель брал на себя до 120 кг. Недаром генерал Г. Гудериан в своей книге «Внимание танки» [4] писал: «После длительного марша все работы по обслуживанию танка должны выполнять остальные члены экипажа, независимо от их званий, а механик-водитель должен отдыхать!».

Вождение БТ на колесах доставляет огромное, не сравнимое с вождением любой легковой автомашины, наслаждение. При этом возникает ощущение управления массой танка умноженной на его скорость. Кажется, что его масса снесет все, что может возникнуть на ее пути. Однако после возникновения затруднений при разворотах БТ на узкой дороге при возвращении возникают мысли о тяжелой работе при постановке танка на гусеницы.

Конструкция танка БТ-7 полностью соответствовала стратегической концепции наших партийных руководителей - воевать мы будем на вражеской территории. Там отличные дороги, там можно скинуть

гусеницы и мчатся по Европе во всех стратегических направлениях. Но для оборонительной войны или даже для позиционной, для штурма линии Маннергейма нужны были тяжелые танки типа КВ-1, которые в той войне были только в виде опытных образцов (около 500 единиц).

Воспоминания о хлястике

Мне вспоминаются наши занятия по топографии, когда нас обучали ориентированию на местности. Группу курсантов, сидящих в закрытой бортовой машине, вывозили на незнакомую им местность, которую надо было опознать по окружающим строениям, линиям связи и электроснабжения, по направлению дорог и прочим ориентирам. Полученные сведения сопоставлялись со сторонами света. Курсанты должны были найти их на топографической карте соответствующего масштаба. Такая задача ставилась несколько раз в процессе одного занятия. А потом обычно был отдых в лесу на молодой зеленой травке, завернувшись в свои шинели. Был конец апреля 1940 года. Было солнечно и тепло.

Хороша старая, добротная и легкая солдатская шинель! Такие шинели шили из высококачественного солдатского сукна. Шили с большим запасом материала, который заложен в ее складках. Все преимущества такого покроя открываются, если расстегнуть ее хлястик. После этого шинель превращается практически в два одеяла. Можно на одно лечь, а другим накрыться. Что я и сделал при первой возможности. Моей оплошностью было то, что я забыл спрятать хлястик в карман. На первом же построении это обнаружилось.

Приказ старшины был краток и лишен здравого смысла: «Найти и доложить!». Чтобы найти, надо было переме-



ститься на место нашего последнего отдыха. А оно, это место, было в 20-25 км от нашей части. Так поступить я не смог бы при всем желании. Я подумал, что если я украду у кого-либо хлястик, то обнаружу себя. Все знали, что я его потерял.

В течение нескольких ночей я воровал и сжигал в котельной по одному хлястику. Поскольку хозяйственные работы проходили ежедневно, то такие потери не вызывали подозрений. В конце концов, нашему старшине такие потери хлястиков надоели. В казарму принесли швейную

машину и пару старых шинелей, пошили множество хлястиков всем и в запас - старшине. Мне тоже сшили.

К маю 1940 года обучение в учбате было закончено. Нам, группе водителей, были присвоены звания старшего сержанта и квалификация механик-водитель. Троим, в том числе и мне, была дополнительно присвоена квалификация «Инструктор вождения боевых машин». Начался новый ответственный этап функционирования 27-й ЛТБ - подготовка к марш-броску в Прибалтику. Тогда эти государства называли Лимитрофами. Особенных боевых действий не предполагалось. Наши военные части уже были в Прибалтике, но только на правах гостей. Даже петь песни на улицах во время вечерней прогулки им не разрешалось.

Главной особенностью боевой подготовки было обучение взаимодействию с десантом. Еще зимой по снегу пытались осуществить десант на лыжах, привязав веревки к буксирующему танку и дав каждому из шести-семи десантников по веревке в руки. Даже на сравнительно небольшой скорости 20-25 км/ч лыжники падали и ломали лыжи. Был случай, когда заодно сломали и ногу. Это идиотское мероприятие прекратили.

Марш-бросок в Прибалтику

Подготовка к марш-броску в Прибалтику началась примерно с мая и стала заключаться в согласовании действий с десантом, который теперь предполагалось усадить на броню танков - по одному отделению пехотинцев с полным вооружением. Эта идея удалась, и наша 27-я ЛТБ оказалась первой в истории танковых войск, осуществившая такой десант в условиях приближенных к боевым.

Надо сказать, приближались к боевым условиям весьма близко.

Маршрут по Белоруссии до границы с Литвой был проложен вдали от крупных населенных пунктов, названия которых сейчас не могу вспомнить. Как всегда, прохождение колонны танков обеспечивала рота управления, выставившая маяков-сигнальщиков на перекрестках и перед сложными поворотами в условиях населенных пунктов.

В ночь с 6 на 7 июля 1940 года по боевой тревоге колонна танков 27-й ЛТБ начала совершать марш-бросок из г. Борисова в Латвию. Маршрут проходил через литовскую границу. Когда мы заняли исходные позиции перед пересечением границы, танкистов собрали для беседы с героем Гражданской войны, одним из Генеральных инспекторов кавалерии Окой Городовиковым. Видимо для поднятия воинского духа. Ока Городовиков рассказывал старинные истории из эпохи Гражданской войны в основном о кавалерийских атаках и травил бородатые солдатские анекдоты. Настроение, конечно, поднял, ведь действительно было страшновато. Большое ему за это спасибо!

Утром 9 июля наша танковая колонна перешла границу Литвы, двигаясь через Вильнюс и ряд маленьких городков. Не останавливаясь в них, мы вошли в Шауляй. Я помню его узкие улочки и переулки с крутыми поворотами, которые приходилось проходить даже задним ходом. Именно там я впервые обратил внимание на встречавшихся литовцев. Большинство были настроены дружелюбно, улыбались, заглядывали в открытый люк танка, что-то пытались спрашивать. Но были и такие, в основном люди пожилые, которые плакали, и, как мне слышалось, что-то бормотали по-русски. Аналогичную картину мы наблюдали и в Риге, куда прибыли 9 или 10 июля на место своей временной дислокации. Это было

какое-то певческое поле, где мы некоторое время жили в палатках. Хочу напомнить, что мы привезли с собой на танковой броне в подарок латышам танковый десант с полным вооружением!

Мы присоединили Латвию

Несколько танков, двенадцать-пятнадцать, были поставлены в центре Риги на перекрестках бульвара Райниса с улицами Старого города и на других поперечных улицах. Именно в период с 10 по 14 июля там происходили главные драматические события в истории Латвии. Тем танкистам, которым в течение этих четырех дней приходилось дежурить в танках, удалось наблюдать как накалялись события. В одно из своих дежурств я видел как спокойная толпа из почти безразличных наблюдателей стала возбуждаться. В отдельных группах появились смутьяны (или агитаторы), возникли громкие споры и, наконец, появились красные флаги...

Выборы первого, «ненастоящего», а затем второго - уже настоящего Правительства Латвии и признание его Верховным Советом СССР произошли в течение следующих десяти дней. В политику я не влезал, но наблюдать за ее коллизиями было очень интересно.

Служба в 28-й танковой дивизии

В конце июля произошло перемещение 27-й ЛТБ на место постоянной дислокации на улице Слокас. Там мы заняли казармы какой-то латышской танковой части. Из

любопытства я даже залезал в один из оставленных старых танков, который они ухитрились завести и увести куда-то.

В это время произошло переформирование 27-й ЛТБ в 28-ю танковую дивизию под командованием тогда еще подполковника Ивана Даниловича Черняховского. При его командовании весьма спокойная и даже беспечная жизнь танкистов во всех подразделениях круто изменилась. Начались смотры, проверки, учебные и боевые тревоги с разносками, приказами и т. д. Перемещаться по территории части можно было только бегом или в строю. Если шли двое, то только бегом, если шли трое и больше, то один из них обязан был командовать этим строем, который должен был переходить на строевой шаг при появлении офицера любого ранга. В подразделения пришли новые командиры, штаб обновился. В большинстве своем это были бывшие сослуживцы И.Д. Черняховского. Но до самых низов, до танкистов, эта перестройка еще не дошла.

В этот период обстановка на границе стала обостряться. За Неманом накапливались немецкие войска. Возник образ врага - Германия и цель - Тильзит. Началась подготовка 28-й ТД к броску на Неман. В первую очередь она заключалась в постановке и решении конкретных боевых задач. Они должны были разрешаться в обстановке максимально приближенной к боевым условиям. Одна из таких задач была поставлена нашему 55-му танковому полку: произвести ремонт танка в боевых условиях, осуществив замену коробки перемены передач (КПП). Приказ дошел до нашей танковой роты. Оставалось только выбрать экипаж, который должен был выполнить эту замену. По жребию, который всегда доставался мне, я, естественно, вытащил короткую спичку. Наш экипаж должен был произвести ремонт эксплуатационного танка, на котором проводились учебные стрельбы и учебное вождение. По условиям бое-

вой игры этот танк на буксире притащили в лес к толстому дереву с крепким суком. КПП весила около 400 кг. Сопровождающие нас ремонтники оставили нам новую КПП, таль, сухой паек на три дня и «сделали нам ручкой». Поскольку сухой паек состоял только из концентратов - каши, воблы и сухарей, то командир нашего танка отправился на попутной машине в ближайшую лавку, где накупил вкусностей, благо у нас уже была валюта - латы.

Мы выполнили эту труднейшую задачу! Надо учесть, что работать в трансмиссионном отделении приходилось опускаясь к днищу танка вниз головой. Именно там находились главные болты, крепящие КПП. Пробыть в таком положении можно 8-10 минут. После надо было дать отдохнуть глазам. За эту работу, которую мы выполнили в назначенный срок - 3 дня, мы получили благодарность от командования. Наш командир получил недельный, не считая дней в дороге, отпуск на родину в Тамбов.

По-прежнему танкисты продолжали пользоваться всеми радостями спокойной и сытой жизни в Риге. Латвия того времени была очень богатой страной благодаря хуторской системе ведения сельского хозяйства. Правда немедленно появились попытки введения колхозов, но этому нововведению жители отчаянно сопротивлялись.

А в Латвии было все. Латвия производила хлеба столько, что часть его перегоняли в спирт, на котором ездили в основном легковушки, в столице их было в изобилии! Поэтому на улицах Риги и других городков все время стоял приятный запах спирта. Работали шикарные магазины, как промтоварные, так и продуктовые, где были товары, которых на родине не только не встречали, но даже и не слышали таких названий. Бедняком считался хозяин, имевший менее восьми коров. Действовало множество ресторанов и кафе. Продовольственные товары были очень дешевы и великолепного качества.

В основе нашего солдатского благополучия была валюта - латы, которые мы получали в зарплату. Я как старший сержант и механик-водитель получал 31 лат. Хромовые сапоги на заказ стоили 20 лат, и я немедленно заказал их с первой получки. Нам, служащим в армии последний год (призыв сентября 1939 года), уже разрешали их носить. Естественно, такие благодатные условия жизни в Латвии притягивали множество народа из России, в том числе и алчного.

Особенно отличались жены наших командиров, которые в прошлом были главным образом маникюршами, парикмахершами, официантками и не отличались образованностью. Они стали появляться в общественных местах в комбинациях, приняв их за вечерние платья. Их жадность, некультурное поведение в магазинах и на улицах (на улицах Риги не курили) создавали у латышей стойкую неприязнь к русским, закрепившуюся в генах всех последующих поколений коренного населения Прибалтики. В настоящее время она превратилась в звериную ненависть. Я ее неоднократно испытывал на себе, будучи в командировках на заводе ВЭФ в Риге.

Это потребительское отношение к Латвии сохранилось и у военных, оставшихся жить после демобилизации в комфортных условиях и развитой инфраструктуре Латвии. Именно они и их потомки образовали русскоязычную прослойку (около трети населения Латвии) со своим жизненным укладом и языковым барьером, который не позволяет им ассимилироваться с коренным населением. В этом и заключается главная и неустранимая пока причина противоречий в латышском обществе.

Когда в наш рацион ввели «итальянский день», когда вместо горячей пищи мы должны были есть только сухари и воблу, то мы покупали себе колбасу или ветчину. Все это было доступно и обеспечивалось весьма развитой инфраструктурой. В «итальянские дни» нас приучали к трудно-

стям походной жизни. Попасть в столовую, куда мы приходили строем, можно было только перепрыгнув через «козла», поставленного достаточно высоко. Кто не смог преодолеть его с первого раза, тот прыгал снова и снова. Кому не удавалось перепрыгнуть с третьей попытки, тот должен был пролезть между узких его ножек под всеобщий смех. И только после этого можно появиться в столовой. В эти дни в столовой духовой оркестр дивизии исполнял для нас «Эстудиантину». Иногда несколько раз подряд. Другой музыки я там не слышал.

Главкомандующим Красной армией был назначен тогда С.А. Тимошенко, и вскоре его командование все ощутили на себе. Первым почувствовал это, конечно, я. В числе главных приказов Тимошенко, ужесточавших дисциплину в армии, было введение строгого ареста на гауптвахте. Главной особенностью этого приказа было пребывание в одиночной камере, где койка на день закрывалась на замок и лежать было запрещено. Горячая пища была через день. В остальные дни - только вода и черствый хлеб. Строгая «губа» была одна на всю Ригу, и охрана там осуществлялась специальной военной частью, укомплектованной главным образом нацменами, ненавидевшими русскоязычных. Я описываю условия пребывания на ней потому, что побывал на такой «губе» и все это испытал на своей шкуре.

Нам, танкистам последних месяцев службы, доставались легкие дежурства. В тот несчастливый день я был назначен дежурным по парку боевых машин. Я мог бы спокойно лежать на солнышке, но пришел друг и сказал, что предполагается очередной смотр матчасти. Но пришел мой приятель, который попросил меня допустить его в парк боевых машин. Он при работе на своем танке забыл убрать из трансмиссионного отделения грязные, пропитанные бензином тряпки. Я, конечно, не имел права допускать его

в парк, но это был друг, да и риск был незначительный. Побывал бы он на своем танке и ушел бы, достав тряпки. Договорились, что он не будет снимать брезент с танка. Это для маскировки - мог кто-нибудь войти.

Произошло непоправимое. Когда он залез под брезент, снял жалюзи и опустил вниз головой в трансмиссионное отделение к КПП, он ухитрился разбить переноску, которой освещал трансмиссию. От этого тряпки вспыхнули. Обгорел мой друг и обгорел брезент. Следов моего преступления скрыть было невозможно. Заместитель командира 55-го ТП майор Б.П. Попов назначил мне восемь суток строгого ареста. Кажется, это был максимум его прав в соответствии с Уставом. Меня быстренько отвезли на строгую «губу» в Риге. Там я немедленно ощутил хамство охраны. Уже после четырех суток пребывания там мне стало плохо, хотя перед пребыванием «на губе», я был в хорошей физической форме. Я регулярно тренировался в спортивном зале и отлично питался.

Неожиданно мой арест кончился досрочно. За мной приехал зам. нач. штаба на легковой машине начальника штаба полка, и меня повезли обратно в часть. Оказывается, пришло распоряжение из штаба ПрибОВО представить меня для участия в гимнастических соревнованиях округа. Конечно, я потерял форму и выступил плохо. На моем коронном снаряде - брусках даже сорвался, выполняя свой любимый элемент. Это были мои последние перед войной соревнования.

Самоубийство Ю. Мягкова

В это время произошло самоубийство моего самого близкого друга по армейской службе - Юры Мягкова.

Произошло это так. Нас назначили помощниками дежурного по части: меня - по подразделению, а Юру - по парку боевых машин. Наши обязанности не были сложными. Я должен был следить за порядком в казарме, а мой друг отвечал за порядок в парке боевых машин и должен был менять в нем часовых. У него была в Риге любовница, с которой он захотел попрощаться, поскольку обстановка становилась угрожающей. Он предупредил меня о своей отлучке, но обещал вернуться через час к смене часового. Смена должна производиться в 02 00 ночи. В последний раз я его видел в 00:10 той же ночи.

Увольнительной у него, конечно, не было. Однако на нем была надета противогазная сумка, молчаливо свидетельствующая о том, что солдат идет по делу и дающая право свободного выхода из части. В третьем часу ночи меня разбудил дневальный и сказал, что часовой у парка боевых машин очень волнуется из-за отсутствия смены. Взяв с собой смену караула, я побежал в парк. Но уговорить часового на посту оказалось непросто. После долгих уговоров он, наконец, согласился разрешить заменить себя. Вернувшись в казарму, я предупредил дневального, чтобы он немедленно разбудил меня, как только Юра вернется. Едва я дошел до ленинской комнаты и улегся на диван, как услышал выстрел из нагана. Выбежав в очень длинный коридор, я увидел упавшего на пол дневального и Юру, пытающегося выстрелить в себя. Со второго раза он наконец- то попал в голову, где-то около уха.

Как рассказал мне потом дневальный, которого Юра ранил в шею, дело было так. Вернувшись из отлучки, Юра не стал слушать уговоров дневального, а надев на указательный палец стоящий на боевом взводе наган, стал крутить его перед носом дневального. Видимо у нагана был слабый спуск. Поэтому и произошел выстрел ранивший дневального. Коридор был длинный, и я не

успел добежать чтобы вовремя предотвратить несчастье. Поскольку это самоубийство командование постаралось скрыть, то никаких расследований не производилось, и «втыка» мне не было.

Мы готовимся к войне

Подготовка к марш-броску на Неман началась с изучения маршрута на оперативных картах и показа на ящике с песком и макетами будущих возможных ситуаций. Вскоре мы стали изучать немецкий полевой устав, из которого я вычитал и запомнил изречение: «Ошибка в выборе образа действия является меньшим преступлением, нежели абсолютное бездействие». Ведь неплохо сказано! В конце концов, появились сведения о расположении дотов в подвальных помещениях отдельных домов Тильзита. После этих сведений мы ничего изучить до конца не успели и стали активно готовиться к войне с Германией.

К маю 1941 года 28-я ТД состояла из 55-го и 56-го танковых полков, насчитывавших всего 200 танков БТ-7 и БТ-7А. В составе 28-й ТД был 28-й автобронетанковый полк, имевший примерно 100 бронемашин БА-10 и БА-20. В дивизии с обслуживающими подразделениями перед войной насчитывалось около 11 тысяч солдат, младших командиров и офицеров [5].

Поскольку я в свое время занял одно из призовых мест в соревнованиях по спортивной гимнастике в ПриОВО, то мне полагался свободный выход в Ригу и постоянный пропуск для этого. Пропуск был необходим для удовлетворения бдительности патрулей. Используя этот пропуск, я стал еженедельно посещать спортивный зал на Vingrratays iela - улице Гимнастов. Там моим тренером стал эстонец Сукки, с которым я даже подружился.

В спортивном зале я познакомился с говорящими порусски латышками, от которых получал книги на русском языке. Их издавали осевшие в Риге бывшие белогвардейцы. Книги эти не несли никакой враждебной идеологической нагрузки. Это были просто детективы. Тогда мне это было интересно. Находилось время для посещения музеев и Домского собора, куда я ходил слушать орган. Посетил дворец-музей бывшего диктатора Латвии, предводителя латышских фашистов-айзсаргов Карла Ульманиса. В музее я познакомился с Валгой и через нее - с ее дедом часовщиком. Он (об этом будет сказано далее) перевернул мое сознание.

Я здесь сознательно не называю его имени и настоящего имени Валги, так как представляю методы работы спецслужб Латвии. Они даже по одному подслушанному слову могли раскрутить «дело» и докопаться до источника информации с вытекающими из этого последствиями.

До знакомства с дедом Валги, я считал себя достаточно образованным и эрудированным человеком. Я происходил из семьи врача-психиатра. Всю свою сознательную жизнь я вращался в обществе психиатров и нахватался поверхностных знаний из области психопатологии и психиатрии. Во всяком случае, мог правильно употреблять латинские термины, пословицы и названия психических заболеваний. Кроме этого, я общался с испытуемыми преступниками, содержащимися в психбольнице для подтверждения диагноза болезни, по которой они «косили». Среди них я встретил людей интеллигентных и весьма эрудированных в своих областях деятельности. От них я научился открывать замки, «ботать по фене», говорить, используя матерные слова (не ругаться матом, это пошло) и многим другим полезным для жизни знаниям. Все эти навыки и знания не раз меня выручали. В лице часовщика я встретил человека, перед познаниями, жизненным опытом и мудростью которого мои поверхностные знания оказались

полуграмотными потугами. С Валгой я почти перестал общаться - сильно мешал языковой барьер. А к ее деду стал заходить еженедельно после тренировок.

Во время встреч с ним я жадно ловил в его рассказах мысли, изречения и сведения из основ немецкой классической философии. В особенности Канта и Гегеля. Мне сильно повезло, что часовщик раньше жил в Петербурге и все эти сведения излагал на чистейшем русском языке. В особенности мне запомнились изменившие даже мой характер, рассказанные им основы философии Канта, а именно учение о «категорическом императиве»: «Ich muss!» - Я должен! Понятие о дисциплинирующем умственную деятельность ограничении, «Воля больше, чем ум» и изложения проблем, затронутых в «Критике чистого разума»

Предсказания часовщика

В конце мая начале июня 1941 года обстановка в Риге заметно ухудшилась. Латыши, прекрасно объяснявшиеся на русском, перестали нас понимать. Названия товаров и ценники писались только на латышском. Хорошие знакомые стали с нами разговаривать вполголоса и с оглядкой. Видимо работала немецкая пропаганда, хотя внешних признаков - листовок, надписей на стенах и прочего не наблюдалось. Даже я, активно общаясь с горожанами, этой пропаганды не ощущал. Радиоприемников у нас не было.

Но были и другие признаки приближения войны. В соответствии с доктриной Жукова Сталина о том, что воевать мы будем на чужой территории, на случай вторжения

врага наша граница должна быть надежно прикрыта. Наподобие линии Маннергейма, которую наши войска так и не прорвали. Во исполнение этого гигантского стратегического замысла и располагая практически неограниченными людскими резервами, наше правительство мобилизовало и бросило на границу Литвы и Западной Украины с Германией сотни тысяч невооруженных людей. Только на западной границе Литвы работали десятки строительных отрядов.

Обучая вождению молодое пополнение на танкодроме, я не раз встречался со строителями в одном из таких отрядов. В нем (для трехсот человек) было всего три мосинских винтовки и один «цинк» патронов.

Другого вооружения кроме лопат, носилок и тачек у них не было. Важно отметить, что в отряде было мало автомашин, годных для перевозки людей. Все эти обстоятельства привели к тому, что в самом начале войны тысячи безоружных людей, так и не дождавшихся обещанного командованием вооружения, в панике бежали пешими на восток. Встречаясь во время своего панического бегства со свежим пополнением, которое по приказам командования перемещалось к границе, они создавали хаос и панику во встречных отрядах.

Возвратившись в роту после операции по разоружению латышских воинских подразделений, я по настроениям моих товарищей почувствовал, что приходит конец нашей привольной и спокойной жизни. Следовательно, мне надо было срочно увидеться с моими знакомыми в городе. Может быть, это будет последняя встреча. Связанные с моим последним посещением города события произошли 18 июня 1941 года.

Сперва я направился на улицу Гимнастов. Зал был пуст, но мой тренер Сукки, к счастью, еще не ушел. Он всегда был не очень многословен, но на этот раз у него нашлось

несколько теплых слов сожаления по поводу моей будущей судьбы, и мы по-мужски распрощались. Обычно после тренировки я заходил в кафе «Луна», что на бульваре Райниса. Кафе было открыто. Меня встретили как знакомого и обслужили, но, как бывало прежде, разговоров не завели. Все было безмолвно как на похоронах. Оставалось встретиться с часовщиком. К удивлению, он встретил меня как обычно, как будто все было по-прежнему хорошо.

Это было спокойствие мудреца, уже знающего чем все происходившее может закончиться. И я в который раз удивился его мудрости и способности предвидеть события.

Его последние пророчества в основном сводились к следующему

- немцы значительно организованнее вас, русских. Именно по этой причине на первых порах вы, русские, будете нести большие потери. Но война всему учит! Научит и вас организованности;

- немцев с детских лет школьный учитель воспитывает в духе долженствования (категорического императива), за счет чего они выигрывали много войн, за исключением междоусобных. Вы, русские, не имеете таких качеств в характере. Поэтому вы все равно выиграете, но только за счет того, что вас, русских, очень много;

- в войнах побеждают не идеология, не идеи или религия, побеждают экономика, ресурсы и резервы, которые у вас безграничны.

Эти гениальные пророчества предсказывали мне участие в очень трудной войне, в которой именно мне надо было только одно - выстоять. Я простился с дедом, поцеловался с Валгой и больше никогда их не видел. Много раз, приезжая в Ригу, я пытался их разыскать, но безуспешно. Этот квартал был разрушен и капитально перестроен. Жалко!

Марш-бросок на Неман

День 18 июня я помню до мельчайших подробностей. Именно в этот день наша мирная жизнь сменилась военной. Прибежал дневальный с приказанием мне и еще четверем моим товарищам из старослужащих явиться в штаб полка. Появившись в штабе, мы получили различные приказания. Я должен был сесть за прямой «красный» телефон, предназначенный для связи с 12-м механизированным корпусом и ждать команды от вышестоящего руководства. Примерно в 20:00 телефон задрезжал и я услышал в трубке восклицание: «Пароль Сокол!» По этому паролю прозвучала команда. «Боевая тревога!!!»

Далее все пошло по боевому расписанию, как это не раз отрабатывалось во время учебных боевых тревог. Но на этот раз ощущалась заметная разница как в голосах командиров, отдающих приказы, так и в поведении исполняющих команды - в них чувствовалась нервозность. Но вскоре она прошла: все эмоции вытеснила работа, обычная тяжелая работа, которую все умели делать и привыкли выполнять детально. Опыта войны у нас еще ни у кого не было. Первой задачей в подготовке марш-броска на исходные позиции, который нам предстояло совершить, являлось вытягивание колонны. Было необходимо вывести около 55 танков из нескольких парков боевых машин и поставить их в колонне в соответствии с диспозицией. Эта работа требует нескольких часов непрерывных заводов и глушения моторов при перемещениях танков. На этот раз она закончилась к раннему утру 19 июня построением колонны вдоль улицы Слокас.

После того, как мой танк занял требуемое место в колонне, я сбегал в каптерку и забрал оттуда некоторые вещи,

в том числе вещмешок со своими хромовыми сапогами. Через несколько месяцев они спасут меня от серьезного ранения.

Утром 19-го раздались долгожданные команды: «К машинам!», «По машинам!» и «По местам!». Наконец командир головного танка подал зрительную команду: «Делай как я!», и наша 28-я танковая дивизия двинулась в направлении Шауляя. Прямо на войну! В ходе марша в район сосредоточения, который был расположен где-то юго-западнее Шауляя, мы встречались как с латышами, так и с литовцами. Они стояли с мрачными лицами, пропуская колонну. Невольно вспомнились толпы радостно встречавших нас людей, когда мы вступали в Литву и Латвию.

В пункте сосредоточения

Пункт сосредоточения располагался в сравнительно молодом смешанном лесу, в котором мы, согласно приказу, должны были немедленно превратить наши танки в дзоты (долговременные защитные огневые точки).

Эту совершенно бесполезную и изматывающую экипаж работу, приходилось выполнять вдвоем механику-водителю и заряжающему. Командира танка обычно куда-то вызывали. Работа заключалась в том, что для танка надо было вырыть яму по форме его проекции в плане и загнать в нее танк. Затем обваловать машину так, чтобы можно было легко выехать, и замаскировать танк дерном и ветками. В процессе этой бессмысленной работы приходилось вынимать и укладывать 12-15 кубометров земли, вырубать корни и что-то делать, если встречались камни. Конечно, мы справились с этой работой.

Но тут возникла новая напасть, вытекающая из предыдущей проблемы. Место сосредоточения полка находилось в лесу, где, как известно, туалет всюду. Наши занятия и весь процесс обучения, даже на танкодроме и стрельбище проходил при хорошо оборудованных туалетах, не говоря о казарме, где чистота в туалетах непрерывно поддерживалась за счет многократно получаемых нарядов вне очереди. Будучи в лесу, танкисты, а кто еще, вели себя как придется и быстренько его хорошо загадили. Реакция начальства на этот процесс была немедленной и бескомпромиссной - сменить место дислокации и снова зарыть танки. Правда выполнять это распоряжение уже не было времени. Возникли новые боевые задачи. Все, что было нужно, оборудовали ровиками, заборчиками и даже засыпали хлоркой.

В разведке

Несколько боевых машин, в том числе и мою, приказали выкатить из укрытий и приготовить для разведки в направлении Тильзита. В настоящее время он носит безликое название Советск. Корень от этого слова используется в бесчисленных, ничего не говорящих названиях других советских городов. В задачу разведки, направлявшейся на Неман, входило изучение будущих исходных позиций при форсировании этой водной преграды. Моя машина была поставлена в арьергард, т. е. последней, для оказания возможно необходимой помощи отказавшим танкам. В колонне было около десятка танков и положенное по штату сопровождение из машин обслуживания: ремонтной летучки типа «Б», бензовоза, санитарки, легковой машина штаба и пр. Всего 5-6 машин сопровождения. Марш предпола-

гался небольшой, примерно 10-15 км. Мы, как и положено выходить в разведку, выехали в ночь с 21 на 22 июня.

Хочу остановиться на эпизоде, который и не является боевым, но сильно врезался в мою память. Дело в том, что мой командир танка был отозван для работы в штабе полка. На освободившееся в моей машине место перед разведкой был прислан неизвестный мне командир (в штабе я его не встречал). Я сильно им заинтересовался. Ведь было возможно, что мне придется воевать под его командованием. Пока все командиры танков и представители штаба ушли собственно в разведку, я решил проанализировать свои наблюдения. Не напрасно же я читал книги по психиатрии и психологии.

Заинтересовавший меня командир был среднего роста, пикнического телосложения, видимо сангвиник по характеру. Значит дружелюбный и общительный человек. Лет ему было около тридцати. Он поздоровался со мной и с заряжающим Сережей за руку. Она была теплой и сухой, как у физически здорового человека. Одет он был как и все мы, танкисты, в комбинезон и кирзовую куртку танкиста. Куртка показалась мне слишком чистой. На голове у него был танковый шлем без ларингофонов. Значит он не смог бы общаться со мной по переговорному устройству и тем более включиться в общую радио связь.

Его петлицы были скрыты наглухо застегнутой курткой. При встрече он не назвал своей должности и звания. Значит, я сам должен был догадаться, что они были весьма высокого ранга.

В танк он влез профессионально - быстро и умело. Он остался стоять на сидении командира. Ни разу не садился к прицелу. Всю дорогу он стоял перед открытым командирским люком. Вообще от него веяло силой и уверенностью. Поскольку меня всегда интересовали сильные и знающие люди, то мне захотелось воевать под его командованием.

Война началась

Было раннее утро 22 июня 1941 года. Возвратившиеся из разведки командиры стали расходиться по своим танкам. В это время с запада возник нарастающий гул, и через некоторое время небо стало темнеть и на западном горизонте стало совсем темным. Наконец стало видно, что с этого направления на наши позиции надвигается многоярусная эскадра тяжелых бомбардировщиков. На нижнем ярусе эскадры шли штурмовики. Над нашей колонной нижний эшелон спикировал и начал сбрасывать бомбы на танки. Первая бомбежка началась в 5 • 15 22 июня 1941 года. Именно это время следует считать началом Великой Отечественной войны.

Первой реакцией всех было, конечно, бегство от танков в ближайшее ржаное поле. Но отбежав метров на 30, я и многие другие танкисты сообразили, что укрытие во ржи, даже очень густой, не обеспечивает защиту от бомбежки. Поэтому я и все другие, решили, что броня танка является более надежной защитой от бомб. И тогда все рванули обратно, к своим танкам. Это было очень кстати, так как немецкие штурмовики уже сделали разворот и начали обстреливать (штурмовать) наши танки из крупнокалиберных пулеметов. Никаких серьезных повреждений этот обстрел, как и бомбежка, не принесли. Раненых тоже не было.

Находясь внутри своего танка, я понял, что именно мой танк в настоящее время является непреодолимой преградой для отхода нашей колонны. Слева по моему ходу было непреодолимое для танков препятствие железнодорожная насыпь. Справа - очень глубокий кювет. Ехать вперед до ближайшего разворота я не мог - мой танк был последним в группе. Оставалось двигаться задним ходом, что можно выполнить только при умелом командовании

Глава 1. Перед началом войны

снаружи. Машины сопровождения уже успели убраться. Видимо с ними уехал ожидаемый мной новый командир моего танка. Больше его я никогда не видел. А я его так ждал!

Мне удалось, следуя командам кого-то из командиров, подать танк назад метров на 70 до ближайшего удобного разворота, которым все водители и воспользовались. То, что я сделал, было единственно возможным моим действием, а вовсе не героизмом, как это потом расценили. Тем и закончилась наша разведка.

А потом началась настоящая война...

Глава 2

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ ОТСТУПЛЕНИЕМ

Излагая события первых дней войны, я пользуюсь только моими личными воспоминаниями, которые в некоторых случаях расходятся с официальными описаниями, совпадающими по времени и месту их реализации. Тем более, что слишком красочное их изложение, принимаемое за официальную версию, снижает уверенность в их достоверности. Другим существенным отличием того, что я пишу, является различие точек зрения, с которых описываются одни и те же события. Официальная точка зрения базируется на цитатах из приказов, рапортов, сведений из наградных листов и прочих документов, в самой цели написания которых заложена возможность преувеличения. В живописи этот художественный прием называется орлиной перспективой. Те события, в которых я участвовал, описаны на основе моих воспоминаний, когда я находился на самой нижней ступени ответственности за их реализацию. Я называю эту точку зрения лягушачьей перспективой, и пусть будет так.

Эти скупые строки не создают в сознании читателя образного представления о всей совокупности событий, происходивших в первые дни войны. Наиболее полно охарактеризовать возникшую ситуацию можно только словом катастрофа. Я не берусь здесь судить, почему

страна, имевшая мобилизованную армию, командование которой знало о готовящемся нападении немцев, оказалась неспособной достойно отразить это нападение в первые дни войны. Я буду излагать только факты.

Наиболее емко сущность всего происшедшего описал поэт А. Межиров, чье четверостишие я привожу'

Было и не стало тишины.
То был канун сраженья века!
И все наделали в штаны:
От рядового до Генсека.

Я не ручаюсь за точность цитаты, но всю правду первых дней войны она представляет предельно точно. Хочу предварить вопрос, возникающий в связи с моими воспоминаниями, рассказывать о которых я буду как их очевидец.

Правдиво описать войну можно, только отступив от ее окончания на достаточное расстояние. Иначе неизбежно возникнет тенденциозное изложение событий, влияние авторитетов и засилье цензуры.

Считается, что раньше, чем через пятьдесят лет за это занятие приниматься не следует. Наиболее убедительно этот срок обоснован Л. Фейхтвангером в романе «Иудейская война», где это время четко определено длительностью жизни двух поколений. Для меня это время прошло.

Бомбежка нашей 28-й ТД

Танки, бывшие в разведке, вернулись в 55-й ТП уже после того, как 22 июня расположение всей 28-й ТД подверглось сильнейшей бомбежке и обстрелу штурмовками

немецкой авиации. В результате этого налета дивизия понесла значительные потери в военной технике и в автомобилях с предметами обеспечения: продовольствием, ГСМ и ремонтными средствами. Самый серьезный ущерб был причинен системам управления и проводной связи. Эти системы всегда были главной целью всех немецких военных операций.

Эффективность бомбежки 28-й ТД обеспечивалась абсолютно точными сведениями немецкой разведки о месте дислокации нашей дивизии. Существует выкопировка из немецкой оперативной карты, датированной 21 июня 1941 года, на которой представлены расположения всех воинских частей подчиненных СЗФ, и в их числе нашей 28-й ТД. Эта выкопировка является приложением к первому изданию книги А. Шарипова «И.Д. Черняховский» [5]. Руководствуясь этими разведданными, немецкие самолеты могли абсолютно точно найти местоположение 28-й ТД и беспрепятственно разбомбить ее, тем более что средств ПВО при нашей дивизии в то время (как и после) не было.

Не надо думать, что наша разведка бездействовала. В известной книге Ю.А. Горькова [6] изложены разведданные штаба ПрибОВО о готовности немецкой группы «Север» к нападению на Советский Союз. В разведсводке № 1 начальнику Генштаба Красной армии от 21 июня 1941 года в 7:25 приводятся данные о стягивании немецких войск к Литовско-Германской границе с подробным перечислением частей, указанием их номеров, мест дислокаций, составах вооружения и предполагаемой численности.

Получив приведенные разведданные, Тимошенко и Жуков издали «Директиву № 1» от 21 июня 1941 года, цитаты из которой я привожу

«... В ответ на возможное нападение немецких войск 22-23.06.41 г. Военным советам Западных приграничных округов провести ряд мероприятий по приведению войск в боевую готовность для чего:

Глава 2. Война началась отступлением

а) В течение ночи на 22.06 скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе».

К этому времени наши укрепления на старой границе уже были разоружены, а на новой - еще не были достроены. Это я видел своими глазами, так как бывал на строительстве одного из укрепрайонов на новой границе в Литве



И.Д. Черняховский

по реке Неман и пересекал нашу старую границу при отступлении в районе Пскова.

«б) Перед рассветом 22.06 рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую».

Выполнение этого пункта директивы привело к тому, что 90 % нашей авиации, кучно расположенной на аэродромах, было уничтожено в первые часы войны.

Из Директивы Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО следовало: «Впредь, до особого распоряжения, наземным войскам государственную границу не переходить!»

Подписали директиву Тимошенко, Маленков и Жуков.

Директива № 1 полностью лишала нашу армию всех преимуществ первого удара, как тактических, так и психологических...

Жизнь в окружении

Вернувшись в расположение 55-го ТП, мы оказались, если не в полном окружении, то, наверняка, в полуокружении. К 23 июня несколько танков из числа ходивших в разведку образовали зону обороны правого фланга расположения дивизии. Практически мы вели наблюдение только за «обтекающими» дивизию частями немецкой армии, непрерывно прибывающими в зону боевых действий, не вступая с ними в боевой контакт. Мы могли открыть огонь только при появлении вражеских автоматчиков в непосредственной близости от позиции, занимаемой нашими танками.

Во время одного из дежурств наш БТ-7 стоял на каком-то хуторе, и мы - я и заряжающий Сережа, поочередно влезали на крышу дома и в бинокль хорошо видели даже

лица мотоциклистов в защитных очках. Расстояние 800 м соответствовало прямому выстрелу из танковой пушки калибра 45 мм.

За нашими действиями равнодушно наблюдал хозяин дома, беспокоившийся только о сохранности черепицы, покрывавшей крышу. К позднему вечеру, почти ночью, когда наблюдение стало практически бессмысленным, нашу группу танков вывели ближе к шоссе, приказали поднять пушки на максимальный угол возвышения и сделать в таком положении несколько выстрелов практически в ночное небо. Бесполезность этой стрельбы была очевидна. Один из этих пяти бессмысленных выстрелов сделал я.

Такое относительное спокойствие было только на нашей юго-западной стороне расположения дивизии. Вблизи ее штаба 23 июня, как мы узнали позже, шли ожесточенные бои. Очевидно, что немцы пытались замкнуть кольцо окружения вокруг нашей дивизии. Из первых отрывочных сведений, дошедших до нашей группы танков, мы узнали, что наш комдив, получив приказ из 12-го механизированного корпуса, в состав которого входила наша 28-я ТД, остановить наступление немецких танков рвущихся к Шауляю, днем 23 июня лично возглавил атаку танков 55-го ТП на наступающие вдоль шауляйского шоссе немецкие танки. Эта атака, которой руководил Иван Данилович, была сорвана налетом немецких штурмовиков; в ее ходе сгорело несколько десятков наших БТ-7. После налета немецкой авиации немедленно началась контратака немецких средних танков, обладавших пушками калибра 75 мм.

Выручил комдива находившийся в резерве заместитель командира нашего 55-го ТП Борис Петрович Попов, который повел в контратаку остававшиеся в резерве 17 танков. Он погиб, защищая танк Ивана Даниловича от окруживших его немецких танков...

Борис Петрович, как я узнал позже, похоронен вблизи деревни Котлинсай. Ему одному из первых в Великой Отечественной войне посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза [7]. А я и сейчас горжусь тем, что тогда в Риге получил от него 8 суток строгого ареста. Кажется, что Устав не позволял ему дать мне больше. А надо было дать мне больше!!

Не трудно представить, что произошло бы с нашей группой танков при прорыве обороны. Часть из них уже стояла без горючего: его не успели подвезти. В числе этих восьми танков, вернувшихся из разведки, был и мой. Командира моего танка штаб 55-го полка так и не назначил. Другую часть нашей группы составляли танки 56-го ТП, поврежденные во время первой бомбежки дивизии 22 июня. Но жизнь 55-го полка продолжалась даже в окружении. В первую очередь отправили в тыл всех раненых во время бомбежки. Их было на удивление совсем мало, поскольку легко раненые ехать в тыл отказались. И я хорошо помню, что все одобрили такое их решение. Все они рассчитывали получив в тылу новую технику, снова воевать. Только как танкисты!

Пришел приказ представить к награждению тех, кто отличился в последних операциях, т. е. в разведке. На мой взгляд и по мнению товарищей, таких среди нашей группы не было. Но приказ есть приказ, и его надо было выполнять. Под страшным секретом отобрали четырех человек, в том числе и меня, за проявленную активность в этой операции. Меня представили к медали «За отвагу», остальных троих - к медалям «За боевые заслуги». Конечно, это было «секретом полишинеля». Мгновенно он был раскрыт, поскольку сразу последовало распоряжение политотдела: всех представленных к наградам оформить в ВКП(б) по условиям военного времени, т. е. с трехмесячным кандидатским стажем. Рекомендующих

к вступлению в партию политотдел сам уже подобрал. С одним из них у меня сразу возникли трения. Я написал простое заявление: «Хочу защищать Родину в первых рядах...». Рекомендующему этого показалось мало. Оказывается, все мои товарищи написали, что хотят умереть коммунистами... Рекомендовавший меня в ВКП(б) потребовал написать такое же заявление. На это я ответил: «Хочу жить и воевать!». Он обозвал меня трусом, пытающимся пролезть в партию, и пошел забирать свою рекомендацию, на что ему в партбюро сказали, что будет недовыполнение плана. В нашем плановом государстве этого допускать было нельзя. 26 июня вся документация по нашему приему была оформлена.

По этому поводу мы вчетвером направились выпить в соседнее местечко в полутора километрах от наших позиций. Может показаться странным: ведь мы почти в окружении, накануне шли жестокие бои, есть убитые и раненые. А вдруг тревога? Но по ночам бои шли редко.

Немецкие войска шли на восток, проходившие рядом с нашим расположением колонны пока не навязывали боевых столкновений. Кроме известных нам приказов, других распоряжений от командования не поступало. Оставалось решить, какое оружие брать с собой. Взяли только наганы - личное оружие танкистов. Карабины брать не стали чтобы не пугать население. Мы все были одеты только в комбинезоны, на которых обычно не носят знаков различия.

Обстановка в местечке была совершенно спокойной. Встречающиеся люди даже здоровались с нами. Где-то, примерно в километре от этого местечка, шли на восток немецкие автомобильные и танковые колонны, обгоняя наши отступающие части. Мы нашли литовца, который охотно, но за хорошие деньги, напоил нас какой-то дрянью. Закуска была отличная. Вопросов с оплатой не воз-

никло, поскольку мы расплачивались латами серебряной полновесной валютой. Серебро всегда в цене!

Мы обсудили наше положение и обменялись адресами своих ближайших родственников. Это было мое предложение, поскольку я не верил в близкое окончание войны. Еще были свежи в моей памяти предсказания часовщика, его вера в «категорический императив».

Утром 27 июня обстановка вокруг 28-й ТД резко изменилась. Обстрел штаба дивизии начался с северо-востока. Нашу позицию стали обстреливать с юго-запада. По расположению наших танков открыли огонь тяжелые минометы. Очередями - через каждые пятнадцать секунд - шла серия мин. Видимо этот методический огонь корректировал засевший вблизи от наших танков наблюдатель. Следя из своего танка за результатами обстрела, я заметил, что с каждой серией мин разрывы приближаются к нашей позиции. Крикнув заряжающему: «Сережа, канайся!», я выскочил из башни, крича на бегу: «Сережа, рви когти!» (в то время мы общались на блатном лексиконе).

Командира в наш танк так и не назначили в связи с большими потерями командного состава. В соответствии с субординацией, я был обязан принимать самостоятельно все последовавшие за этим обстрелом решения.

Пробежав всего полсотни метров, я стал ждать окончания обстрела. Минут через 7-10 минометы замолкли, и я с той же скоростью побежал обратно, думая, что там случилось с Сережей. Подбежав к танку и поднявшись на него, я увидел, что люки башни закрыты изнутри. Это значило, что Сережа был в танке. На мое счастье люк, мой люк, был закрыт неплотно. Через него я и влез внутрь танка. Сережа был без сознания, его сильно контузило.

Найдя Сережу, я обратил внимание на повреждения в нашем танке. Мина угодила в самое слабозабронированное место в танке - в крышу воздухоочистителя. Обе крыш-

ки клапанных коробок также были разрушены. Требовалась замена мотора. Эту работу в боевых условиях выполнить было невозможно как и эвакуировать танк в обстановке окружения. Взрывом этой мины, попавшей в танк, и был сильно контужен Сергей. Он почти потерял слух и мучился от сильной головной боли. Его надо было срочно отправить в тыл пока еще существовала такая возможность. Я написал ему адрес моих родителей. Для связи!

Как я ошибался, думая, что самое крепкое и надежное место в моей жизни это - родительский дом. Через месяц после начала войны отца, полковника медицинской службы, призвали. Ему поручили госпиталь с тяжело ранеными (ампутантами) в городе Уфе. Их надо было не только лечить, но еще и выхаживать. Моя родная Калуга была оккупирована немцами, и мой родной дом был разграблен и сожжен. Мародерство и грабежи начались с первых дней войны, в чем я убедился уже в Риге, вернувшись в расположение 28-й ТД на улице Слокас.

Второй день моего рождения

Оставшись один, я был обязан принять решение, что сделать с небоеспособным танком. Вопросы ремонта и эвакуации полностью отпадали. Значит, я должен был разоружить танк и привести его механизмы в небоеспособное состояние. Эту проблему без всякого приказа принялись разрешать все экипажи восьми танков нашей группы. Мотор моего танка уже был негоден для эксплуатации, оставалось разобраться с вооружением, прицелом и командирской панорамой.

Я далек от сентиментальности, но признаюсь, что мне было тяжело разоружать свою боевую машину, как будто

я терял частицу себя. В первую очередь надо было вынуть затвор из пушки. Его следовало отнести подальше от танка, закопать и замаскировать место захоронения. Надо было снять оптику, прицел и панораму. Закапывая приборы, я вспоминал, как дорого они стоили. Но пришла пора не огорчаться от потерь, а привыкать к ним. Любая война это бесконечные и совершенно бессмысленные потери! Осталось решить вопрос с пулеметом ДТ (Дегтярева танковый). Это было отличное боевое оружие, я не раз получал благодарности за стрельбу из ДТ. Но это была стрельба из танка. Вне танка из ДТ можно было стрелять, используя сошки, а сошки Сережа куда-то задевал. Тащить такую тяжесть (без диска 7,5 кг) я не решился и тоже закопал. Попрощавшись с танком, я взял вещмешок с моими хромовыми сапогами и вместе с другими танкистами, оставшимися без машин, отправился на место сбора, которое было в 1,5 км от оставленной нами техники.

Отдохнуть и собраться с мыслями после пережитого мне не удалось. Меня разыскал политрук, тот самый, который принимал меня в партию. Он попросил (конечно, это был приказ) вернуться к оставленным танкам и взять из его танка полевую сумку с партийными документами. Он пытался убедить меня в том, что если эти документы, а среди них было и мое заявление о приеме в партию, попадут в руки немцев, то в первую очередь пострадаю я. Естественно, за потерю этих списков должен был нести ответственность он политрук, и не от немцев, а по партийной линии. Мы оба понимали, что это лажа. Но я после первого знакомства с политработниками, еще в карантине, дал себе слово не вступать с ними в разговоры. По военной привычке сказал только: «Есть принести сумку!».

Я довольно быстро нашел брошенные нами танки и танк, где политрук оставил свою сумку. Полевая сумка, как он и описал, висела на левом триплексе в башне. Попутно

я отметил, что затвор из его пушки вынут, а пулемет ДТ остался в спаренной установке. Вынимать пулемет из установки и закапывать его у меня не было времени. Я достал из него только затвор и на обратном пути выкинул в кусты, подальше от оставленного танка.

Есть неписанное правило танкистов - ходить по полю боя только по следам танковых гусениц. В этом случае танкист не напорется на мину - они либо уже взорвались под тяжестью танка, либо их там нет. Но главное в том, что, шагая по следам своих гусениц, танкист придет к своему танку или вернется на исходные позиции, где его ждут свои. В моем распоряжении таких следов не было. Наши поврежденные танки остались позади, поэтому я пошел наугад. Расстояние было по моим представлениям всего 1,5 км. Звуки стрельбы, по которым я собирался ориентироваться, слышались со всех сторон. В довольно низком лесочке я вообще потерял направление на восток, тем более, что день был пасмурный и ориентироваться по солнцу не было возможности. Вскоре я вышел на какую-то дорогу, которая привела меня на хутор, откуда я немедленно был обстрелян дробью. Несколько дробинок попали в меня. Вспомнив, что я рассчитывал попросить на том хуторе воды, я стал искать воду и, наконец, нашел ее в копытном следе какого-то домашнего животного. День был жаркий, и выбора не оставалось. Время шло, а я так и не определил где восток. Я пытался вспомнить все правила, которым нас учили на уроках топографии в учбате. Мох должен был расти интенсивнее с южной стороны стволов. Здесь он рос одинаково со всех сторон. Наверное, климат был такой. Были и другие признаки определения стран света. К примеру, алтарь в православной церкви всегда обращен на восток. Алтаря поблизости не было.

Внезапно я расслышал характерный звук движения танков. Решив почему-то, что это наши танки, я побежал

на этот звук и увидел колонну примерно в сорока метрах от себя. На башнях танков были черные кресты. Я был в кустах и рухнул на землю. Ползком стал выбираться подальше от этого опасного места. Теперь я смог найти направление на наше расположение и вскоре вышел к нему. Там я нашел своих товарищей и командира, распорядившегося эвакуацией танкистов, оставшихся без танков. Теперь у меня было достаточно времени, чтобы представить, что могло произойти со мной, если бы я подошел поближе к немецким танкам. Поэтому я считаю день 27 июня вторым днем своего рождения.

Мы переночевали прямо на земле, благо ночь была теплая. Утром 28 июня нас и всех танкистов из 56-го ТП, потерявших танки еще во время самой первой бомбежки дивизии, посадили в открытые бортовые машины.

Под прикрытием танков 56-го ТП, которыми командовал майор Н.И. Герко, наша колонна выехала на Митаву. Так началось отступление 28-й ТД, которая всегда отступала или выходила из окружения с боями только после всех. Так было и в эти дни начала войны. Не из любопытства, которым я всегда отличался, а из возникшей в моем сознании тревоги о тех моих товарищах из 55-го ТП, я попытался узнать, что же произошло в первые дни войны с 28-й ТД и с моими друзьями из 55-го ТП. Я их не видел среди эвакуируемых танкистов.

Последний бой 28-й ТД

Поскольку я не принимал участия в активных боевых действиях, то мне оставалось выяснять только определенные бесспорные факты. Я не вел разговоров с непосредственными участниками боев, с самими танкистами, по-

сколько их здесь не было. Впоследствии, у знакомых мне офицеров штаба 55-го полка, после кратковременного возвращения в Ригу, я уточнил некоторые важные факты и даты. По ним я могу ответственно описать события, произошедшие с 55-м ТП, 28-й ТД и ее командиром, И.Д. Черняховским, который в боях 23 и 24 июня, проявил себя как храбрец и как волевой комдив.

По-моему, события разворачивались так. Немцы, наступая из Тильзита, форсировали Неман и 22 июня взяли городок Таураге. Стремясь организовать противодействие наступлению, командование 12-го механизированного корпуса 23 июня отдало приказ Черняховскому выйти на рубеж Варнай - Ужвентис.

Однако эта операция не удалась. Атака 55-го ТП, которая должна была начаться утром 23 июня, началась на пару часов позже, поскольку наши танки стояли на исходной практически без горючего. Несмотря на то, что будучи в атакующем танке, атаку лично возглавил комдив, танки 55-го ТП были рассеяны и сожжены немецкими штурмовиками. Как я описал ранее, выручил комдива Борис Петрович Попов, бросивший в атаку последние 17 танков 55-го ТП. Они-то и спасли комдива. На одном из флангов нашей дивизии должна была действовать 23-я ТД, которая вступила в бой с запозданием и первой начала отходить...

Бои 24 июня происходили где-то севернее рубежа Варнай - Ужентис. Силы немцев существенно превосходили наши, потрепанные бомбежкой еще 22 июня. Наши атаки не удались, поскольку немецкие танки Т1 с пушкой калибра 75 мм существенно превосходили по огневой мощи наши БТ-7 с пушкой 45 мм. В этих боях 55-й ТП потерял около 67 танков. Ни в одном из них не было оказано поддержки со стороны пехоты и авиации. Так воевала 28-я ТД. Всего в 28-й ТД на 28 июня оставалось около 40 или 42 танков, принадлежавших 56-му ТП. В описанных ранее боях 23 и

26 июня 55-й ТП потерял, по моим подсчетам, около 67 танков, остальные танки были потеряны во время бомбежки 22 июня. Восемь из числа ходивших в разведку 21 июня, в том числе и мой танк, были брошены по причине отсутствия горючего. К началу войны в двух полках 28-й ТД, 55-м и 56-м ТП, было 212 танков БТ-7 и БТ-7 А.

Здесь я привел подсчет потерь в той форме, как это обычно проводилось в наших отчетах о прошедших боевых операциях, например в «Зимнюю войну», так именовались бои на Карельском перешейке.

Это был обычный советский (совковый) подсчет потерь, при котором не придается значения тому, с какими людскими жертвами было связано достижение успеха или сопровождалось поражение в конкретной боевой операции. Но ведь в танках гибли люди - танкисты!

Во время пребывания в учебном батальоне 27-й легко-танковой бригады в Борисове нас знакомили с результатами боев, которые вела 13-я Краснознаменная легкотанковая бригада, вооруженная как и наша, танками БТ-7, при попытке прорыва линии Маннергейма. В четырех танковых батальонах был 151 танк типа БТ-7 и 26 легких танков других типов. Близкая организация бронезащиты этих типов танков позволяет представить характер безвозвратных потерь среди танкистов в боях, которые вела 28-я ТД.

Следует иметь в виду существенные различия в характере боев 23 и 24 июня в районе Шауля и в 1939 году на линии Маннергейма. Они не позволяют непосредственно сопоставлять повреждения, возникавшие в легких танках. Танки 55-го полка были атакованы немецкими танками, в типичном танковом бою и поражались со всех сторон. Танки 13-й бригады поражались кинжальным огнем и в основном в лобовой лист и в башню. Известны только общие потери, которые понесла 13-я легкотанковая бригада в «Северной войне» 1939-1940 годов. Были убиты 234 человека

и 454 ранены. Такое соотношение я неоднократно отмечал по результатам активных действий нашего 42-го танкового полка прорыва, который считался личным резервом командарма К. К. Рокоссовского.

В то время, которое я описываю, нам - курсантам учебного батальона 23-й легкотанковой бригады - уже многое было известно о результатах возможных попаданий снарядов или тяжелых мин в легкий танк. Поэтому я с достаточной достоверностью мог представить себе результаты артиллерийских дуэлей между танками Т1 и БТ-7. Попадание в наш танк снаряда из 76-мм пушки могло реализоваться двояко:

- в виде непробойного попадания, когда снаряд только лишь коснувшись брони танка уходит рикошетом в пространство;
- при пробойном попадании, когда снаряд проламывает броню и независимо от того, был ли это бронебойный (просто болванка) или осколочно-фугасный снаряд, разрушения внутри легкого танка реализуются практически одинаково.

Не рассматривая условия реализации пробойного попадания и рикошета, которые зависят от угла наклона листов брони, условий закусывания броневых листов снарядом и т. п.

Останавливаясь подробнее на различии ранений танкистов в этих случаях. При непробойном попадании броневой лист только прогибается и с его внутренней поверхности отлетают кусочки брони размером примерно с ноготь, которые поражают открытые места тела, главным образом лицо и руки. При пробойном попадании, осколочно-фугасный снаряд взрывается внутри танка, нанося ранения и увечья всем членам экипажа и вызывая пожар. После непробойного попадания экипаж танка может выполнять боевую задачу (если он не впал в панику).

При пробойном попадании и взрыве снаряда все члены экипажа оказываются оглушенными и в большинстве

случаев тяжело ранеными, так что они не могут выбраться из легкого танка, в котором обязательно возникает пожар...

Думаю, что именно так 23 и 24 июня умирали танкисты, 55-го полка 28-й танковой дивизии, которой тогда командовал подполковник Иван Данилович Черняховский. Никого из своих товарищей по моему родному полку, кроме упомянутых ранее, я никогда не встречал!

По пути в Ригу

Последний сборный пункт 28-й ТД был назначен севернее Шауляя на речке Мужа между Вайды и Помуши. В этот день началось наше организованное, с боями, отступление. Многие части, например 23-я ТД, в это время просто бежали на восток!

После Митава наша организованная колонна останавливалась, пропуская новые подкрепления,двигающиеся в район боев. Вновь подходившие части неизбежно сталкивались с группами безоружных строителей из стройотрядов, возводивших линию обороны на границе Литвы с Германией. Они не дождались обещанного оружия и в панике рвались на восток. Это было столкновение двух резко различающихся психологий и возбуждало панику в частях, двигавшихся к месту боев.

Все это происходило несмотря на патриотические призывы, лившиеся непрерывно из сопровождавших нашу колонну радиоустановок.

Впечатления, связанные с первыми днями отступления, крепко застряли в моей памяти. Однако записать их в стихотворной форме я смог только получив возможность распоряжаться своим временем. Это я осуществил в госпита-

ле, который был в монастыре города Ченстохов. Туда я попал после последнего тяжелого ранения. Привожу это стихотворение, содержащее самое существенное из моих первых впечатлений о начале войны.

АЗБУКА ВОЙНЫ

Мы с января готовились к войне,
Надеявшись без боя быть в Тильзите.
Не позже, чем на будущей весне,
Где немцы нам с поклоном скажут *bitte*!

В Прибалтике, тепло встречавшей нас,
Вдруг русских узнавать не стали.
Молчали и, не поднимая глаз,
Вдыхали тяжело, будто бы устали.

К нам шла война. Ее все ждали.
И по паролю «Сокол», наконец,
«Громя огнем, сверкая блеском стали...»
На Неман танки выдвинул «Отец»

В июне полк стал прочно на границе,
По башни танки в землю закопав.
Полк ждал приказа: «На Тильзит
пробиться!», Захватывая вражеский анклав.

Вставало солнце над ничьей рекою.
Еще в росе были окрестные поля,
Когда от самолетов шедших строем,
Упали бомбы, вздыбилась земля!

Крушили все круговороты взрывов!
Горели танки! Лопался металл!
И лес плясал под музыку разрывов...
Такой войны никто не ожидал!

В последнем четверостишии я пытался описать то положение, в котором оказалась 28-я ТД после бомбежки 22 июня. Дивизия потеряла 87 боевых машин. Но она с боями отступала...

Главная беда заключалась в том, что мы начали терять своих боевых товарищей. Стали очевидны и другие мелкие утраты. Уже по пути в Елгаву я узнал, что наша документация на представление к наградам сгорела вместе со штабной машиной, так же сгорели и партийные документы. Из-за этого мне пришлось вступать в партию во второй раз. Жалко, конечно, но уж слишком легко достались нам эти награды!

До Елгавы мы ехали относительно спокойно, пропуская только машины с ранеными. Дорога Елгава - Рига, по которой прошла 28-я ТД, возвращаясь в свое расположение, была забита отступающими или бегущими частями. Порядка на ней не было, поэтому наша колонна повернула на город Слоку, знакомый нам по многократным выездам на полигон или танкодром. На дороге Елгава - Слока нас ожидал ужасный по своей сути сюрприз от латышских фашистов-айзсаргов. В двух местечках на нашем пути он выложили дорогу телами убитых ими женщин и детей. Так айзсарги встречали нас на въезде и провожали на выезде. Видимо все это делалось для устрашения.

Особенно ранил сердце тот порядок, с каким укладывались тела: отдельно женские и детские. В одном месте я насчитал более десяти тел. Латыши были очень аккуратными людьми, это следовало из того порядка, в котором они укладывали тела убитых ими. В Риге я узнал, что айзсарги таким образом мстили тем латышам, которые служили в советских учреждениях. Пионеров они душили галстуками. Сам я тел убитых не разглядывал, но могу поверить в это, особенно после того, что я увидел своими глазами.

Дальнейшее продвижение нашей колонны проходило по шоссе Слока - Рига, которое кончается улицей Слокас. Это уже был район размещения 28-й ТД. Знакомое нам до боли в сердце шоссе проходит вдоль Рижского залива с левой стороны, а с правой - вдоль бесконечной вереницы дачных домиков. Припомнились многократные возвращения наших танков с полигона. Обычно мы возвращались поздним вечером. Из всех домиков доносилась музыка, песни и приветствия в наш адрес. Сейчас все было пусто и как-то непривычно мертво.

За домом Черноголовых

Мы, оставшиеся без машин танкисты, вернулись в казармы 55-го ТП 30 июня. В первую очередь я направился в каптерку, где должны были храниться наши личные вещи. Там был полный разгром, следы грабежа и мародерства. Нетрудно было догадаться кто это учинил.

Нам было известно, что для охраны всех ценностей и имущества дивизии был оставлен 28-й автобронетанковый полк. Следовательно, и грабили, и мародерствовали они. Больше это делать было некому. Находившиеся на территории военного городка магазины, как продовольственный, так и промтоварный, также были разграблены. Для нас, уже переживших первый разгром полка и первые потери, было странным представить себе, что они будут делать с награбленным добром и как они сумеют его вывезти. Себя я похвалил за предусмотрительность с какой я захватил свои хромовые сапоги, бывшие у меня за спиной в вещевом мешке. Но подарок, который я приготовил для своей матери, был украден.

От майора, руководившего нашей эвакуацией, поступила команда привести в боевую готовность стоявшие на ремонте танки. В случайно сформированном экипаже, я оказался в положении заряжающего, по-прежнему именуемого командиром орудия. Командиром танка оказался лейтенант, бывший командир взвода в другой роте 55-го ТП. Механиком-водителем был назначен его бывший механик. Нашему экипажу поручили закончить ремонт танка БТ-7А с 76,2-мм короткоствольной пушкой. В этом танке оставалось поставить и закрепить болтами несколько листов брони, снятой с него при установке восстановленного, как я заметил, а не нового двигателя. Командир танка, задавшийся целью как можно скорее закончить ремонт, приказал мне не закручивать на всю резьбу броневые болты, а завернуть их на несколько оборотов и загонять в резьбу ударами кувалды. Конечно, эта технология существенно ускоряла процесс ремонта, но танк становился непригодным для ремонта, но в нашей обстановке это и не требовалось - танк шел в последний бой. Что касалось нас, то кому как повезет!

По приказу заместителя комдива 28-й ТД, наш танк занял позицию перед домом Черноголовых знаменитым зданием, оставшимся в Риге еще со времен балтийской Ганзы. Помню я не раз после тренировок приходи любоваться его неповторимой архитектурой. Должен добавить, что этот дом разрушили во время освобождения Риги. На его месте был сооружен памятник латышским стрелкам, охранявшим В.И. Ленина. В настоящее время архитектура дома Черноголовых восстановлена полностью. Конечно, наш танк был поставлен не для охраны этого дома. С того места, где стоял танк, открывался великолепный сектор обстрела на понтонный мост через Западную Двину. Мост из-за какого-то разгильдяя, как нам

объяснил зам командира нашей дивизии, не был своевременно взорван, и к нему с набережной левого берега реки ползли наступающие немцы. Я видел это через телескопический прицел ТОП. Некоторые из немецких солдат были даже в окровавленных бинтах. По версии нашего командования, город Рига был обещан наступающим немцам на три дня на разграбление. Рига была действительно очень богатым городом.

Я указал командиру танка на исключительно удобную позицию для прямого выстрела из нашей 76,2-мм короткоствольной пушки. В ответ на это он показал мне через командирскую панораму ПТ-1 левый берег Западной Двины, где разворачивалась немецкая батарея 50-мм пушек РаК 38. Я опознал ее, так как нас этому обучили, когда готовили 28-ю ТД к захвату Тильзита. Мне стала ясна бессмысленность и опасность моего предложения. Наш танк после пары выстрелов немедленно был бы расстрелян бронебойными снарядами. А мы даже не могли причинить серьезного урона врагу. Значит война нас уже кое-чему научила. Прав был старик-часовщик!

Вскоре всей нашей группе танков, стоявших вдоль набережной около Старого города, было приказано выйти из Риги. Мы должны были отступать по направлению на Мадону, догоняя ушедший по направлению Мадона - Остров 55-й ТП нашей дивизии. К вечеру 30 июня колонна оставшихся девяти отремонтированных нами боевых машин покинула Ригу. Прощаясь с городом, когда колонна проезжала мимо памятника «Освобождение», я вспомнил, что около него я дежурил в танке в те дни, когда Латвия присоединялась к СССР. Значит в ее присоединении есть и моя заслуга. Я очень сожалел, что не смог увидеться с дедом-часовщиком и Валгой. Уже шла настоящая война!

А.Н. Чеканов • Так было
Путь на Мадону

Не буду описывать весь довольно однообразный путь на Мадону, прошедший без боевых столкновений с весьма редкими обстрелами немецких штурмовиков.

За несколько километров до Мадоны у нашего танка заклинило двигатель. Как я и предположил во время ремонта БТ-7А, в нем был установлен плохо отремонтированный мотор. А может быть это был результат диверсии? Таких случаев в начале войны было много. Еще когда дивизия стояла в пункте сосредоточения под Шауляем были случаи получения бензина, наполовину смешанного с водой. Я сам был этому свидетель. Говорили, что в снарядах ящиках к 45-мм пушке вместо этих снарядов была бумага. Ящики были опломбированы, а по весу все сходилось.

По приказу командира танка я разоружил наш БТ-7А, как и раньше свою машину. Однако наш командир не позволил закапывать пулемет ДТ. Я взял его и сошки, а механик-водитель - два диска к нему. Сам командир безжалостно разбил танковый прицел и командирскую панораму. Поскольку предстояло ехать на попутной машине, а не топать, я не стал возражать против бессмысленной нагрузки, предполагая решить этот вопрос после в удобном месте...

Мы оставили танк и пересели в проходившую мимо бортовую машину нашего полка, везущую НЗ - неприкосновенный запас продовольствия. Соседство было на мой взгляд весьма привлекательным, и кладовщики были довольны, поскольку оно гарантировало им определенную защиту от попыток разграбления продуктов. Хорошо питаясь, мы спокойно проехали по маршруту Мадона - Остров - Порхов - Дно. Дальнейшее наше продвижение к поставленной цели - Новгороду было прервано. Нас остановил заградотряд. Машина с продовольствием была арестована до выяснения ее принадлежности к 28-й ТД.

По пути в Новгород

В соответствии с последними распоряжениями СЗФ, нас должны были передать в ближайшую пехотную часть. Такая перспектива танкистов не устраивала. Мы не были дезертирами и, сознавая свою ценность как уже воевавших танкистов, хотели только снова сесть в танки и снова воевать. Охраны не было, и мы решили сбежать ночью и двигаться пешими через лес на Новгород. У нашего командира была топографическая карта. Неожиданно, продвигаясь в лесу глухими тропинками, мы встретились с другой группой, также двигавшейся к Новгороду. Среди них были и танкисты из 28-й ТД. Случайно выйдя на открытое место, наша группа, которая уже насчитывала 12-15 человек, почти все танкисты, была снова остановлена пехотными командирами. Они положили нас на землю и приказали окапываться. Ни оружия, ни лопат нам, конечно, не дали. Из оружия у нас были только наганы, и окапываться нам было нечем. Пролежав так до вечера и увидев, что положившие нас на землю командиры «слиняли», и мы не остались на этой наспех организованной и ни чем не обеспеченной линии обороны.

Несколько раз по пути в Новгород нас обстреливали немецкие штурмовики, опускавшиеся так низко, что были видны лица летчиков, видели их защитные очки и даже злорадный оскал. Но мы уже перестали бояться обстрела штурмовиков, попросту отбегали в сторону, перпендикулярную направлению их полета, и спокойно лежали на земле. В это время мы наблюдали за неопасными для нас маневрами немецких самолетов. Ведь научила нас кое-чему война!

Где-то недалеко от Новгорода мне пришлось увидеть грандиозный налет немецкой авиации на наши тылы. Не-

мецкие эскадрильи, от которых потемнело небо, шли в три этажа на высоте примерно 2-3 км. Конечно, я мог совершенно спокойно наблюдать за их действиями, не опасаясь бомбежки. Внезапно эти эскадрильи стали разворачиваться. Одна половина их повернула на север, как я понял бомбить Ленинград, другая на юг, следовательно, бомбить Москву. Здесь я подумал, что в этот день, как и пред-: сказывал мой часовщик, Гитлер проиграл войну. Что было бы, если бы все самолеты были направлены только на Ленинград или только на Москву? Могли бы пасть Ленинград или Москва? Возникла бы совершенно другая военная обстановка, в которой, как предсказывал часовщик, мы все равно победили бы. Но какой ценой, какой потерей наших резервов?

Однажды нашу группу слегка пробомбили, сбросив на головы несколько малых бомб, разрывы которых осыпали нас осколками. Досталось моим хромовым сапогам. Я их все время носил в мешке за спиной. Осколок бомбы пробил насквозь завернутые в голенища подметки сапог. Если бы не сапоги, то осколок ударил бы по моему позвоночнику. Последствия этого очевидны, и могли бы быть ужасными. Мы были вдалеке от дорог, и помощи ждать было не от кого.

Наконец, следуя на восток, мы вышли на железную дорогу, которая, судя по карте нашего командира, должна была привести нас в Новгород. Собственно чего мы ожидали в Новгороде или по пути к нему? У всех нас была одна надежда - встретить любую танковую часть и влиться в нее. В город мы пришли поздно ночью. Я не знаю какого это было числа. Скитаясь по лесам, я давно перестал вести счет дням. Скорее всего, это была середина июля.

В Новгороде и на Ильмене

Город порастил нас своей мрачностью и абсолютной тишиной. Даже лай собак не было слышно. Продвигаясь по направлению к Волхову, мы наконец встретились с патрулем. Он, следуя Уставу, подал команду: «Лечь на землю! Руки за голову!», на которую мы, и не думая выполнять, ответили дружным хохотом. А как еще могла ответить группа вооруженных наганами танкистов, многократно прошедших подобное испытание? Из беседы с комендантом города мы поняли, что поблизости от Новгорода нет танковых частей. Поскольку военная обстановка вокруг города была относительно спокойной, комендант приказал нашей группе обеспечить оборону западного берега озера Ильмень в 15-20 км южнее города.

К общему сожалению, командира танка, с которым мы прошли такой длинный и трудный путь до Новгорода, с нами уже не было. Вероятно, ему, как офицеру, вручили какую-нибудь группу из бегущих на восток солдат и «положили» их в оборону под его командованием. Это мы видели не один раз, и даже сами подвергались такому обращению. В нашей группе танкистов к этому времени осталось одиннадцать человек.

Выполняя приказ коменданта, наша группа вышла на берег озера Ильмень, и сразу все почувствовали неизъяснимое блаженство от бескрайних водных просторов и благоприятной температуры воздуха... И от всей этой спокойной обстановки мы хотя бы на некоторое время отключились от войны.

Я вырос на Оке пока она еще была полноводной. В это время до Калуги ходили пароходы, но очередная «стройка социализма» - неудавшаяся Калужская ГЭС - испортила как реку, так и всю природу вокруг города. После того как вырубили калужский бор под водохранилище, Ока

обмелела, а ГЭС, как оказалось, нельзя было строить по геологическим условиям.

Невольно я стал руководить действиями нашей группы. В первую очередь надо было организовывать быт. Поскольку все бросились купаться, то первое, что я предложил - купаться по очереди. Остальные должны были создать укрытия от возможного дождя. Второй задачей, которую я поставил, было организовать рыбалку. Конечно ни сетей, ни даже простейшей удочки в нашем распоряжении не было, но у всех были гранаты «Ф-1». Поскольку никто не знал, как при помощи взрыва ловить рыбу, то сперва я продемонстрировал этот процесс на личном примере.

Первое правило: после взрыва (или взрывов, если брошено несколько гранат) надо как можно быстрее нырять за рыбой, пока она не очухалась. Второе правило: если брошено сразу несколько гранат, то надо сосчитать число прогремевших взрывов (понятно почему). Следует иметь в виду, что это самый неэкономный способ ловли. Из оглушенной взрывом рыбы удастся достать не более одной десятой части. Несмотря на такие потери, мы ее глушили, ловили и пекли. Так прожили два дня. На третий день, когда я в очередной раз полез в озеро и выбрался на берег с довольно крупной рыбой в руке, то оказался перед проверяющим нас пехотным командиром. Он размахивал пистолетом ТТ перед моим носом и кричал: «Расстреляю за демаскирование позиции!». Тогда многие, чувствуя свое бессилие, употребляли эту угрозу.

Я был совершенно голый и в руке у меня был не наган, который можно было вынуть в ответ, а рыба. И тут я почувствовал, что меня окружают молчаливые танкисты. Некоторые даже стали заходить спереди, как бы прикрывая меня от истеричного командира, машущего пистолетом. В конце концов он удалился, произнося различные угро-

зы в наш адрес, которые реализовал позже через коменданта города.

На другой день к нам явился новый командир - лейтенант в очках и в свежей амуниции, видимо только что окончивший ускоренные курсы. По приказу коменданта города вся наша группа включалась во взвод под командованием этого лейтенанта. Мы должны были немедленно перебазироваться на новое место, находящееся в 6 км от восточной стороны Новгорода. Это место находилось в направлении на Кирилловский монастырь, который был уже захвачен немцами и который мы должны были отбить. Наш новый командир оказался очень приятным человеком. Он был учителем физики только что начавшим преподавание. Он сразу признал наше превосходство как уже обстрелянных солдат, и, даже не поговорив со мной подробно, понял, что я лидер в этой группе. Это мне весьма польстило. Но у него был один очень существенный физический недостаток: при волнении он начинал заикаться. И чем сильнее было волнение, тем сильнее он заикался. Конечно, все это заметили, и через два дня весь взвод научился заикаться. Особенно интересно было слушать старые анекдоты с поправкой на заикание в исполнении одного моего товарища, обладавшего несомненными актерскими способностями.

Мое первое ранение

Так мы проводили свое время, которое все было свободным, поскольку мы ожидали приказа выбить немцев, засевших в Кирилловском монастыре. Мы занимали брошенную жителями деревню, где оставалось довольно много кур. Яйца, на которых они сидели, уже не годились для

еды, но сами куры весьма годились. Было у нас и развлечение, против которого ужасно, вплоть до заикания, протестовал командир взвода. Дело в том, что немцы обстреливали нашу деревню из крупнокалиберного пулемета. Но пули не достигали деревни, а ложились метрах в трехстах перед избами. Среди нас находились смельчаки, которые старались подойти к месту падения пуль, поднимавших комочки земли при ударе. Надо было пройтись как можно ближе к полету этих комочков.

Пришел конец и нашим курам, и нашим прочим развлечениям. Взвод был доукомплектован за счет собранных из разных частей солдат. Большей частью пополнение состояло из беспорядочно отступавших, короче бежавших с поля боя даже без оружия. Нас, группу танкистов и «под крепление», кое-как вооружили. Я выбрал винтовку СВТ. Большинству вручили мосинские винтовки, возможно оставшиеся еще с Гражданской войны.

Ранним утром нас вывели на исходные позиции на берег какой-то речки, через которую нам предстояло переправляться. Поискав вдоль берега, мои танкисты нашли лодку без весел. А кто оставляет весла в лодке? Сбегали за шестом. Но оказалось, что никто кроме меня не умеет управлять лодкой при помощи шеста. Я ведь вырос на Оке. Поэтому командир взвода приказал мне возить солдат на другой берег, а обратно возить раненых, которых накопилось немало. Лодка вмещала не более шести солдат с оружием. Каждый раз возвращаясь, я вез 5-6 раненых солдат. Не выдержав этого однообразия, я сказал командиру взвода, который руководил посадкой солдат: «Зачем их возить туда-сюда? Давай будем их стрелять на этом берегу!». На что он ответил заикаясь: «Э-тто-оо юю-мо-оор вии-сель-нии-ка!», тем самым показав, что он интеллигентный человек, принимающий все серьезно, а не так как я, циник. Но в то время мне не было стыдно за свои слова. Стыд ко мне пришел значительно

позже, когда я столкнулся с исполнением приказа И.В. Сталина № 227.

Внезапно немцы начали обстрел переправы из минометов. Я на обратном пути вез несколько раненых и, опасаясь, что они могут утонуть, если мина попадет в лодку, решил проскочить зону разрывов мин. У самого берега осколок мины ударил меня в кисть правой руки. Конечно, с одной левой рукой я уже не мог толкаться шестом, и командир взвода, сделав перевязку, отправил меня в тыл в пункт первичной обработки раненых. Там мне сменили перевязку и сделали укол от столбняка, отправили дальше в тыл в эвакогоспиталь, который так и назывался ЭГ-700.

Там, пройдя все необходимые процедуры, я наконец, спокойно заснул на койке под одеялом, но отдохнуть не удалось. Поздно ночью меня разбудила дежурная сестра, которая повела меня в комнату, где уже сидели трое раненых. Оглядев их, я обратил внимание, что у всех были перевязаны кисти правых рук. Тут я сообразил, что попал в компанию самострелов, которых полагается расстреливать. Не дожидаясь развития дальнейших событий, я стал разбинтовывать свою кисть. И вовремя! В комнату вошли трое в синих фуражках. Это были люди из недавно организованной контрразведки СМЕРШ. Я не стал дожидаться вопросов, сам протянул одному из них раненую руку с касательным, а не сквозным, как бывает у самострелов, ранением. Впрочем сквозные ранения могли получить и не самострелы. Достаточно было просто поднять руку из окопа, как снайпер простреливал ее. Повертев мою руку, один из «синих фуражек» показал ее другому, сказав мне: «Идите пока!». Эту фразу я потом не раз слышал при не менее критических обстоятельствах.

Что произошло на другое утро я потом описал в стихотворении, которое привожу ниже, с той лишь разницей, что

А.Н. Чеканов • Так было

расстреливали двоих, а я написал только про одного. Не укладывался второй приговоренный к расстрелу в размер моего стиха.

ТОГДА В СОРОК ПЕРВОМ...

С утра в каре был госпиталь построен.
В его середине без обмоток, без петлиц
Стоял понуро бывший русский воин
Перед глазами сотен жестких лиц.

И вот перед полураздетым строем,
Где кто в бинтах, кто еле мог стоять,
В фуражках синих вышли трое,
Чтоб перед нами труса расстрелять.

Чтоб в ожиданье смертной казни,
Здесь каждый вдоволь посмотрел,
Как будет осужден «указник»,
Как жизнь закончит «самострел».

С лопатами «к ноге» стоял наряд.
Была могила вырыта в овражке.
Для нас, чуть оклемавшихся солдат,
Зачитан приговор,
Тем самым, кто в фуражке.

Конец! Не проронив ни звука,
Сам на колени смертник стал,
Прижав к груди прострелянную руку.
И полотенцем кто-то ловко,
Ему затылок завязал.

К таким в нас злость была не малой!
Но чтобы без эксцессов казнь прошла,
Наверняка, немало бромурала,
Ему ввела дежурная сестра.

Глава 2. Война началась отступлением

В набрякшей тишине в упор, в затылок - выстрел!
Он - вниз лицом. Знать сразу был готов...
Лишь только дергался ногами быстро-быстро,
Ботинки скинувши. Они ведь без шнурков...

Вровень с землей заровнена могила,
Никто не вспомнит места, хоть зарежь!
Но память обо всем, что было,
Хранят архивы контрразведки СМЕРШ.

А здесь же рядом, уже рвались мины.
И лишь слышав шорох вражьих пуль,
Почти без выстрелов катилась в тыл лавина.
Был сорок первый год тогда! Июль!

Июль 1941 г. Валдай. Госпиталь ЭГ-700

После была эвакуация раненых, которых набрался полный состав теплушек. Несколько раз состав обстреливали немецкие штурмовики и, наконец, нас выгрузили в городе Вышний Волочек.

Глава 3

В ТЫЛУ, КАК И НА ФРОНТЕ

Считалось, что приказы, касающиеся танкистов, были созданы или подписаны лично И.В. Сталиным. Поэтому их нарушение или простое отклонение от выполнения причислялось грубейшим преступлениям. И жестоко, «по-сталински» наказывалось.

В тылу, как и на фронте, в то время все жили по законам, невыполнение которых каралось. Так произошло и с приказами И.В. Сталина периода 1941-1942 годов, касающихся вопроса сохранения кадров танкистов. Под действие одного из этих приказов попал и я после того, как оказался в батальоне выздоравливающих при 143-м запасном стрелковом полку, который размещался в Красном городке Вышнего Волочка. И.В. Сталин хорошо представлял, сколько времени потребуется для подготовки полностью взаимозаменяемых, боеспособных экипажей танков. В мирное время на такую подготовку уходило 8-9 месяцев.

Приказы И.В. Сталина о танкистах

Известно два приказа И.В. Сталина, подписанные им в дни самых тяжелых оборонительных боев на наших последних перед Москвой рубежах. Эти приказы относятся к 1941-1942 годам. Тогда по всем 9 фронтам в два приема с передовых позиций по

приказу № 298 от 20 ноября 1942 года было снято 8000 танкистов, используемых как пехота. По другому приказу, подписанному им в том же году, с тех же фронтов было снято 5500 обстрелянных русскоговорящих танкистов, как требовали приказы. В них же было предусмотрено держать этот резерв в тылу, используя только в караульной службе и на подсобных работах.

В качестве примеров исчерпывающей содержательности и обстоятельности, свойственной его приказам, ниже приведены оба упомянутых приказа.

№ 298 Приказ
О КОМПЛЕКТОВАНИИ УЧЕБНЫХ ТАНКОВЫХ
ЧАСТЕЙ ПЕРЕМЕННЫМ СОСТАВОМ

№ 0909

20 ноября 1942 года

В целях обеспечения танковых экипажей подготовленным, смелым, решительным, проверенным в боях рядовым и младшим начальствующим составом

приказываю :

1. Комплектование учебных танковых частей переменным составом производить за счет действующей армии в количестве 8000 человек ежемесячно к 15 числу по прилагаемому расчету {375} в течение двух месяцев (декабрь - январь).

2. Рядовой и младший комсостав для учебных танковых частей отбирать из числа бойцов и младших командиров, показавших в боях смелость, решительность и преданность Родине, в возрасте до 35 лет, грамотных хорошо владеющих русским языком. Среди отбираемых иметь до 40 % младших командиров.

3. Отбор производить комиссиями из представителей

фронта и Главного автобронетанкового управления Красной Армии. См. Приложение.

Народный комиссар обороны И. Сталин

Расчет ежемесячного выделения фронтами рядового младшего комсостава в учебные АБТ части:

Наименование фронтов	Количество
Сталинградский фронт	450
Волховский фронт	700
Северо-Западный фронт	759
Калининский фронт	1200
Западный фронт	2000
Брянский фронт	700
Воронежский фронт	700
Юго-Западный фронт	700
Донецкий фронт	700
Итого	8000

Поскольку после этого приказа И.В. Сталиным был подписан № 302, под который попал и я, то его я также привожу полностью.

№ 302 Приказ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАНКИСТОВ

ТОЛЬКО ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

№ 0953

13 декабря 1942 года

До сих пор во фронтах и военных округах наблюдаются массовые случаи использования среднего командного состава, младшего начальствующего и рядового состава танкистов не по специальности, в том числе водителей танков, башенных стрелков, артиллеристов, техников и т. д.

в качестве стрелков, пулеметчиков, артиллеристов в пехоте, других родах войск и тыловых учреждениях.

Приказываю:

1. Военным советам фронтов и военных округов до 30 декабря 1942 г изъять средний, младший начальствующий и рядовой состав танкистов, используемый не по специальности, из частей, соединений и тыловых учреждений и направить:

а) во фронтах средний командный и технический состав - в отделы кадров АБТ войск, младший и рядовой состав - в учебные танковые полки и резервные танковые батальоны фронтов;

б) в военных округах в отделы кадров и учебные танковые полки, дислоцируемые на территории округа,

в) по выздоровлении из госпиталей после ранений и болезней танкистов направлять только в свои части или в отделы кадров, учебные полки и резервные танковые батальоны (пункты «а» и «б»).

Впредь использование личного состава танкистов всех вышеуказанных категорий и специальностей не по назначению кем бы то ни было категорически запрещаю.

Исполнение донести к 5 января 1943 года.

Народный комиссар обороны И. Сталин

О внимании И.В. Сталина к танковым войскам

Следует отметить исключительное внимание И.В. Сталина не только к вопросам сохранения кадров танкистов, о чем свидетельствуют приведенные выше приказы, но и к комплектованию войск танками, структуре танковых подразделений и даже к тактике ведения танковой атаки и т. д., что отражено в приказах, подписанных им в 1941-1942 годы.

1. № 15 от 19 июля 1941 г. Приказ О СФОРМИРОВАНИИ ТАНКОВЫХ ДИВИЗИЙ

2. № 40 от 12 августа 1941 г. Приказ О ФОРМИРОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ТАНКОВЫХ БРИГАД

3. № 89 от 9 октября 1941 г. Приказ О НАЗНАЧЕНИИ КОМАНДНОГО СОСТАВА НА СРЕДНИЕ И ТЯЖЕЛЫЕ ТАНКИ

4. № 99 от 18 ноября 1941 г. Приказ О КОМПЛЕКТОВАНИИ ТАНКОВЫХ ЭКИПАЖЕЙ

5. № 122 от 22 января 1942 г. Приказ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ О Боевом использовании танковых частей и соединений

6. № 185 от 7 мая 1942 г. Приказ О ВВЕДЕНИИ ДНЕЖНЫХ НАГРАД ЗА ЭВАКУАЦИЮ ТАНКОВ ВО ФРОНТОВЫХ УСЛОВИЯХ И УСТАНОВЛЕНИИ ПРЕМИРОВАНИЯ ЗА РЕМОНТ БОЕВЫХ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ МАШИН НА АВТОБРОНЕТАНКОВЫХ РЕМБАЗАХ

7. № 199 от 20 мая 1942 г. Приказ О СОСТАВЕ И ОРГАНИЗАЦИИ ТАНКОВЫХ ЧАСТЕЙ В ТАНКОВЫХ КОРПУСАХ И ТАНКОВЫХ АРМИЯХ

8. Х» 254 от 19 сентября 1942 г. Приказ О ВНЕДРЕНИИ В БОЕВУЮ ПРАКТИКУ ТАНКОВЫХ ВОЙСК СТРЕЛБЫ

ИЗ ТАНКОВ С ХОДА

9 № 271 от 16 октября 1942 г. Приказ О БОЕВОМ ПРИМЕНЕНИИ ТАНКОВЫХ И МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ

Анализируя содержание сборника приказов подписанных лично И.В. Сталиным [13], можно сделать заключение, что ни одному роду войск он не уделял столь большого внимания, какое уделял танковым. Они были основой его военной стратегии. И действительно, как видно из этого источника, приказы, посвященные авиации и артиллерии, встречаются значительно реже.

Военная стратегия Сталина - Жукова о войне на чужой территории, захваченной при осуществлении превентивного удара, требовала, чтобы военный успех в захваченном анклав должны были развивать танковые соединения, маневрирующие на отличной дорожной сети предполагаемого противника. В угоду этой стратегии наша промышленность к 1941 году создала около 15 тысяч легких танков типа БТ, обладавших высокими боевыми и техническими параметрами, удовлетворившими требованиям стратегии Сталина.

Обсуждение причин тяжелых поражений Красной армии в первые дни военных действий, в которых я участвовал и видел все своими глазами, не входит в задачу данного раздела. Но я видел также и работу наших легких танков, обороняющихся от танковых частей противника, превосходящих наши как численностью, так и калибром вооружения. Результат этих сражений известен!

Тогда, 24 июня 1942 года, контратаку 28-й ТД против немецких танков, рвущихся на Шауляй, возглавил лично комдив полковник И.Д. Черняховский. В этих боях мой 55-й ТП, потерял все оставшиеся танки и почти половину личного состава (см. главу 2). Танки, удовлетворяющие стратегии превентивного удара, не пригодны в оборонительных боях.

Приказ И.В. Сталина о стрельбе из танков с хода

Перечитывая и анализируя приказы И.В. Сталина 1941-1943 годов можно заключить, что он уделял много внимания тактике использования танков в наступательных боях. В одном из приказов от 1942 года И.В. Сталин предписывал танкам, участвующим в атаке, вести беглый неприцельный огонь непрерывно. Для осуществления этой тактической задачи в данном приказе было предписано увеличить танковый БК (боекомплект) от штатного в 43 снаряда для пушки 76,2 мм до 100 дополнительных унитарных снарядов. Это предписание должно было коренным образом изменить психологию и тактику танкистов, руководствующихся неписаным правилом: «Не вижу - не стреляю!».

Мне лично пришлось столкнуться с рядом неудобств, создаваемых присутствием в Т-34 дополнительной сотни унитарных снарядов для пушки. Главные из них следующие:

- дополнительные 100 снарядов просто валяются на полу боевого отделения под гильзоулавливателем, поскольку для них не предусмотрено места;
- во время стрельбы с хода танк должен идти на большой скорости, маневрируя по местности, преодолевая различные препятствия, и поскольку дополнительные снаряды не закреплены, то они мешают вести наблюдение за целями;
- если цель случайно обнаружена, то для успешного ее поражения надо останавливаться - вести прицельный огонь с хода невозможно, а любая остановка означает, что танк становится мишенью для стоящего неподвижно ПТО или «тигра».

Из этого неполного перечня неудобств следует, что все кажущиеся преимущества стрельбы с хода, подразумевавшиеся в приказе № 254, исчезают в силу неизбежно возникающих недостатков. Реализуется только одно преимущество - психологическое воздействие на атакуемого противника: от непрерывной стрельбы из танковых пушек возникает много шума!

Работа на радиоузле Красного городка

В резерв автоматически включались выздоравливающие после ранений танкисты. Таким же образом в него попал и я. Это был 143-й Запасной стрелковый полк Северо-западного фронта. В задачу запасного полка входило накапливание и формирование групп из разнородных выздоравливающих, поступающего нового пополнения и даже из остатков разбитых частей. Такие группы по 12- 15 человек формировались по военным специальностям, наскоро обучались и отправлялись снова на фронт в соответствующие части: стрелковые, саперные, минометные и пр. Кроме танковых для танкистов существовали свои запасные полки, которые не действовали. Танков было еще недостаточно.

Пока я залечивал свою раненую руку, я был непригоден ни для службы в караульной роте, ни для работы на кухне. Оставалось терпеливо ждать других предложений каких-либо работ. И такое предложение наконец-то явилось. Ночью в казарму батальона выздоравливающих пришел помощник военного коменданта Красного городка и достаточно громко спросил: «Кто знает радио?». На этот вопрос я немедленно ответил: «Я знаю!». Это не было безответственной похвалой. Я действительно разбирался в ра-

диоаппаратуре: сам собирал радиоприемники и даже был знаком с телевидением того времени, 1939 года. В моем родном городе Калуге мы, группа десятиклассников, собрали телевизионный приемник с механической разверткой! кадров на неоновом экране 24 x 36 мм². Телепередачи шли из Москвы, от радиостанции имени Коминтерна на волне 1744 м. В нашей группе радиоконструкторов я выполнял работы по конструированию и изготовлению механической развертки - диска Нипкова и осуществлял схему синхронизации кадров. Мы в 1939 году смотрели телепередачи из Москвы в Калуге!

Конечно, я имел право заявить, что знаю радио. Но соглашаясь на эту работу, не представлял той ответственности, которая с ней будет связана. Прежде всего выяснилось, что мой предшественник был арестован за то, что пропустил в радиопередаче в сеть немецкую агитку. А это в то время было очень легко сделать. Наши московские передатчики не работали, чтобы исключить эффект радионаведения на Москву немецких бомбардировщиков. Работали, а точнее сказать, должны были работать наши радиостанции, находившиеся на Волге.

Главной радиостанцией, вещавшей на СССР, была станция, ведущая передачи из Куйбышева (ныне - Самары) где была резиденция правительства и большинство резиденций иностранных посольств, сохранивших дипломатические отношения с СССР. Но и она меняла свои волны по определенному расписанию, которого я не знал. Значит надо было следить за эфиром, вовремя ловить Куйбышев и не попасться на немецкую пропаганду. Она обычно начиналась с бодрой революционной песни, например «Варшавянки» или «Марсельезы». После них обычно шла немецкая сводка событий на фронтах. Но опасней всего было услышать русские романсы или песни Петра Лещенко, например «Чубчик кучерявый...». Эти романсы или песни

предшествовали оголтелой гебельсовской пропаганде. На ней и погорел мой предшественник. Не думаю, что он действовал сознательно. Это была случайность, которая могла бы произойти и со мной.

Не успел я освоиться с совершенно незнакомой мне аппаратурой практически без всяких инструкций, как ко мне явились трое контрразведчиков. Один из их предъявил свое удостоверение и приказал выключить трансляцию на городок и настроиться на немецкую передачу о событиях на фронтах военных действий. После чего он приказал мне уйти и помалкивать. Как потом я понял, они сравнивали содержание двух передач: нашей и немецкой. Немецкая передача очень точно и своевременно сообщала самые свежие сведения о военных действиях, которым можно было доверять. Наша станция сообщала, по существу, о тех же событиях, но с запаздыванием на 2 - 3 дня и как бы «сквозь зубы». Естественно, этим объяснялся интерес контрразведчиков к немецким радиопередачам.

Через некоторое время контрразведчики перестали выгонять меня в коридор и оставляли на радиоузле пока шла радиопередача. Еще через некоторое время вообще перестали меня стесняться и стали обмениваться мнениями в моем присутствии. А дела на фронте шли неважно.

Известный перелом в войне произошел во время декабрьских морозов. Думаю, что дело было не только в том, как переносили эти морозы русские и немецкие солдаты. Известно, что русские переносили их легче. Но я хочу привести утверждение генерала Гудериана, танки которого застыли в эти морозы из-за того, что бензин в их баках превращался в желе. Это было всем известное свойство крекинг-бензина, который немцы перегоняли из бурых Углей. Если заводя автомашину с этим недостатком бензина довольно легко можно было справиться, то в случае

танка этот вопрос был практически неразрешим. Сам я неоднократно заводил танк зимой и знаю как это трудно. В следующую зимнюю кампанию уже был изобретен «эфирный пистолет», при выстреле из которого разбивалась ампула с эфиром. Если стрелять во всасывающую трубу танка, то он очень легко заводится. Но при этом безвозвратно теряется определенное количество запаса моточасов двигателя.

В эти дни жестоких морозов не могу не восхищаться заглавием статьи И. Эренбурга в газете «Правда» от 23 декабря 1941 года: «Солнце на лето, зима на мороз! Война на,4 победу!!». Уже только за одну убежденность в нашей победе, которую он вложил в эту статью в те морозы, он заслужил все звания и премии, которые ему были присуждены впоследствии.

Откровение контрразведчика

Однажды ко мне на радиоузел пришел только один контрразведчик, которого я раньше не видел. Он знал зачем ко мне ходили другие и попросил, а не приказал, как те предыдущие, сделать для него то же самое, т. е. включить немецкую передачу. Поскольку он был немногим старше меня по возрасту, после нескольких его посещений я наконец решился задать ему волнующий меня вопрос: почему у него полный рот золотых зубов? На мое удивление он совершенно спокойно и обстоятельно рассказал свою историю. Он был оперуполномоченным при лагере, обслуживающем большую лесопильную базу при Архангельском морском порту. С некоторого времени от наших агентов из Лондона стали поступать сведения о происшествиях и вообще о порядках на этой лесопильной

базе. Моего собеседника вызвал непосредственный начальник и приказал найти среди заключенных источник информации. И как всегда дал необходимый, по его мнению, срок для выполнения этого задания. Источник информации оказался сильно законспирированным, и моему собеседнику пришлось докладывать о неудаче при выполнении приказа. В ответ на этот доклад начальник выбил ему зуб и предупредил, что будет делать то же самое при каждом докладе о неудаче поиска источника информации. Время шло, источник информации не обнаруживался, а у моего милого собеседника при каждом докладе выбивали по одному зубу. В то же время из Лондона поступали сообщения о том, что источник работает. В конце концов, в Лондоне были обнаружены доски, на которых были написаны сведения о порядках и нарушениях в лагере заключенных при архангельской лесопилке. Оказалось что один из заключенных, работавших при погрузке досок в трюм лесовоза, успевал написать на одной из них свое сообщение и потом завалить ее другими досками. Конспирация была идеальная. Знал все и исполнял все только один человек. А моему милому собеседнику вставили пять золотых зубов - два сверху и три снизу. Больше он ни о чем не открывничал.

Меня сделали киномехаником

В начале февраля 1942 года пришло распоряжение демонтировать радиоузел и отправить его в тыл. Такие распоряжения нависли над многими объектами, которые срывали с места, отправляли в тыл, но там не использовали. Они догнивали на свалках, куда их просто выкидывали после получения, чтобы не нести

ответственности за неправильное использование. Эти распоряжения были следствием неуверенности в прочности нашей обороны.

Для меня потеря работы на радиоузле означала, что я получал другое назначение принять стационарную киноаппаратуру ТОМП 6 в будке кинозала на 350 человек при клубе Красного городка. Сиденье в будке киномеханика - это довольно нудная и очень нервная работа даже во время нормально проходящего киносеанса, которая становится невыносимо мучительной, если возникают задержки, например когда рвется пленка, неправильно становится бобина с пленкой, при возникновении множество других причин. Реакция зала на них выражается в выкрика: «Сапожник!!!», «На мыло!!!».

Но страшнее всего - замолкший зал. Тогда из него идут волны страха и даже ожидаемой паники, с которыми практически невозможно бороться, кроме как собрав свои нервы в кулак. Такое чувство пришлось пережить мне, когда во время сеанса внезапно остановилась верхняя, подающая бобина. Наблюдая за экраном через специальное окно, я увидел только вспышку пламени на экране. Когда я обернулся к аппаратуре, то понял, что может загореться как верхняя, еще не раскрутившаяся бобина, так и нижняя приемная. Я успел схватить начавшие гореть оба куска пленки - выходящий и входящий, которые догорели в моих руках. Пришлось объявить залу, что по техническим причинам... А я сидел и думал, что могло бы произойти в битком набитом зале, имеющим только один свободный выход; другой, как обычно бывает в большинстве кинотеатров, был завален мусором. Недолго продолжалась моя работа киномехаником на стационарной аппаратуре. Пришло распоряжение ее демонтировать и отправить в тыл, взамен я получил кинопередвижку и приступил к показу киносеансов непосредственно в подразделениях 143 ЗСП. Это была

совсем другая работа, нежели один на один в кинобудке со стационарным киноаппаратом. Здесь я находился среди сочувствующих мне, даже друзей. Никто не кричал: «Сапожник!» и все готовы придти на помощь, если я замешкаюсь со склеиванием порвавшейся киноленты. Все неожиданно для меня изменилось.

Встреча и прощание с мечтой

Кроме нескольких часов нервной нагрузки в дни киносеансов, я, работая киномехаником, получил свободный выезд в города, где мог менять кинокартины. Это были города Рыбинск и Ярославль. В них я приобрел много новых знакомых, от которых узнавал все о нашем тыле. Всюду и неукоснительно выполнялись указы, подписанные И. Сталиным.

Из всех встреч с мужчинами и женщинами, которые казались мне достойными запоминания, в память врезалась одна, которую я сохраняю до настоящего времени, хотя прошло уже около 60 лет. Все начиналось просто: я должен был заменить кинокартину, ее надо было перевезти в железном ящике в город Рыбинск на кинову, производившую обмен. Пользоваться железнодорожным транспортом не представлялось возможным. В железном ящике был огнеопасный груз - киноплёнки.

Приходилось ехать на «перекладных», другими словами, пересаживаясь с одной попутной автомашины на другую. Отказов в этом случае ни разу не было. И вот однажды, пересаживаясь с одной попутки на другую, я остановил открытую полуторку, из кабины которой вышел офицер, сломившийся куда, откуда и зачем я еду. Удовлетворившись моими объяснениями, он помог мне затащить железный ящик в кузов.

Привыкнув общаться с контрразведчиками, я сразу определил кто он, и думаю, что правильно оценил его служебное положение. Осмотревшись в кузове, я увидел, что в нем лежали три девушки, укрытые плащпалатками. Каждая из палаток была на каком-то меху. Такой роскоши я раньше не видел. Одна из девушек, лежавшая справа по ходу машины, вдруг неожиданно подвинулась, как бы приглашая меня лечь рядом. Я немедленно воспользовался немым приглашением и быстренько устроился на предложенное место на плащпалатке, рассчитывая вскорости залезть под нее. Думаю, что я был достаточно наглым и опытным для такого поступка.

Но то, что со мной произошло в последующий час, я не могу понять. Всего час с небольшим длилось наше общение, я не мог как тогда, так и сейчас объяснить себе, что же между нами происходило. Первое, что я почувствовал, это было тепло, вливающееся в меня от девичьего тела. Но на волне этого тепла я ощутил какую-то безысходную грусть, а скорее всего тоску о чем-то несбывшемся и ожидание чего-то тяжелого, бесперспективного. Мне показалось, что у двух других девушек мысли были такими же. Я не мог вступить в разговор, так как неизбежно обнаружилось бы, что я догадывался о возможных причинах их печали, а может быть, даже отчаяния. Мне оставалось только молча переживать свое горячее желание хоть чем-то пожертвовать ради облегчения судьбы этих девушек. Но я не был волшебником, и потому был бессилен.

Примерно через час с небольшим полуторка остановилась, и офицер вышел из кабины, чтобы помочь мне с железным ящиком. По-моему, он был доволен моим молчаливым поведением, ведь я с девушками никаких разговоров не вел. Им я пожелал счастливого пути, на что они промолчали. Та, которая наградила меня своим теплом передвинулась на мое место, выразив этим, как

мне пока- залось, свое небезразличие к тому, что произошло между нами. С офицером мы обменялись понимающими взглядами. Чему-то можно научиться, общаясь с контрразведчиками.

В моей последующей жизни, даже через десятки лет после этого, почти мистического переживания, я не раз пытался воспроизвести в памяти что же тогда происходило. Могу только утверждать, что это было самое чистое, лишенное всякой сексуальности, виртуальное общение с той девушкой. Я смутно помню ее профиль на фоне плащ-палатки. Ее плотно закрытые, мне показалось зажмуренные глаза, темные волосы, выбивающиеся из под меховой командирской ушанки. И это все. Остальное произошло при бессловесном и бесконтактном воздействии. Но почему-то я более 65 лет вспоминаю эту встречу и ее тепло.

Лирическое отступление

Это святое для меня переживание однажды было опошлено наблюдением за бездарно поставленной съемкой киносюжета, воспроизводившего ту самую ситуацию, которая произошла между мной и той девушкой. Как-то я заехал на киностудию им. М. Горького за светофильтрами и случайно наткнулся на взволновавший меня сюжет. Я увидел грубо сколоченный ящик, отдаленно напоминавший кузов автомашины. Ящик был подрессорен и управлялся длинным дышлом. Его периодически качали два ленивых лба, имитируя дорожную тряску. Но самое ужасное для меня было внутри ящика. Внутри его лежали мужик и баба, грубо загримированные под девушку и юношу. Это была грубая карикатура на то, что для меня было свято. После этого зрелища я несколько лет не мог смотреть кино. Ведь театр

показывает пусть неточно, но правдоподобно, что в этот момент переживает актер. Кино только изображает давным-давно отзвучавшие страсти, но может их с неизменной точностью в любой наперед заданный момент времени повторять. Результатом моих размышлений было стихотворение.

Грусть, печаль, тоска, уныние –
Все это формы отклика души
Меж ними нет заметных изоклиний.
Они ответ, когда нас жизнь крушит.
Когда в осенний теплый вечер,
Вы вдруг услышите старинный вальс,
Мелодию его доносит легкий ветер,
Невольно грусть опустится на Вас.
Она мелькнет, промчится мимоходом.
Забудется, едва замолкнут звуки
И снова жизнь пойдет обычным ходом
И нет причины для сердечной муки.
Печаль исходит из потери,
Чего-то вдруг недостает
И лишь когда потерю не измерить,
Она в тоску перерастет.
Нет человека без печали,
На это он себя обрек,
И если Вы такого повстречали,
То это автомат, никак не человек.
Тоска устойчивей печали.
Тоска, когда что дальше, неизвестно,
Или потери безвозвратны стали
И вместо них в душе пустое место.
Когда темны нам перспективы
И наша жизнь полна прорех
А сладить с ними не смогли Вы,
Легко Вам впасть в унынья грех.

12 мая 2005 г.

Написав это стихотворение, я наконец-то перестал переживать происшедшее в начале марта 1942 года при въезде в город Рыбинск. Не перестаю удивляться тому, что ведь были у меня очень сильные увлечения, вспыхивающие как отблеск от сгоревшего на нашем горизонте метеорита. Война обостряла чувства и ускоряла события. А возникающую в эти моменты любовь можно объяснить тем, что наш организм, особенно организм мужчины, начинает производить гормон, угнетающий инстинкт самосохранения. Так учит нас психология. Естественно, что вспыхнувшая любовь кончалась с прекращением действия этого гормона в обоих организмах. И лишь однажды мне посчастливилось встретить взаимность, основанную на любви и понимании возможных перспектив ее развития. Безжалостная судьба ставит непреодолимые, как и в данном случае, условия. Память об этом случае под Рыбинском я храню в себе.

Работа на телефонной станции

Мне приказали сдать кинопередвижку и приступить к совершенно новой для меня работе - дежурству на коммутаторе. Это было несложное переговорное устройство на 50 номеров, часть из которых вообще была не задействована. Самой сложной из моих обязанностей была передача и прием сводок о движениях численности состава 143-го И как поступающего, так и уходящего в действующие части СЗФ (Северо-Западного фронта), в состав которого входил наш запасной полк. Эта и прочие тайны передавались зашифрованным текстом. Потом я догадался, что мое новое назначение было связано с тем, что я был принят кандидатом в члены ВКП(б) во второй раз, поскольку моя первая анкета и решение партийной организации сгорели

при бомбежке штаба 28-й ТД. Первоначально я не знал чем себя занять во время дежурства. Смена каждого из нас троих длилась по 8 часов. Потом я увлекся подслушиванием. Это было действительно интересное занятие, когда пытаешься вникнуть в психологию говорящих, представить их темпераменты и ожидаемые реакции. У меня появились любимые абоненты, расписания их разговоров и тематику я мог бы предсказать. В конце концов, это занятие мне надоело.

Но однажды прослушивая фон немецких трофейных полевых телефонов я обнаружил микрофонный эффект, заключающийся в том, что эти микрофоны постоянно транслировали все звуки, которые возникали в помещении. В мои обязанности входило осуществление контроля за работоспособным состоянием телефонных аппаратов абонентов. Во время такой проверки я установил наличие микрофонного эффекта в одном из трофейных аппаратов, стоящих в помещении контрразведки СМЕРШ.

Я подключался к этой линии по ночам, днем было слишком много работы. Но я узнавал так много интересного, что стал сам проситься на ночные дежурства. Меня интересовали инструктажи, проводимые для внедряемых в группы, которые из 143-го ЗСП отправлялись в действующие части. Я узнал как собирать сведения, как вести агитацию, как вербовать информаторов, как и когда проводить «шмон» и множество другой, полезной в практической жизни информации, большая часть из которой пошла на пользу на всю оставшуюся жизнь. Например, когда я ездил в турпоездки как руководитель группы туристов или как простой турист, я прекрасно знал кто приставлен к нашей группе в качестве наблюдателя. Но ни в то время, ни когда-либо после, я ни с кем не делился своими наблюдениями. Даже со своим родным сыном, который был офицером КГБ. Что ему надо знать, ему расскажут по службе.

Мое подслушивание должно было, в конце концов, кончиться плохо. В тот последний раз, в три часа ночи, позволил «третий» т.е. командир полка, а у меня было такое правило - никогда не отключаться от подслушивания пока идет собеседование или интересующий меня инструктаж. Сигнал, возникающий при подключении к подслушиванию, в четыре раза слабее сигнала отключения. Короче, не ответить на звонок командира полка я посчитал большим злом, нежели щелчок в микрофоне в помещении контрразведки. Поэтому я решил ответить командиру и надеялся, что в контрразведке пронесет. Не пронесло!

Через 15 минут за мной явились. Отвели к самому «главному», который долго допытывался кто меня научил, в какой группе я состою, кому передаю сведения и пр. Конечно, я все отрицал. Но когда я был достаточно измучен, мне пришла мысль «ударить по банку». Я сказал: «У Вас есть наблюдатель за нашей группой. Спросите у него с кем я общался за последнее время». Вероятно это мое заявление сильно его озадачило. Больше вопросов не было. Он только произнес известную мне шаблонную фразу: «Пока идите!». Он направил меня не на полковую губу, а в городскую тюрьму Вышнего Волочка. Видимо, чтобы исключить все возможные контакты с моим окружением.

Пребывание в тюрьме Вышнего Волочка

По пути в тюрьму я вспоминал все правила «приличного» поведения, которым меня обучали подследственные из отделения испытуемых в калужской психбольнице. Как вести себя с тюремной «аристократией» - с «паханами» и «авторитетами». Как не налететь на «опущенного». Что собой представляет «прописка» и каких каверз при этом

следует ожидать. Каких матерных слов в тюрьме не рекомендуется произносить. И множество других полезных сведений об «изысканном» поведении в тюрьме. Но все эти правила мне не понадобились.

Меня отвели в городскую тюрьму и посадили в КПЗ (камеру предварительного заключения) как подсудимого. Это была довольно большая камера 30-35 м² с двухэтажными нарами и деревянной парашей. Нашу камеру населяли 15-20 человек, которые постоянно менялись. Одних переводили в тюрьму - они уже получили свои сроки, других выпускали. В этой группе были гражданские, с которыми у меня не было охоты общаться. Были! и военные, с ними я даже не успевал познакомиться. Танкистов среди них не было. Мне оставалось ждать разговора со следователем, если на меня уже успели завести дело, Оставалось просто ждать. Но время шло, а обо мне так никто и не вспоминал. Однако без дела сидеть нам не давали: ежедневно всю группу подсудимых гоняли на стекольный завод пилить дрова для стекловарных печей, которые потребляли очень много топлива. На заводе мы пользовались полной свободой. Нас только приводили и уводили под конвоем. Некоторые убегали на рынок, рискуя нарваться на патрули. Меня больше интересовала технология варки стекла, и в особенности получения рубинового стекла, любовь к которому осталась на всю жизнь!

Мы, военная часть группы, обратили внимание на то, что нас конвоировали совсем молодые, только что призванные солдаты. И если во время конвоирования по городу нам встречалось достаточное количество зрителей, то для них разыгрывалась следующая сценка. Один из нас кидался на землю с криком: «Расстреливайте здесь!!! Куда Вы меня ведете!?!». Он рвал на себе гимнастерку, изображая полное отчаяние. Мы должны были стоять со скорбными лицами как тоже обреченные на казнь. Самое интересное было наблюдать реакцию конвоира. Он, не

зная куда девать винтовку - оружие конвоиру класть на землю нельзя, - пытался одной рукой поднять лежащего на земле обреченного на расстрел. Обычно зрители с ужасом наблюдали эту сценку. Наконец вся группа удалялась скорбным, как на похоронах, шагом, усиливая этим произведенное впечатление.

Как и всякий уважающий себя заключенный, я завел на стене календарик, на котором каждый вечер отмечал прошедшие сутки. К следователю меня так и не вызвали. По прошествии девятнадцати дней в КПЗ явился ухмыляющийся надзиратель, который объявил мне, что для меня у него две весточки, одна хорошая - он должен дать мне под зад коленом, другая похуже пока я пилил дрова на стекольном заводе, наш 143-й ЗСП перебазировался в глубокий тыл, ориентировочно в район городка Красный Холм. Туда я и должен отбыть после предыдущей процедуры. Это означало, что я не был забыт. Я был на учете!

Я снова на свободе!

Возвращение в 143-й ЗСП означало для меня не только конец тому калейдоскопу назначений новых для меня видов деятельности и выполнения различных работ, но неопределенное сковывание моей свободы. Я пользовался ей в весьма широких пределах, насколько позволяли окружающие условия, и чего я мог достигнуть благодаря собственной изворотливости. Но я вступил в партию, вступил добровольно и осознанно. Кстати, это было второе мое вступление в ВКП(б) вся документация о приеме меня в партию в июне 1942 года сторела вместе со штабом 55-го ТП.

Я понимал какие ограничения меня ждут. Прежде всего, мое будущее уже было кем-то обдумано и предопределено. Первого октября 1942 года я должен был явиться в Военно-политическое училище СЗФ, находившееся на станции Куженкино. В этом училище осуществлялось ускоренное (трехмесячное) обучение заместителей командиров роты по политической части. Оно давало первое офицерское звание - лейтенант. Я пребывал в запасном полку и до отбытия в училище как партийный человек был прикомандирован к редакции районной газеты. Не помню сейчас даже ее названия. Я должен был ежедневно поставлять передовицы. Не надо думать, что я сам их писал. Ежедневно, по утрам, я записывал с радио их содержание. Одна и та же передовица, одинаковая во всех газетах страны. И, упаси Боже, исказить в ее тексте хотя бы одно слово. Именно я нес за это партийную ответственность!

Обучение в ВПУ СЗФ

Как и было определено приказом, я 1 октября 1942 года явился в ВПУ СЗФ, ускоренно готовящее заместителей командиров роты. Конечно, порядки в нем были не как в учебном батальоне. Нас не мучили строевой подготовкой, хотя раз в неделю пару часов приходилось ходить торжественным шагом мимо одного из младших командиров, изображавшего принимающего парад. Главной формой нашей политической подготовки были лекции, которые, я вспоминаю с удовольствием. Нам их читали приезжавшие из Москвы лекторы высочайшего уровня. Например, академик Тарле, читавший лекции о Наполеоне и связанной с его именем Отечественной войне 1812 года. До сих пор вспоминаю лекции академика Грековой по истории

Государства Российского и многих других лекторов. Несмотря на всеобщее уклонение в ура-патриотизм, бывшее основной тенденцией мировоззрения того времени, мы получали вполне добротные сведения о нашей истории и действующих в ней ключевых фигурах - Петре I, Александре Невском и прочих, чего я не могу сказать по поводу нашей политической подготовки. Мы, как заместители командиров рот, должны были непосредственно контактировать с солдатами, идущими в бой. Не боюсь сказать по этому случаю громкие слова с «идущими на смерть». Ни один из ведущих политработников, вплоть до членов Военного Совета армии (читали нам и такие) не произнес убедительных и правдивых слов, которые могли бы быть произнесены в подобные критические минуты. Все, что я услышал от них по этому поводу, можно назвать словесной шелухой.

Я ожидал также услышать наставления о немецкой технике связи, о телефонах и радиоприемниках, о немецком трофейном оружии и боеприпасах, бронебойных и трассирующих патронах, о минах и снарядах, но все было глухо. Такое оружие, боеприпасы и военная техника могут появиться лишь в наступающей армии. А пока был только 1942 год. Наша армия вела в основном оборонительные бои. Но ведь нас готовили к широкому наступлению на всех фронтах, о чем твердили постоянно. Такие сведения были у наших разведорганов. Я это хорошо знал, вспоминая нашу подготовку к захвату Тильзита.

Но больше всего меня возмущала наша тактическая подготовка, основанная на Полевом уставе и других устаревших документах. Проводили эти занятия командиры, которые не были в боях или хотя бы под штурмовкой немецкими самолетами. Это было видно из содержания тех занятий, которые они проводили. Особенно вызывали негативную реакцию учебные военные игры на занятиях по

тактике, и я решил их игнорировать, симулируя различные заболевания: от боли в желудке до головокружения. Главное при этом «не пережать». Освобождение нам, симулянтам, давали охотно, но оно не давало права отсутствовать при проведении очередной военной игры. Нас переводили в категорию обороняющихся или даже условных врагов. Сажали в кем-то ранее вырытые окопы, из которых мы должны были забрасывать наступающих, красных или синих, как вздумается руководителю учений, взрывпакетами. Это практически не опасная вещь, но если попадет в лицо, то возможны осложнения. Для тех, кто участвовал впервые, взрыв был неожиданным и мало приятным. Обычно я целил по ногам.

От наступающей стороны требовалось во время атаки, на бегу кричать какие-либо патриотические слова или призывы. Матерные слова выкрикивать запрещалось. Мне пару раз приходилось лично участвовать и даже руководить атакой пехотного подразделения и однажды даже кА-заков, но других слов я в это время не слышал. Именно эта была еще одной из причин, по которой я игнорировал военные игры.

Во время танковой атаки как по внутренней связи, так и по радио кроме команд не произносится никаких слов, будь они даже весьма патриотическими. Третьей причиной было то, что все эти игры проходили по давно устаревшим уставам. А ведь война шла уже второй год!

Концерт К. Шульженко в ВПУ

Редко, но бывали исключения, об одном из которых я с удовольствием вспоминаю. В начале декабря 1942 года зима выдалась на удивление благоприятной для проведения зимних учений. Я уже прочно встал на лыжи и мог

продемонстрировать различные стили бега. Тему занятий я сейчас не могу четко сформулировать, но смысл ее был такой: надо было пролежать в ночном дозоре, на снегу, не разжигая огня восемь часов т.е. до следующей смены дозора. С тем чтобы нарубить лапника для подстилки и устроить укрытие, проблем не было. Проблема возникла после, когда я узнал, что приехала Клавдия Шульженко, которая должна выступать в то время, когда я буду в дозоре.

Вопрос о возможности моей замены, полностью отпадал. Нашему командиру я предложил следующий вариант. Я вместе со всеми готовлю укрытие, потом встаю на лыжи и бегом в клуб. До училища было около 13 км. Слушаю концерт и возвращаюсь обратно в дозор. «И чтоб до 24:00 был как штык!», - так сказал командир. Лыжня была хорошо накатана, и эту дистанцию я прошел меньше чем за полтора часа.

Вообще, концерты знаменитостей в Куженкине не были редкостью. Но ведь это была Шульженко, песнями которой мы бредили. В предвкушении наслаждения, я про себя вспоминал мелодии романсов «Руки», «Письма», «Платочек» и многих-многих других. Считаю сейчас и считал в то время, что лишь немногие артисты, в первую очередь А. Вертинский и К. Шульженко, песнями создавали каждый свою эпоху, все остальные были и остаются однодневками.

Войдя в переполненный зал, я с трудом нашел себе место и отключился... Вокруг меня уже никого не было. На мое счастье в зале появился дежурный, который должен был тушить свет. Это был знакомый мне осветитель, который сказал, что если я посижу смирно и подожду, то через сцену должна пройти К. Шульженко из артистической уборной в умывальник. Посмотрев на свои наручные часы, я решил ждать. И действительно, она прошла туда и обратно в каком-то стареньком

платице, в стоптанных, как мне показалось, туфлях и еще с каким-то кремом на лице. Идя обратно, она обратила внимание на зал и на единственном в нем зрителя, но никаких чувств по этому поводу не выразила. И даже не «сделала мне ручкой». А ведь понимала, что в зале сидит ее горячий поклонник.

На обратном пути, который я прошел почти ночью, в полной темноте, луна была маленькая и незаметная. Я задумался, чем же меня обогатило неудачное посещение этого концерта? И я решил, что действительно стал богаче. Обучаясь в МВТУ им. Н.Э. Баумана, я много раз бывал на концертах К. Шульженко и восхищался ею. Но всегда при этом думал - немногие могут похвастаться тем, что видели ее так, как я.

Подошло время выпуска - середина января 1943 года. Несмотря на секретность приказа о присвоении нам офицерских званий, все давным-давно знали, кто какое звание получит. Признаться я был достаточно удивлен, узнав что четвертым из выпуска, в том числе и мне, было присвоено звание старшего лейтенанта. Потом я разобрался: общее у нас было то, что мы уже принимали участие в боях и получили при этом ранения. Пять человек - весьма тушено шибко партийных получили звания младший лейтенант.

К выпуску нас одели в офицерское обмундирование от сапог до офицерских шинелей. Некоторые получили даже не галифе, а входившие в моду бриджи. Что для меня оказалось неожиданностью при зачитании приказа, так это то, что мне предоставлялся недельный отпуск. Предстояло выбрать, ехать в Уфу, где бы госпиталь для тяжело раненых, которым командовал мой отец, или в мою родную Калугу. Я выбрал Калугу, надеясь разыскать то немногое, что осталось после пожара и разграбления моего родного дома. Перед отъездом я случайно встретил

среди следующего набора слушателей в ВПУ СЗФ моего сослуживца из 56-го ТП 28-й ТД. Мы в этой беседе сделали попытку представить, чем закончилось существование нашей дивизии и какие потери в людях она понесла.

Нашу 28-ю ТД в сентябре 1941 года сняли с фронта из-под Новгорода (село Красное) для расформирования. Боеспособных танков в ней уже не было, а наш любимый комдив И.Д. Черняховский всеми силами старался сохранить оставшихся в живых танкистов. В начале войны в 28-й ТД насчитывалось более 11 тысяч человек. На последнем сентябрьском построении присутствовало 812 человек! Я не могу утверждать, что все остальные люди из состава дивизии погибли, некоторые находились в госпиталях, как например я, или пропали без вести. Анализируя опыт боевых действий, могу приблизительно оценить безвозвратные потери дивизии. Они могли составить не менее 2/3 от числа отсутствовавших на последнем построении, т.е. не менее 7 тысяч человек.

Окончательно 28-я ТД потеряла свой номер (значит была расформирована) в декабре 1941 года и стала 241-й стрелковой дивизией. Приказ о расформировании и о присвоении ей нового названия зачитывал сам И.Д. Черняховский. Танков и боевых танковых экипажей в это время в стране не было!

Начало службы офицером

Явившись в политотдел 16-й армии СЗФ, я неожиданно для себя получил назначение в какую-то, сейчас не вспомню ее номер, стрелковую дивизию. Это был удар «под дых» и конец всем моим планам воевать в танковом полку. Я пробовал осторожно, в пределах

партийной дисциплины поднять вопрос о приказах И.В. Сталина по этому поводу, но тщетно. Меня пытались утешить тем, что это была гвардейская часть - одна из первых, получившая такое почетное звание. Служить в такой военной части, как меня уверяли в политуправлении, не только почетно, но и выгодно. Оклады в гвардейских частях в полтора раза выше, нежели в обычных. Оставалось одно - ехать в полк и служить.

Полк стоял в болоте не в переносном, а в прямом смысле этого слова. Наши палатки стояли на земле, где-то вынутой и насыпанной под ними. Начался февраль, и все потекло. Основной контингент состоял из недавно призванных и еще не обстрелянных солдат. И в этом была основная проблема, с которой я ожидал столкнуться в первой же боевой операции. А пока мы дружно боролись с трудностями проживания на болоте. Гнали березовый деготь из бересты, чтобы пропитать им сапоги. Устраивали специальные печи, чтобы сушить одежду и не сжечь ее при этом, мы были постоянно заняты. Из-за распутицы ухудшилось и без того плохое снабжение. Начали есть лошадей, которых в пехотном полку было достаточно.

Именно в это время я познакомился со стихами К. Симонова. Отрывки из его сборника: «С тобой и без тебя» нам присылали в письмах. Мы ими обменивались, переписывая друг у друга. Читали, заучивали наизусть самое заветное, запавшее в душу. А души наши жаждали лирики в любом ее проявлении. Будь то песни, стихи, декламация или просто проникновенный разговор. Но ни разу за всю войну мне не приходилось слышать песен под гитару. Для военных условий гитара была слишком хрупким музыкальным инструментом. То, что пение под гитару фигурирует во многих фильмах про войну - это большое преувеличение. Хотя многие песни из этих

фильмов очень точно соответствуют психологии того времени. Баяны и аккордеоны (трофейные) на войне были. В болоте, где мы обитали, мне захотелось научиться писать стихи. Сначала хотел только писать хорошо, проникновенно. Потом захотелось признания, которое было очень легко получить, согласившись писать на заданную политорганами тему в духе ура-патриотизма. Понятно, что с такими требованиями редакций у меня ничего не получилось. И я стал писать в полевую сумку, которая потом стореда в танке.

Пребывание в резерве

Но однажды все круто изменилось. Видимо, кто-то вспомнил давно известный приказ И.В. Сталина об использовании танкистов только в танковых частях, и меня отозвали из пехотного полка и направили в резерв СЗФ. Это означало постоянное ожидание того, что кого-то в действующих частях убьют или ранят и если ты по ВУСу (военноучетной специальности) подходишь, то должен немедленно занять эту должность. Это весьма нудный и очень неопределенный по своим результатам процесс. Главная неопределенность заключается в том, что неизвестно в какой части откроется вакансия.

Можно было попасть в воюющее подразделение и даже в гвардейскую часть, на что большинство и надеялось, а можно было попасть и в часть, стоящую в долговременной обороне, чего все опасались. Права выбора не было: пришла заявка - получай направление и разыскивай свою новую часть. Все предыдущие заслуги - по выслуге лет, при представлении к следующему званию, представлению к наградам, даже если они были в прежнем полку - больше не существовали. Все

приходится начинать заново. Офицеры валяются на койках, травят старые анекдоты, дежурят на кухне, где работают гражданские поварахи. Изредка приезжали дежурные лекторы, от которых пребывающие в резерве офицеры узнавали о происходящих событиях и положении на фронтах. Радио тогда не было. Выходить в ближайший городок - Особин, находившийся в 8 км от резерва запрещалось. Этот запрет был основан на возможности возникновения повального пьянства, что могло произойти в условиях абсолютного безделья и нечетких перспектив. Возможность напиться всегда имела. Местное население обычно изготавливало различные суррогаты спиртного. Они шли как за деньги, так и за табак, входивший в перечень офицерского обязательного довольствия. В крайних случаях расплачивались обмундированием. Война все спишет!

Оставалось играть в шахматы, в которые я играть не люблю и делаю это плохо, или в шашки. В основном в резерве в шашки играли в глупейшую игру - «Чапая». Проявившись таким образом дней десять, я, по совету врача, придумал себе сильную зубную боль. Но на эту уловку начальник резерва не купился, однако сообщил мне по большому секрету, что вскоре на нашем участке фронта начнутся серьезные боевые действия, в ходе которых будут большие потери командного состава и тогда, Бог даст, и тебе освободится местечко в танковой части! А пока ни-ни!

Конвоирование шпиона

Как часто случалось в моей жизни, произошло событие, дающее мне возможность выхода из создавшегося положения. Явившись утром в помещение

штаба, начальник резерва обнаружил на печи спящего мужчину в гражданской одежде. На вопрос как он попал в штаб, тот давал путанные ответы и пытался убежать. Все проводившие допрос работники штаба единодушно решили, что это шпион. Непонятно было только как этот шпион попал в помещение штаба. Этим вопросом никто не интересовался. И тут начальник резерва вспомнил о моем желании посетить Особин. Он предложил мне отконвоировать задержанного в комендатуру Особина. Приказать мне он не мог. По Уставу он был обязан обратиться в соседнюю часть и вызвать оттуда конвоиров. Мне уже неудобно было отказываться от такого предложения, поскольку я сам просился в Особин. Я согласился отвести его в комендатуру и расстегнул, как и положено по Уставу, кобуру пистолета.

Мой конвоируемый был довольно щуплым мужичком лет 45-50, одетым в худенький пиджак и зимнюю шапку, поскольку был конец марта. Сразу после того, как я вывел его на дорогу к соседней деревне, он лег на землю. Мне оставалось только вынуть из кобуры ТТ и стукнуть его по затылку рукояткой пистолета. Это помогло, но ненадолго. Через 10-15 шагов он снова улегся, и мне снова пришлось бить его рукояткой ТТ. Поскольку для выполнения этой операции мне каждый раз приходилось нагибаться, я решил вернуться в штаб и потребовать автомат ППД с диском. Получив пару раз прикладом автомата по горбу, конвоируемый перестал ложиться на землю, но начал совершать броски в сторону от дороги. Пришлось прекратить и эту его забаву короткой очередью из автомата над головой. Мне показалось, что эта очередь его немного образумила. Побег от дороги прекратился.

Мы в молчании продвигались по направлению к соседней деревне в течение минут 40. Изредка я покрикивал: «Встать», «Вернуться на дорогу». Эти команды, конечно, нельзя считать разговором. Поскольку я был воспитан в психиатрической больнице, то у меня возник

естественный для данной ситуации вопрос. Является ли мой конвоируемый шпионом, симулирующим сумасшествие? А, может быть, он действительно настоящий шизофреник. Других форм симуляции психического заболевания, к которым обычно прибегают подследственные, я в немце не заметил. Например, эпилептических припадков или кататонического ступора и пр. И вот, когда он разговорился, у меня появилась возможность более глубоко разобраться в его психике. Он изъяснялся большей частью на хорошем русском языке, иногда употребляя иностранные слова, скорее всего, литовские, к которым я уже привык, проходя службу в Прибалтике. При этом он нес, как говорят, околесицу. Это были обрывки цитат из передовиц, которые можно было узнать по надоевшим газетным оборотам. Иногда он молился, крестясь по-православному, не снимая зимней шапки. В чем я его немедленно упрекнул. Читал стихотворения, сопровождая их артистическими жестами и соответствующей мимикой, из репертуара провинциального театра. В общем это была картина типичного для шизофрении состояния, носящего название *fuga idearum* - пляска идей - синдрома, весьма характерного для «махровой» шизофрении. В разговорах и спорах по различным вопросам - от текущей политики СССР до немецкой классической философии (Канта и Гегеля). Когда до соседней деревни оставалось метров 50-70, поведение конвоируемого резко изменилось: из довольно смирного он внезапно стал резко агрессивным. Начал собирать с земли крупные ледышки и даже камни и швырять их в меня. Надо отметить, что делал это он довольно метко, и несколько раз мне приходилось уворачиваться от летящего камня. Расстояние между нами было около 5 метров и попасть в меня было нетрудно. А что мне было делать?! Не стрелять же в него!

Все это происходило в тылу, где действовали законы мирного времени. В конце концов, мне стало казаться, что

и он понимал создавшееся для меня положение. Следовательно, мои заключения о его психической невменяемости были ошибочны, тем более, что он пару раз ухитрился попасть мне в лицо. Но я хорошо представлял себе осложнения, которые могли бы возникнуть, если бы я его пристрелил без свидетелей нападения на конвоира, т. е. на меня. Передвигаясь описанным образом, мы наконец вошли в деревню, где обстановка изменилась не в мою пользу. Дело в том, что вдоль деревни шли деревянные столбы с проводами. Перебегая от одного к другому, и прячась за эти столбы, мой шпион ухитрился бросать в меня довольно тяжелые камни. Но деревня была пуста. Свидетелей, которые могли бы подтвердить нападение на конвоира, вокруг не оказалось. Что мне было делать!? Ждать пока он утомится!? До комендатуры оставалось километров пять, а помощи ждать не от кого. И тут я вспомнил, как изменилось поведение моего шпиона после очереди из автомата над его головой. Мои обычные слова и команды на него практически не действовали. Надо было попробовать снова его припугнуть. К этой мысли я пришел окончательно когда увидел двух военных,двигающихся вдоль деревни в моем направлении. Дождавшись когда они подошли достаточно близко, а мой шпион, бросив в меня очередной камень, спрятался за столб, я дал короткую очередь, целясь в середину столба. Эффект от этого был совершенно неожиданным. Шпион упал за столбом, как подкошенный. Я не бросился к нему, чтобы выяснить что же произошло: я не мог попасть в него, поскольку целился в столб.

Для меня было важно не упустить свидетелей произошедшего. Поэтому я кинулся к ним, объясняя на бегу сложившуюся ситуацию. Это был майор со своим солдатом. Майор сочувственно выслушал мои объяснения и вдруг внезапно стал бледнеть. Заметив это, я даже прекратил

объяснения, вдруг почувствовав, что кто-то держится за мою левую руку, в которой был автомат. Обернувшись, я увидел моего шпиона, который сказал только: «Дай закурить!», после чего стал объяснять, что он ранен. Это было совершенно невероятно, я не мог промахнуться на таком расстоянии даже из самого непристрелянного автомата. Вместе с солдатом я снял с него пиджак и увидел острую щепку от столба. Видимо ее отколола очередь из автомата. Именно эта щепка и повредила левое предплечье. Крови было немного.

Поскольку инцидент был исчерпан, я распрощался с офицером и солдатом, узнав как короче пройти к комендатуре. Анализируя происшедшее, я сделал окончательное заключение - мой шпион не симулянт, а настоящий шизофреник. Главным симптомом в данном случае была неадекватность реакции на внешнее возбуждение. Поэтому я перестал реагировать на все его высказывания и выходки и молча шел вслед за ним. Придя в Особин, мой конвоируемый сказал что хочет есть, а чтобы купить пирожок ему надо продать свои штаны, которых у него двое. Ожидая что он снимет наружные штаны, я несколько отвлекся и стал выяснять где находится комендатура. Спустя немного времени, я услышал громкий хохот, а вернувшись к своему шпиону, оказался в кругу людей, наблюдающих как он снимал с себя все штаны, поскольку продавать собрался именно те, которые были внутри. Поняв причину хохота и предположив, что далее мне придется вести полуголого мужика в комендатуру, я поднял автомат и дал длинную очередь в небо, расстреляв половину диска. Довольно быстро на эти выстрелы прибежал дежурный патруль, с которым я и доставил шпиона в комендатуру. Получив соответствующую расписку, я мог бы оставшееся время провести в городке, но уже не было желания. Я вернулся в резерв и отсыпался там почти два дня.

Я снова танкист!

Назначения в танковый полк мне пришлось ждать недолго. Я попал в изрядно потрепанное подразделение, воевавшее на танках Т-70, на должность заместителя командира танковой роты. Я даже не успел познакомиться с командиром полка, номера которого я сейчас не помню. Именно в это время полк получил приказ о захвате склада боеприпасов и мне, как говорится схода, пришлось сесть в легкий танк Т-70 и принять непосредственное участие в марш-броске и в последующем захвате склада, который оказался довольно большим. По приказу командира подразделения танки распределились по отдельным просекам в лесу, вдоль которых стояли пирамиды ящиков со снарядами.

Продвигаясь в танке по одной из этих аллей, я увидел группу разбежавшихся при появлении моего танка безоружных людей в гражданской одежде. Я решил, что это обслуживающие склад наши военнопленные и потому не стал их обстреливать. Остановив танк, я подошел к круглой формы палатке и, войдя в нее, обратил внимание на весьма чисто убранные постели и множество всяческих туалетных принадлежностей и прочего барахла. Обменявшись мнением с моим механиком-водителем, мы пришли к выводу, что это были наши бывшие военнопленные, но перешедшие на службу к немцам, т. е. предатели.

Убедившись в этом своем мнении окончательно, я стал думать как бы мне их достать. Осматривая аллею через командирскую панораму, я увидел, что те самые люди залегли за стволами деревьев и наблюдали за мной. Поняв что это враги, я стал придумывать способ как бы их «прищучить». Стрелять из пулемета было бесполезно - стволы деревьев были достаточно толстыми, а стрелять из пуш-

ки — опасно. От разрыва снаряда мог сдетонировать весь склад боеприпасов. Так, без единого выстрела и без всякого противодействия, прочесав насквозь весь склад боеприпасов, мы выехали к пункту сбора, который немедленно начали обстреливать немцы из тяжелых минометов.

При первом же обстреле нашей группы я был тяжело ранен и сильно контужен осколком в голову около правого уха. В результате этого ранения, я попал в госпиталь для контуженых, где мне поставили диагноз *petit mal* - кратковременные головокружения. Это прежде всего означало, что мне нельзя водить машину и подразумевало ряд других ограничений. На заседании ВКК (врачебной контрольной комиссии) мне предложили заняться лечением, но я посчитал себя абсолютно здоровым и в марте 1944 года добился направления в 184-й танковый полк, воевавший сначала на СЗФ, а впоследствии на 1-м Белорусском фронте. Этим фронтом командовал К.К. Рокоссовский.

Глава 4

ВОЙНА КАК ОНА БЫЛА

Содержание этого раздела целиком связано с войной. Те ее эпизоды, которые в нем будут описаны, происходили с реальными, активно действовавшими в то время людьми. Упомянутые фамилии принадлежат людям лично мне знакомым, с которыми я был связан по службе либо близко общался, а с некоторыми дружил. Ряд боевых эпизодов и событий, которые будут здесь описаны, могут показаться недопустимыми с позиций морали и психологии современного общества. Но так тогда было! Я наблюдал первые дни войны и активно участвовал в последних. Мне чрезвычайно редко приходилось видеть поступки, которые можно квалифицировать как проявление героизма. С моей точки зрения, все они были лишь честным и ответственным выполнением своих обязанностей, даже когда они совершались в критических условиях.

Точно так же я расцениваю свои поступки, которые был обязан совершить, руководствуясь не приказами сверху, а только своей совестью и присягой.

В полку прорыва

Укомплектованный танками Т-34, 184-й линейный танковый полк, куда я получил назначение, был полком прорыва и являлся личным резервом командующего фронтом К.К. Рокоссовского. Никаких привилегий это предназначение не давало. Полк был обязан делать прорыв на определенном участке фронта для тех частей, которые потом в этот прорыв входили. А сам полк после прорыва ехал на переформирование либо в город Горький, либо в ТТВЛ (Тульский танковый военный лагерь). Обычно после прорыва оставалось не более 35-40 % боевых машин, которые передавались частям, остающимся на линии фронта, но без экипажей. Командование полка считало чрезвычайно важным сохранить участвовавший в боях личный состав. Когда я доложил командиру полка на какую должность прибыл, то это мое сообщение не произвело на него никакого впечатления. Пришлось рассказать, что я служил в танковой дивизии И.Д. Черняховского, в составе которой и встретил первые дни войны.

Рассказ изменил отношение ко мне командира полка. Он с интересом выслушал информацию о боях 28-й танковой дивизии в Литве в самые первые дни войны и о моем участии в бою за Кирилловский монастырь при форсировании реки Волховец. В конце концов, командир полка сказал, что не любит бездельников, подразумевая при этом именно заместителей командиров рот по политчасти. Это была именно та должность, на которую я был направлен в 184-й ТП. В конце этой беседы он предложил мне перейти на работу в штаб полка на должность 3-го заместителя начальника штаба по разведке. Я знал, что это невозможно, но был польщен предложением. С политработы не отпускают!

В заключение командир полка предупредил, что он будет использовать меня в качестве офицера связи. Это предложение полностью устраивало меня, поскольку в это время наш полк готовился делать прорыв для кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора В.В. Крюкова. По приказу командира полка я был прикомандирован к штабу этой дивизии как офицер связи.

Важно было с самого начала завести доверительные отношения с командным составом дивизии и, в первую очередь, с офицерами штаба полка, к которому я был прикомандирован. Конечно, меня сразу начали разыгрывать. Я решил подыграть. Например, когда меня обязали надеть на сапоги шпоры (все казаки ходили с шпорами), то мой вопрос - надо ли их снимать, когда идешь в туалет, вызвал бурю восторга... Были шутки относительно ношения пашки во время моего дежурства в штабе. Для убедительности все офицеры штаба надели пашки, хотя, как я успел заметить, до этого они их не носили. Это действительно выглядело очень смешно - танкист в танковом шлеме и с пашкой. Естественно, я ее немедленно вытащил из ножен и, выйдя из штаба, довольно ловко срубил первый попавшийся куст. После этого я объявил, что пашка тупая и пожелал немедленно ее наточить: «Где тут у вас точило?». Этой моей шутки в штабе уже не могли спокойно перенести - для казака оружие святыня. После этого все шуточки в мой адрес прекратились.

По сведениям, полученным в этом штабе, кавалерийская дивизия готовилась к глубокому рейду по брянским лесам, задавшись целью перерезать железную дорогу между Брянском и Смоленском. Для казаков выполнение марша, пусть даже по непроходимым лесам, не представляло серьезных затруднений. Для них лошади были только средством доставки к передовой. В боях они участвова-



К.К. Рокоссовский

ли как обычная пехота, оставляя лошадей и все свои повозки с барахлом в 4-5 км от передовой на попечении коноводов. Всякие рассказы о казачьих атаках с шашками наголо во время Великой Отечественной войны - наглая ложь!

Я доложил командиру полка о том, как готовится к предполагаемому глубокому рейду кавалерийская диви-

зия и о тактических возможностях казаков к боевым действиям в условиях абсолютного бездорожья.

Акцент сделал на рассказе о настроениях у казаков перед рейдом. В общем я выложил все, чему нас учили перед рейдом на Тильзит. В свою очередь, командир полка сообщил мне, что по решению командования армии, часть танкового полка войдет в прорыв и после его совершения будет сопровождать конников и участвовать в захвате станции Жуковка.

Через несколько дней, после контактов с казаками, в наш танковый полк приехал командующий 1-м Белорусским (Брянским) фронтом К.К. Рокоссовский, чтобы лично огласить приказ о прорыве нашим полком немецкой обороны. Для этого в землянке был собран командный состав личного резерва командующего фронтом. В ходе беседы, *после оглашения* приказа, командующий рассказал об особенностях предстоящего прорыва и будущего рейда в глубокий тыл врага. Я сейчас могу вспомнить только о двух главных особенностях планируемого прорыва и рейда.

Первая касалась конструкции моста, по которому пойдут танки, осуществляющие прорыв. Чтобы исключить разрушение моста при возможной бомбежке немецкими самолетами, саперы должны были сделать его подводным, а значит невидимым с самолета.

Вторая особенность заключалась в том, что наша группа танков будет совершенно автономной, т. е. помощи нам никто не окажет. Были и другие особенности рейда, о которых я очень смутно помню, кроме того, что держать радиосвязь нам было запрещено, чтобы не обнаруживать расположения группы.

В конце встречи командующий фронтом вышел из землянки и с каждым офицером попрощался за руку, произнося при этом несколько теплых слов, обращенных непосредственно к командиру. В последней группе, вместе с работниками нашего штаба, вышел и я, мне тоже доста-

лось рукопожатие командующего фронтом, но слов его я не расслышал, поскольку переживал приказ командира полка: «Пойдешь с группой танков в прорыв как офицер связи!».

В тылу врага

Прорыв прошел практически незаметно, без присутствия ему обычно сильной артиллерийской подготовки. После входа в прорыв танков, он закрылся, а наша группа танков без сопротивления противника вступила в брянский лес. Сказать, что там были плохие дороги - ничего не сказать. Дорог там вообще не было. Конечно, конники со своими повозками и 45-мм противотанковыми пушками довольно легко преодолевали трудности лесных дорог. Для наших танков приходилось рубить лес и валить бревна в болотистые участки дороги, подкидывая все новые и новые бревна после прохода очередного танка. Особенно трудно было группе сопровождения: ремонтной летучке, санитарной машине, машине нашего полевого штаба, машинам снабжения и другим автомашинам нашего обоза.

Иногда эти машины приходилось буксировать танками. Но от этого пришлось отказаться после того, как у одной из буксируемых машин танк вырвал передний мост.

Дебри брянского леса были для немцев непроходимым и, следовательно, непосещаемым местом. Во всяком случае, за все время войны, а шел уже 1944 год, ни одного немца местное население не видело. Я познакомился со многими из местных жителей, которые с началом войны ушли в лес и жили в землянках, маскируясь от немецкой авиации. Постепенно к ним присоединялись солдаты и офицеры из отступающих частей и бежавшие из немецкого плена. Партизан мы не встретили. В партизанских отрядах никто из местных жителей не

участвовал. Тем группам, которых для ведения партизанской войны под видом партизан забрасывало наше командование, приходилось уходить разыскивая действующие партизанские отряды. Таким образом, предположение о том, что местные партизаны могут нам помочь при захвате Жуковки, отпадало.

Что меня поразило при взгляде на мужиков, проживающих в этих лесах, так это их сытые, раскормленные физиономии, чего давно не приходилось наблюдать среди нашего народа, живущего в голодном тылу. И при знакомстве с населением освобождаемых районов такие лица мне также не встречались. Невольно мне вспомнились слова К. Маркса из труда «Капитал», описывающие натуральное хозяйство как прибавочный продукт, производимый в этом случае только одним человеком, он может прокормить 12-15 человек в зависимости от особенностей внешних условий. В данном случае условия ведения натурального хозяйства были идеальными. У них было все. Они сеяли и снимали урожай, которым ни с кем не делились. Я пил у них самогон, настоящий на каких-то лесных ягодах. Понравился! Они держали в землянках скотину: коров, свиней и другую живность. Мечтали они только о том, чтобы такая жизнь продолжалась как можно дольше и без колхозов. Кстати, немцы колхозов не разгоняли, поскольку это была самая удобная форма эксплуатации и ограбления крестьянства.

Захват Жуковки и бегство из нее

Мало-помалу к опушке леса, выходящего в сторону станции Жуковка, подтянулись все наши 9 танков Т-34 и машины обеспечения, которые удалось довести в сохран-

ности. Далее, в глубине леса, расположились казаки со своим обозом. Поскольку весь отряд прибыл на исходные позиции, была налажена радиосвязь, запрещенная на время движения и объявлено время атаки на немецкий гарнизон, который по нашим предположениям должен был располагаться на станции.

Атака была назначена на 19:00, т. е. под вечер, без всякой артподготовки, не считая нескольких выстрелов шрапнельными снарядами в сторону станции из танковых 76,2-мм пушек. Большой артподготовки осуществить не могли, поскольку в боекомплект танка входило не более 2-3 шрапнельных снарядов.

Бронебойными и осколочными стрелять было бессмысленно. Не встречая интенсивного ответного огня, наши танки, а с ними и казаки в пешем строю, ворвались в Жуковку.

Оказалось, что там не было немецкого гарнизона. Она охранялась лишь несколькими отрядами полицаев из местных жителей, перешедших на службу к немцам. Большинство из них, главным образом из дальних районов станции, успели разбежаться. Станция представляла собой довольно большой городок с 25-30 тысячами жителей. Командование отряда, как положено по Уставу, заняло телефонную станцию, банк, управу и другие административные здания городка. Но едва наступила ночь, начались бесчинства казаков. Поскольку полицаев арестовали и никакой охраны складов с продуктами и в особенности с водкой, не осталось, то казаки немедленно использовали такое положение. К утру все они были вдребезги пьяны. Никакие наши попытки образумить потерявшее остатки ума казачество ни к чему положительному не привели. Мы даже заметили случаи мародерства, тем более что обоз с коноводами был подогнан ближе к станции. Туда казаки и тащили награбленное.

Конечно, немцы не могли организовать контратаку из полицаев. Полицаи не солдаты. Ближайшие гарнизоны немцев были в Брянске и Рославле. Как-никак путь по железной дороге был перерезан пусть и пьяными, но все-таки, как нам тогда казалось, боееспособными казаками. Пока мы в своем полевом штабе рассуждали на эту тему, немцы подогнали бронепоезд, который с дистанции, недоступной выстрелу из танковой пушки, открыл методичный огонь по нашей группировке. Каждые 15 секунд следовали выстрелы из 127-мм пушек. Наши казачки немедленно отрезвели и бежали из Жуковки. Нам тоже пришлось перегнать свои танки в лес.

Я не знаю, кто и как докладывал о произошедшем в ту ночь провале захвата станции, но последовала команда повторить неудавшуюся атаку и снова отбить Жуковку. Наши танки не могли принять участие в контратаке, так как горячее было на исходе, а помочь пушечным огнем мы не могли. Расстояние от леса, где стояли танки, до Жуковки было более 2,5 км.

Я помню эту ночную контратаку, происходившую в полутьме. Изредка нас освещали догорающие осветительные ракеты, которые периодически запускали немцы. Помню свое бессилие поднять казаков личным примером. Они замертво лежали, только вздрагивая от свиста пуль. Я уговаривал их подняться, ведь свистят только те пули, которые уже пролетели и, следовательно, уже не могут нанести вреда. Поднимать их в атаку патриотическими призывами было также совершенно бесполезно, они даже на мой весьма профессиональный мат не реагировали. Напоследок я уже стал обращаться персонально, угрожая пистолетом и даже бил их сапогом в зад. После этого некоторые поднимались с земли, но пробежав метров 10-15, снова ложились. Конечно, за отказ идти в атаку я мог и имел право применить свое оружие, но устав безрезультатно поднимать казаков в контратаку, я

решил посмотреть что же делает командир соседней группы.

Я вместе с ним слушал приказ о контратаке. Оказалось, он спокойно лежал в небольшой естественной канавке и «покуривал в кулак». Поговорив с ним, я пошел к своим танкам. И те казаки, которых я безуспешно поднимал в атаку, немедленно потянулись за мной.

Из всей совокупности впечатлений, которые я вынес, анализируя ночную попытку контратаки, я сделал вывод, касающийся выполнения idiotских приказов. Они могут быть отданы как по причине действительного незнания окружающей обстановки, либо, и чаще всего, из комчванства, когда, не считаясь с потерями как людей, так и техники, добиваются выполнения своих самодурских приказов. При выполнении таких приказов достаточно только симулировать активность, и все обойдется. А у меня возникло маленькое стихотворение, обращенное к танкистам.

В бою в приметы верит каждый
И этой верой жив солдат.
Пробитый шлем уж не прострелят дважды.
В воронку вновь не попадет снаряд.
А пули — пусть они свистят.
Свистят лишь те, что мимо пролетели.
Услышав свист, уверен будь солдат -
Они летели к другой цели.
Война еще продлится долго.
Носи пробитый шлем пока,
Шинель, пробитую осколком.
Еще победа далека...

За это стихотворение в редакции армейской газеты меня обвинили в паникерстве, поскольку действительно до победы в то время было еще очень далеко.

Наутро, после контратаки Жуковки, по радио пришло два приказа. В соответствии с первым мы должны были закрепиться в круговой обороне и ждать пока нас не освободятдвигающиеся в нашем направлении войска фронта. Во втором сообщалось, что половина личного состава, принимавшего участие в глубоком рейде, награждена орденами и медалями. Меня за участие в рейде наградили орденом «Красной Звезды» № 297122. Скажу об этом, без кокетства, что кроме безуспешной попытки поднять казаков в контратаку на Жуковку я ничего достойного упоминания не совершил.

Покатышка

В ожидании встречи с нашими наступающими частями, которые должны были подойти к Жуковке и «освободить» нас (наши танки стояли без горючего), у меня было время обдумать все эпизоды, которые имели место быть в брянском лесу. Заодно, по аналогии, я вспомнил кое- что из своего далекого детства. Мои воспоминания о нашем деревенском кулаке Покатышке и его семье, состоявшей из пяти дочерей и сына Яши - последыша, относятся к 1924-1926 годам. Хотя в это время проблем с молочными продуктами уже не было, за теми продуктами, которые производила семья кулака, сбегалась вся округа и, в первую очередь, все служащие психбольницы, где главным врачом был мой отец Н.И. Чеканов. Мать водила меня к кулаку когда покупала у него яблоки - антоновку. Такого размера антоновку я больше никогда в жизни не видел. Размеры яблок сравнивали с размерами моей головы, а я не был микроцефалом.

Хорошо врезалось в мою память воспоминание об усадьбе и доме Покатышки, там все было сделано его руками: красивые дубовые ворота, забор, дворовые постройки и двухэтажный дом, где все блестело от чистоты, но это уже была заслуга его старшей дочери. Она, как и положено старшей дочери, сестрам не давала ни минуты отдыха. Все время каждая из них что-либо делала. Даже самая младшая, примерно моего возраста, в любое время или толкла что-то в ступке, или терла.

Но именно старшей сестре я обязан теми воспоминаниями, которыми собираюсь поделиться. Однажды она показала мне большую золотую медаль, которой был награжден Покатышка на Всемирной парижской выставке в 1912 году. Конечно, меня сразу заинтересовало: за что? Не получив от нее удовлетворительного ответа, я задал этот вопрос своему отцу. И вот что я узнал.

У нас до настоящего времени оценивают урожай на глазок, не сопоставляя результат с тем, что было заложено. Крестьянский подход требовал сопоставления, отсюда возникли термины сам-сорок, сам-пятьдесят и т. д. Это означает например, что выросший из одного зернышка колосок принес в среднем 40 или 50 зернышек. Но это только метод оценки результата, секрет успеха заключался в той агротехнологии, которую разработал и применил Покатышка. А смысл ее был в следующем. Он посеял яровую рожь вместе с ячменем и, дав ей только достигнуть восковой спелости, скосил на корм скоту.

На другой год новый урожай оценивался как сам-шестьсот, сам-семьсот. Три снопа из этого урожая он в 1912 году привез в Париж и получил за это большую золотую медаль. Мне довелось только один раз близко пообщаться с ним, когда он обратил внимание на то, что за столом я рассматривал и крутил в руках ножи, гнул их, проверяя

упругость. Это были самодельные, очень красивые с гравировкой столовые ножи.

Он отвел меня в кузницу, разжег горн и показал как отковывает такие ножи. Вероятно, с той поры ножи стали моим хобби.

А потом началось раскулачивание. Сначала Покатышку «потрошили», отобрали коров, лошадей и мелкий скот. Потом изъяли все ценности. Потом арестовали и он исчез. А потом всех его дочерей выселили из усадьбы, и вся психбольница видела как они с тощими узелками за спиной уходили по направлению к Курску. В двухэтажном доме решили разместить сельсовет. По этому поводу было организовано большое пьянство, в результате которого спалили не только дом, но и всю усадьбу. Остались одни дубовые ворота. Но потом и их кто-то утащил. Чего добру пропадать!

Приказ № 227

Важно отметить, что Главное командование и Политуправление в начале 1943 года приняло ряд законов и соответствующих им постановлений, ужесточающих ответственность и наказание за предательство, измену и нарушение воинского долга. Я не имею в виду давно действовавшие заградотряды, штрафные роты и батальоны. Основной функцией заградотрядов была охрана тридцатикилометровой прифронтовой полосы, где задерживались дезертиры и диверсанты. Это были обыкновенные пограничники, никакого участия в боевых действиях они не принимали, лишь перемещались вместе с фронтом, сохраняя установленную дистанцию от передовой. Солдатские байки о том, что они стреляли в отступающих - неправда.

Кроме мер наказания, предусмотренных приказом И.В. Сталина № 227, было узаконено проведение смертной казни для предателей путем повешения. Это являлось, безусловно, более действенной мерой наказания, если проводилось публично. Особенно сильным ужесточением мер воздействия на предателей явилось объявление их «вне закона». Эта мера была введена в связи с появлением в немецкой армии власовцев и отрядов РОА (Русской освободительной армии). Мне лично пришлось наблюдать применение этого приказа на деле.

В нашем 184-м танковом полку служил милейший человек, доктор Сойка, белорус по национальности. Одно общение с ним могло лечить или, во всяком случае, облегчить течение болезни. Однажды мы, группа танкистов, вышли на дорогу встречать друга, возвращающегося из госпиталя. Конечно, с нами был и доктор Сойка, который и направил его в госпиталь.

В это время мимо нас вели колонну пленных немцев, среди которых Сойка увидел своего бывшего, как он сказал, еще школьного друга, да еще и в мундире армии РОА. Невозможно описать, что произошло с нашим милейшим доктором. Он кинулся к начальнику конвоя с просьбой отдать ему этого пленного. Конечно, тот не соглашался. Ведь он должен был довести всех, кого он принял на конвой. Не представляя, что задумал наш доктор, мы тоже уговаривали начальника конвоя. В конце концов Сойка сбегал в свою санитарную машину и принес оттуда весь свой запас спирта и все лекарства, содержащие спирт. Всего, на мой взгляд, литра три.

Кошмар начался сразу, как только колонна пленных удалилась за поворот дороги. Не предупредив нас, доктор Сойка вынул свой ТТ и открыл огонь по бывшему другу. Сперва мы старались уговорить его не зверствовать. Но все помнили, что на днях до нашего сведения довели со

держание закона о тех, кто оказался «вне закона». Мы вынуждены были только смотреть. А наш доктор неистововал! Сперва он стрелял по ногам, а когда несчастный, дергая руками, свалился в дорожную пыль, доктор стал стрелять по рукам. Видимо хорошо зная анатомию человека, он после замены обоймы стал стрелять в нижнюю часть живота и последний выстрел сделал в грудь. Таким образом, он расстрелял две обоймы к ТТ. Больше у него патронов не было.

Наблюдая эту картину, я вспомнил поведение буйнопомешанных в калужской психиатрической больнице и решил, что это Сойке даром не пройдет. Действительно, человек свихнулся. Он стал ездить по прифронтовой полосе, разыскивая своих бывших друзей, про которых он заранее решил, что и они все могут быть предателями. Командиру полка эти отлучки надоели, и доктора убрали из полка. Могу утверждать, что мы тогда даже не считали это зверством. Каждый из нас уже видел множество смертей, участвовал в атаках и прорывах и внутренне был подготовлен к ранению или к необратимому. У большинства танкистов притупляется осознание неминуемой опасности. С какой стати мы должны были сожалеть о человеке в мундире РОА? Я лично пожалел доктора Сойку.

Про Гришу Болдырева

Совсем недавно мы хоронили одного из танкистов, погибшего не в бою, а при охране авангардной части штаба, проводившего разведку. Его танк напоролся на огонь из пушки, стоявшей в засаде. Командир танка сгорел, не успев даже сделать ни одного выстрела в ответ на кинжальный огонь этой пушки. Я ощущал необычайную легкость

его полуобгоревшего тела. У него сторели кисти рук и ноги. А само тело осталось, как говорят медики, в позе боксера. Его похоронили как обычно хоронят танкистов - завернув в плащ-палатку, рядом со сгоревшим танком. Этот танк и будет памятником нашему другу пока его не увезут на переплавку. На грустном холмике осталась стоять фанерная пирамидка с фамилией, инициалами и годами рождения и гибели. Пирамидка увенчана жестяной звездой. Это все, что останется как память о погибшем танкисте. После прощального салюта наш полк снова уйдет к передовой. И если товарищи не напишут скорбных слов его родным или близким, то только штабной писарь отошлет им типографскую похоронку, заполнив ее сухими дежурными словами: «Погиб как герой при освобождении нашей социалистической Родины».

Я давно пытаюсь создать обобщенный образ танкиста, начиная со зрительного представления о нем. В виде характерного, свойственного только танкистам, элемента одежды - в моем представлении это должен быть танковый шлем. Танкист должен быть представлен действующим, в своей естественной среде. Этой средой является обстановка танка. Танкист действует, руководствуясь неписаными правилами танкового боя: «Не вижу - не стреляю», памятуя об ограниченности боекомплекта, который имеется в танке. Всего 43 снаряда различного предназначения - бронебойные, осколочно-фугасные, шрапнельные и другие.

Главнейшей целью, ради которой он готов подвергать себя излишнему риску, а не прятаться за броней, является подавление огневых точек врага, защищая своих товарищей и себя заодно. По этому поводу я написал стихотворение, посвященное моему погибшему другу Грише Болдыреву, 1921 года рождения.

БАЛЛАДА О ШЛЕМЕ

Грише Болдыреву - танкисту, погибшему

нас защищая и оставшемуся молодым навечно

Из боя танк вернулся на буксире.
(В бою был подкалиберным задет.)
Лежал в нем шлем танкиста - командира.
Жил командир, и командира нет....
Шлем был в крови и спереди и сзади.
С дырой налобник - пулей вырван клоч.
«Скажи танкист, какого ... ради,
Ты вышел в люк? Ведь за броней быть мог!»
Смеркалось. «Тигр» бил из засады.
И ничего не разобрать в прицел.
А чтоб стрелять - врага увидеть надо!
Он люк открыл, отыскивая цель.
Засек ее, по вспышкам в этом месте.
К прицелу вновь налобником прильнул,
Поймал, подвел на перекрестье,
По «тигру» подкалиберным хлестнул.
Еще снаряд - горит врага машина!!!
Другой «тигр» бьет. И снова командир,
Презрев осколки, пули, мины,
Отыскивает цель. И вдруг померкнул мир...
Тот «тигр» сгорел, но удалась атака.
Как и другие множества атак.
А командир упал на днище танка,
И смерть пришла с победой вместе в танк.
А шлем, шальною пулею пробитый,
Напомнит нам, как молод был и смел,
Танкист, искавший цель открыто.
И больше ничего он сделать не успел.

*Март 1945 г. Госпиталь в монастыре
г. Ченстохов*

За новыми танками в город Горький

После проведения рейда по брянским лесам наш 184-й танковый полк был направлен на переформирование в Горький для получения новых танков Т-34 и пополнения личного состава. Полк прибыл в Горький в тот момент, когда на него начались ночные налеты немецких бомбардировщиков. Для немецкой авиации он был очень хорошо заметной целью, замаскировать город было невозможно - он стоял на слиянии двух мощных рек - Оки и Волги. Такая цель отлично заметна и днем и ночью при любой погоде. В результате первой ночной бомбежки был полностью разрушен и сгорел ГАЗ (Горьковский автомобильный завод), который должен был обеспечить наш полк автомобилями.

Мы наблюдали эту бомбежку, видели как налетали немецкие тяжелые бомбардировщики, сбрасывая на город пятисоткилограммовые и даже тонные, как нам показалось, бомбы. Все это происходило при мертвенном свете от медленно опускавшихся на парашютах осветительных бомб. С болью в сердце следили мы за беспомощно шарящими по ночному небу, озарявшемуся огнями разрывов, лучами прожекторов, разыскивающих цели для наших маломощных зениток.

На следующую ночь налет повторился, но обстановка круто изменилась. В Горький прибыла сильная противоздушная часть, снятая с какого-то участка береговой обороны. Зенитные орудия крупного калибра быстро рассеяли эшелоны немецких бомбардировщиков. Я видел как падали горевшие в воздухе два немецких самолета. Такой бомбежки и таких результатов мне не приходилось видеть даже на фронте. От знающих людей я услышал, что в на-

чале войны наши зенитчики затрачивали до 7000 снарядов

на один сбитый немецкий самолет. К концу войны эта цифра уменьшилась до 2000. Каким же должен был быть мощным тыл, чтобы обеспечить боеприпасами только одну нашу противовоздушную оборону? И здесь я, в который раз за время войны, вспоминаю мудрые предсказания моего знакомого старика-часовщика из Риги.

Сразу после бомбежки функции ГАЗа были распределены между предприятиями соответствующих профилей, благодаря чему, например, наш полк получил необходимые автомашины, правда с деревянными кабинами, но вполне пригодные к эксплуатации. Точно так же было восстановлено производство военной техники и на других заводах. Завод, выпускавший танки, не пострадал от бомбежки, и я с большим интересом наблюдал весь технологический процесс сборки танков Т-34 и другой военной техники. Это мне существенно помогло при обучении на танковом факультете в МВТУ имени Н.Э. Баумана и во время моей работы в Бронетанковой академии имени И.В. Сталина.

Культурная жизнь в Горьком не прерывалась, несмотря на военную обстановку и довольно частые воздушные тревоги. Город был насыщен формирующимися военными частями, для командного состава которых систематически читались лекции о новых образцах вооружения.

Именно там я узнал о характеристиках мощных зениток. Работали театры, филармония, концертные залы и даже цирк. Были особенно популярны ночные (с двенадцати до двух часов ночи) концерты. А когда еще было их проводить? Ведь днем люди напряженно трудились, многие по 10-12 часов.

Я комсорг 42-го танкового полка

Получив новые Т-34 и доукомплектовавшись пополнением в танковых экипажах, наш 184-й танковый полк вернулся на 2-й Белорусский фронт. К этому времени в результате очередных коренных изменений условий проведения партийно-политической работы в действующей армии был ликвидирован статус заместителей командиров рот по политической части. Его признали принижающим роль командира роты, как единоначальника, и снижающим его авторитет.

Я был соблазнен заманчивым предложением командира полка о переходе на работу в штаб на должность заместителя начальника штаба по разведке. Мне показалось, что наступил удобный момент «под шумок» избавиться от бессмысленной и, по моему убеждению, ненужной партийно-политической работы. Заручившись согласием командира полка, повторившего свое предложение, я поехал в политотдел армии, где и сформулировал свою просьбу. Там мне предложили подать письменное заявление. Не представлял я тогда, чем все это может кончиться.

Окрыленный надеждой, я вернулся в полк и стал ждать ответа из политотдела. И ответ пришел... Пришел в виде вызова на заседание партийной комиссии. Партийная комиссия хором на меня навалилась, обвиняя во множестве грехов, главным из которых была «попытка дезертирства с важнейшего на этом этапе войны участка - партийно-политической работы». Эту формулировочку мне «пришил» исполняющий обязанности председателя партийной комиссии, старый большевик в чине бригадного комиссара.

Увидев, что ничего хорошего мне не светит, я стал понемногу соглашаться с мнениями членов комиссии. Согласиться сразу было нельзя, прозвучало бы неубедитель-

но. Но надо было как-то заканчивать эту комедию. В результате обсуждения моей судьбы, я, как достаточно молодой, получил номенклатурную должность комсорга 42-го танкового полка. Мне сулили перспективу в дальнейшем перейти на другую номенклатурную должность - парторга полка. Но с условием, чтобы я перестал думать об уходе с партийной работы.

Мое знакомство с командиром 42-го танкового полка, подполковником С.И. Тидеманом, произошло практически так же, как и с командиром предшествующего 184-го танкового полка. Для начала он заявил, что не любит бездельников, но, услышав мои объяснения, за что я получил орден Красной Звезды, сразу же предложил перейти на работу в штаб полка, на должность третьего помощника начальника штаба по разведке.

Я сказал ему, что уже получал подобное предложение в предыдущем полку и хорошо знаю, что с политработы не отпускают. Оставалось поблагодарить за доверие и подготовиться к выполнению персональных приказов командира полка, связанных с исполнением обязанностей третьего помощника начальника штаба или офицера связи.

В самом начале моей службы в 42-м танковом полку произошло практически необратимое по своим результатам происшествие. У меня украли партийный билет. Пьянка по поводу начала моей службы в 42-м танковом полку была в соседней части - в БАО (Батальон аэродромного обслуживания). Причиной выбора этого места послужило то, что в БАО всегда был избыток спирта, выдаваемого для протирки прицелов и ответственных приборов на самолетах. Человек, укравший партбилет, был дезертиром, как мне потом объяснил наш оперуполномоченный из контрразведки. Он затесался в нашу кампанию с целью заимствования подходящих документов. Через 17 дней его изловила контрразведка, и

я его опознал. Мой партбилет у него обнаружили...

Но главный урон моей судьбе уже был нанесен. На заседании той же партийной комиссии меня долго прорабатывали и вынесли строгий выговор с последним предупреждением «за пьянство и потерю бдительности». В общем, весь набор партийных взысканий, которые были в распоряжении комиссии. Председатель партийной комиссии в заключительном слове сказал: «Теперь Вы должны смыть кровью тот несмываемый позор, которым Вы покрыли нашу партию». Но от номенклатурной должности комсорга полка не освободили. А я очень надеялся на этот исход. В полку меня встретили вполне доброжелательно. С кем не бывает!

Не буду подробно описывать как проходил процесс опознания похитителя моего партбилета, когда меня ночью привезли в помещение контрразведки. Оперуполномоченный нашего полка, с которым я впоследствии подружился, догадался вынуть из моей кобуры ТТ как будто предчувствовал, что я собрался пристрелить похитившего мой партбилет дезертира. Спасибо ему за это! Хотя жизнь человеческая в то время ничего не стоила, и в конечном счете я был бы оправдан, но хлопот было бы предостаточно. Фамилию контрразведчика я с благодарностью вспоминаю до сих пор, но не имею права опубликовать ее в этих воспоминаниях.

Бой за Колотовку

Наступило 23 апреля 1943 года. День, который я помню в мельчайших подробностях. От имени командующего фронтом К.К. Рокоссовского в наш 42-й танковый полк поступил приказ прорвать оборону немцев и захватить населенный пункт Колотовка. Командиру танка, который первым ворвется в Колотовку,

командующий фронтом обещал ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о присвоении звания Героя Советского Союза.

Я изучил по штабной полевой карте тринадцатикилометровый путь танков нашего полка. Он проходил через глубоко эшелонированную оборону немцев, которую надо было преодолеть, чтобы достигнуть Колотовки. По сведениям разведки, там стояло в засадах несколько «тигров». Но пока мое желание принять участие в атаке наших танков было только мечтой. Неожиданно мечта осуществилась. На исходной позиции, перед атакой танков, шальной пулей был тяжело ранен в голову командир танковой роты старший лейтенант М. Зайцев. Я без раздумий объявил в штабе, что поведу роту в бой. Как ни странно, но в тот момент я думал только о том, что «я должен смыть кровью свой позор» и т. д., а совсем не о звании Героя. Имена и фамилии здесь и далее приведены подлинные, так как у меня сохранились документы, подтверждающие причастность этих людей к этой боевой операции. Парторг полка и начальник штаба были категорически против моей затеи. Но как только закончилась артподготовка, я надел шлем раненого командира роты и, подав зрительный сигнал «Делай как я!», повел роту в бой. Механиком-водителем танка командира роты был К. Ершов, с которым я даже не успел познакомиться. Должен сказать, что мои действия по управлению танковой ротой в боевой обстановке были основаны лишь на тех знаниях, которые я получил еще в учебном батальоне 27-й ЛТБ в городе Борисове.

Чтобы лучше видеть поле боя и расположенные на нем цели, я не стал садиться на сиденье командира танка, а стоял на нем и опускался к прицелу только чтобы сделать очередной выстрел из пушки по цели, которую я выбирал заранее. Мой механик К. Ершов вел танк от одних кустов к другим, делая около них кратковременные

остановки, давая мне возможность сделать очередной прицельный выстрел из пушки или очередь из спаренного с пушкой пулемета ДТ.

Обозревая поле боя, я заметил, что из группы танков, наступающих справа, вырвался вперед один танк, преодолевший открытый участок поля боя. Как я потом узнал, это был танк старшего лейтенанта М.Б. Джумагулова. Его настоящее имя было Эль Мурза, которое переделали в Михаила Борисовича. Увидев маневр Джумагулова, я по внутренней связи приказал механику Ершову на самой большой скорости преодолеть открытый участок. Но наш танк обнаружил «тигр», который начал вести из засады прицельный огонь.

Глядя из своего открытого люка в башне, я попытался обнаружить точку, из которой вел огонь «тигр». Первый снаряд, попавший по моему танку, был подкалиберным, поскольку внутри танка взрыва не произошло. Он попал в шаровую установку, располагающуюся в носовой части танка. Эта шаровая установка вместе с пулеметом ДТ, влетевшая в танк, убила сидевшего за ней стрелка и покалечила моего заряжающего пушку. Поскольку я не сидел на месте командира танка, а стоял на нем перед открытым люком то, со мной все было в порядке.

Осталось выяснить, что произошло с водителем. Я попросту вывалился из башни танка и ползком добрался до люка. Он был открыт, и оттуда висела рука механика-водителя.

За нее я вытащил Ершова из танка и оттащил в сторону от подбитой машины. И во время это сделал. После следующих выстрелов того же «тигра» наш танк загорелся. В нем начали рваться оставшиеся снаряды из боекомплекта. По моему, я успел расстрелять только 18-20 снарядов из 43-х.



Анатолий Николаевич Чесанов

Оттащив подальше от горевшего танка механика Ершова, я стал думать, что делать дальше.

Я знал, что вторым эшелоном за нашими танками должны были идти самоходки ИСУ-122, к которым обычно подвозят снаряды, поскольку они расходуют много боеприпасов. И действительно, одна из подвод оказалась поблизости. Приказав под дулом пистолета свалить ящики со снарядами на землю, я погрузил своего механика на подводу и приказал ехать к нашим исходным позициям. Ершов был практически без сознания, меня он не узнавал. В спешке перед боем я успел с ним только обменяться рукопожатием.

После разбора результатов нашей танковой атаки, в ходе которой был выполнен приказ К.К. Рокоссовского и взят населенный пункт Колотовка, возник вопрос о присвоении звания Героя Советского Союза М.Б. Джумагулову. Меня за участие в этой танковой атаке наградили орденом Отечественной войны 1-й степени №73739. Командир полка приказал мне согласовать документацию на присвоение звания М.Б. Джумагулову со всеми частями - саперными, артиллерийскими и, главное, с пехотными, которые принимали участие в боях за Колотовку. Всего надо было собрать около 6-7 подписей. Обычно документация на награждение орденами и медалями составляется в штабе полка, ее подписывает командир полка и утверждает соответствующий уровню ордена или медали командир вышестоящего подразделения. Так оформлялись все военные ордена, кроме звания Героя, которое утверждалось Верховным Советом СССР.

Единственным из командиров частей, от которых я должен был получить это согласование, был возражавший командир стрелковой дивизии. Номера дивизии и фамилии ее командира я не помню. Его возражения сводились к тому, что Джумагулов был

нацменом, несмотря на имя и отчество Михаил Борисович, которое ему придумали в нашем штабе. Такого упертого националиста за время войны я еще не встречал. Воевал весь многонациональный народ. Я видел в боевой обстановке солдат и командиров - представителей разных национальностей. Могу утверждать, что все они в критических условиях боевой обстановки, вели себя достойно и ответственно, кроме откровенных предателей.

К ним я причисляю, в первую очередь, калмыков, с активными предательскими действиями которых нам неоднократно приходилось сталкиваться. Из них немцы набирали отряды уничтожения. Вооружали их заплечными огнеметами, средствами отравления воды в колодцах и другими вредоносными веществами для уничтожения продуктов питания. Они резали всю скотину на освобождаемых землях. Кроме этого вреда крестьянам, они поджигали своими огнеметами все, что только могло гореть.

Это я видел и думаю, что калмыки громили и уничтожали все это совершенно сознательно и получали от содеянного определенное удовольствие.

Что касается требуемой подписи, то я ее получил после того, как попарился в баньке с командиром дивизии. Хорошая была банька, большая редкость во фронтовых условиях. Я искренне похвалил качество баньки и, может быть, этим ускорил получение требуемой визы генерала.

Наш 42-й ТП стал Бобруйским

Закончив операцию под Колотовкой, 42-й танковый полк участвовал в боях местного значения и, наконец, принял участие в сражении за освобождение города

Бобруйска, после которого «За отличные боевые действия...» (слова из приказа) 42-й ТП был отмечен благодарностью И.В. Сталина от 29 июня 1944 года и получил название «Отдельный Краснознаменный Бобруйский линейный танковый полк». После сражения за Бобруйск наш полк сдал на ремонтные базы оставшиеся танки, у которых уже был полностью израсходован ресурс ходовой части. Гарантированный срок службы гусеничных цепей при цевочном зацеплении рабочих колес - 11 000 км. Ресурс танкового мотора У2, который ставили на танки Т-34, после снятия с истребителей и соответствующей переборки, всего 100 часов. Двигатели автомобильного типа, применявшиеся на танках «тигр», «пантера» и других танках имели ресурс от 250 до 400 часов.

Главное политическое управление Красной армии не всегда отдавало идиотские распоряжения. Одним из таких удачных распоряжений я считаю указание офицерскому составу полка 20 июля собраться в полдень для прослушивания песни «В лесу прифронтовом» (стихотворение М. Исаковского, музыка И. Блантера). В нем же указывалось сделать групповую фотографию офицерского состава. Благодаря этому распоряжению и ряду других случайных совпадений, возникла эта групповая фотография офицеров 42-го ТП.

Я обращаюсь к тем, кто будет рассматривать эту фотографию - на ней запечатлены настоящие танкисты! Это не официальное фото, для которого людей рассаживают по «ранжиру» или для создания «ансамбля». Здесь танкисты, еще накануне сдерживавшие атаки окруженной под Бобруйском немецкой группировки, пытавшейся прорваться на запад.

А сегодня они улыбаются! Они счастливы, конечно, каждый по-своему. На некоторых гимнастерках блестят свеженькие, еще не «обмытые» медали. Это медали «За отвагу», которые танкисты ценят выше орденов. Награды



Офицеры 42-го танкового полка

орденами требуют более высокого утверждения и потому еще не получены, но как всегда бывает, всем награжденным об этом уже известно.

На парадных фотографиях обычно запечатлеваются люди со всеми наградами - орденами, медалями и другими знаками отличия. Танкисты носили свои награды в полевых сумках и планшетах. Награды - вещи хрупкие и тем, кому приходилось иметь дело с танковым вооружением, с танковой оптикой - с прицелами, панорамами или с боеприпасами, влезать в танк с орденами неудобно.

Каждый, кто посмотрит достаточно внимательно на это фото, сразу найдет на нем психологический центр группы. Это место, которое занимает командир 42-го ТП подполковник Сергей Иванович Тидеман. Позади него стоят три командира танковых рот. Именно на командира роты ложится ответственность за успех или поражение в танковой операции, если он останется в живых после ее завершения. За танком командира роты охотятся «тигры», «пантеры» и другие звери, а за самим командиром роты охотятся снайперы...

По правую руку от командира полка расположился штаб полка: начштаба и два его заместителя по строевой и оперативной работе. Они по танкам не лезят, и потому можно увидеть их награды. По левую руку расположились начальники служб - связи, боепитания, ГСМ снабжения и помпотех.

Все улыбаются, все радуются тому короткому отдыху, который всех нас ожидает после тяжелой военной работы (обычно до 1,5-2 месяцев). Наш полк направлялся в ТТВЛ (Тульский танковый военный лагерь) за новыми танками Т-34 и за пополнением - в боях за освобождение Бобруйска полк потерял больше половины личного состава.

А за отличные боевые действия при освобождении города Бобруйск «42-й ТП впредь именовать - Краснознаменный Бобруйский линейный танковый

полк», - так гласил приказ И.В. Сталина от 29 июня 1944 года.

И еще в тот день была хорошая песня, которая всем понравилась. И еще в тот день была хорошая погода!

В июле полк выехал за новыми танками и пополнением людьми в ТТВЛ под Тулой. Как я и ожидал, командир полка дал мне очередное задание - взять под контроль пополнение полка людьми. Было выделено 65 человек. Из них было только 7 шоферов, вышедших из госпиталей, а значит уже обстрелянных солдат. Остальные были только что призванные, едва прошедшие курс молодого бойца, новобранцы. Глядя на них, можно было сразу заключить, что многие прибавили себе по паре лет возраста, чтобы попасть в армию. У одного из них я отобрал рогатку. Командир полка приказал их усиленно кормить и не позволять шалить с боеприпасами, поскольку они любили баловаться бездымным порохом, который зажигали и совали друг другу в лицо. Были и ожоги.

Кроме этого пополнения, полк получил 8 казахов, еле-еле говорящих на русском и 9 уголовников, только что освобожденных из тюрем и лагерей. Этих субъектов для «прочищения мозгов» командир полка приказал обучать строевой подготовкой, после их попыток установить в части порядки зоны. Эта «строевая» продолжалась по 8 часов в день с заменой проводивших ее офицеров через каждые два часа. По своему опыту знаю, что такое мероприятие идеально «прочищает мозги». Двое из этой группы отказались выполнять приказы командиров и после сидения в яме, которую они для себя вырыли сами, были отправлены в штрафной батальон.

Конфликт в полку возник из-за распределения шоферов. Каждое из обслуживающих подразделений считало, что именно оно имеет преимущество их получения в данном случае. И действительно, как можно было возразить

начальнику боепитания или военврачу, или, например требовавшему шофера для кухни начхозу.

Я присутствовал при этой торговле, и неожиданно для меня все споры и претензии разрешил помпотех полка, который сказал, что всех семерых шоферов он посадит на бензовозы. Если не будет бензина, то никто никуда не поедет. Все споры после этого прекратились.

Формирование в ТТВЛ

Командир нашего полка был очень добрым человеком, и по этой причине он совершил ошибку, грозившую обернуться катастрофой для всего нашего танкового полка. К нему обратился командир одного из танков с просьбой разрешить взять с собой его, якобы, сестру, которая погибала от голода в Туле. Командир дал согласие и приказал зачислить ее на должность парикмахера. Как выяснилось после приезда на место дислокации полка, эта «парикмахерша» оказалась профессиональной проституткой. Ее услугами воспользовались несколько танкистов из первого эшелона танков. Полк транспортировался двумя эшелонами. В каждом были платформы с танками и несколько пассажирских вагонов. В танках посменно попарно дежурили члены экипажей. Они должны были отдыхать в пассажирских вагонах. Я ехал со штабом во втором эшелоне и, конечно, не представлял что творится в первом.

В соответствии с приказом командарма, полк должен был немедленно после прибытия занять исходную позицию и ждать часа «Ч». В ожидании этого часа я занялся обучением моего ординарца, Шопена Баяленова, основным правилам русского языка. Не зная что делать с казаками, командир полка решил раздать их в качестве ординарцев ведущим командирам штаба полка. Поскольку я

числился по штабу и получил повышение в звании - стал капитаном, то и мне был выделен ординарец. Он оказался очень исполнительным, хотя я не сразу научился его понимать.

Ночью меня вызвали в штаб полка, где я увидел вместе с командиром полка весьма странный набор представителей служб: врача, помпотеха, контрразведчика и некоторых других, которые обычно при объявлении боевого приказа не присутствуют. Командир полка был мрачен. Обращаясь ко мне, начальник штаба объяснил обстановку. Оказывается, та самая «парикмахерша», обладая полным букетом всех венерических болезней, заразила всеми ими более десятка танкистов. Начальство пока не знало об этом или делало вид, что не знает о том, что многие давно знали. Недаром здесь присутствовал уполномоченный контрразведки. Ведь если бы все это стало известно командованию, то первым был бы наказан командир полка, как разрешивший ей работать в полку.

Всем заразившимся танкистам грозил трибунал и ссылка в штрафной батальон, куда направляли заразившихся офицеров после выздоровления. Поэтому все ждали чрезвычайного события, которое должно было разрядить обстановку. Полк шел на прорыв обороны противника. Обычно после прорыва остается не более 50 % танкистов. Тех, кто сторит, конечно, жаль, но это боевые потери. Среди них могут оказаться и больные.

Оставшиеся танковые экипажи, где будут заразившиеся, сдадут вместе с танками в другие полки. Пусть они сами там разбираются. Наш полк стал полком прорыва, и после приказа И.В. Сталина за Бобруйск должен был получить звание гвардейского.

Все это прозвучало в информации начальника штаба. Но я пока не понимал своей роли в происходящих событиях. Мне объяснили следующее: пока наше командование делает вид, что не знает о скандале, никто

из руководства полком не может подойти к месту кульминации скандала - к аутодафе. Заразившиеся танкисты собрались сжечь «парикмахершу». Всякий из командования, кто мог увидеть это зрелище, обязан был немедленно подать рапорт об этом событии со всеми вытекающими из этого последствиями. Единственный кто мог увидеть это сожжение без соответствующей официальной реакции был я, поскольку не был официально в составе штаба, а все заболевшие танкисты не были комсомольцами. Поэтому от меня никаких рапортов не требовалось. Единственное указание заключалось в том, чтобы не было зверств, и чтобы я не брал с собой ординарца. Наш оперуполномоченный любезно указал мне направление, где искать это место.

Было очень раннее осеннее утро. Солнышко еле пробивалось сквозь густые кроны деревьев (направление было на восток). Смешанный лес был в чудесную пору золотой осени и его наполняли пьянящие запахи грибной поры. Двигаясь по компасу, я через 2 км стал явственно ощущать запах горящего дизельного топлива - газойля, а затем и запах костра. Вскоре стало видно и сам довольно сильный костер. Около него стояло 6 человек, обернувшихся в мою сторону.

Я задал единственный уместный в данной ситуации вопрос: «Вы хотя бы пристрелили ее перед этим...?». Один из стоявших перед костром танкистов молча кивнул головой. Дальнейшие разговоры вести было бессмысленно. Да и о чем можно было говорить, зная что эти люди через несколько часов пойдут в бой и половина из них погибнет. По опыту захоронения моих сгоревших в танках товарищей я знал как трудно сжечь человеческое тело, поэтому уходя приказал: «Тело похоронить и замаскировать место захоронения!».

Утром наш полк совершил прорыв для дальнейшего наступления частей 2-го Белорусского фронта. В тот же

день, взяв с собой ординарца Ш. Баяленова с автоматом, и переодевшись на всякий случай в танковый комбинезон, я направился выполнять обычные в этом случае обязанности заместителя начштаба по разведке. Погода была очень теплая.

Мы двигались по следам прошедших танков в направлении еще продолжающегося боя, откуда слышались редкие пулеметные очереди. Неожиданно я увидел сидевшего под деревом немецкого офицера. Его ноги были укрыты плащ-палаткой, а его руки лежали на ней. Вынув на всякий случай пистолет (офицер сидел в метрах десяти от нас), я послал ординарца посмотреть, что у него под плащ-палаткой. Вернувшись, Шопен доложил: «Один ногам совсем нет!». Решив, что раненый немец безвреден и что его подберут идущие за нами санитары, мы двинулись дальше к месту сражения. В этот момент прозвучали два выстрела из «Вальтера», издающего звук, который с другим пистолетным выстрелом спутать невозможно.

Первый выстрел повалил на землю идущего за нами пехотного подполковника, вторым выстрелом немец застрелился сам. Видимо, он ждал первого советского офицера, чтобы застрелить его, а потом застрелиться самому. Остается понять, почему он не стрелял в меня. Скорее всего потому, что на гимнастерке того офицера были погоны, а на моем комбинезоне их не было. Но здесь важно другое. Я смотрю на это событие, как на проявление настоящего героизма. Будучи безнадежно раненым, он выполнил до конца свой долг. Завидовать надо такому мужеству!

Глава 5

Близкая победа

В основе военной стратегии И.В. Сталина лежала танковая война - достижение военной победы в результате танковых сражений. Как это уже всем известно, на первом этапе войны эта стратегия потерпела полное поражение, несмотря на то, что для ее осуществления были созданы 14 танковых дивизий, входящих в состав десятка мотомеханизированных корпусов, оснащенных в основном легкими танками, предназначенными для боевого применения на хороших дорогах захваченного анклава. Для действий в обороне эти танки были непригодны. Результат известен! К началу 1945 года на Сандомирском плацдарме было сосредоточено 14 или 16 танковых армий вместе с поддерживающими танковые бои и обеспечивающими их проведение частями. Победа в Великой Отечественной войне была реализацией военной стратегии И.В. Сталина.

И.В. Сталин хорошо разбирался в темных инстинктах человеческой души. Он понимал, что именно сейчас в той части Польши, которая была под протекторатом Германии, пришла пора разрешить солдатам и офицерам посылать ежемесячно домой посылки весом до 8 кг. Таким образом, он фактически разрешил мародерство. А как иначе солдат может соорудить такую посылку в боевых условиях. Я не имею в виду командный состав высокого уровня, имеющий более широкие возможности, различа-

ющиеся только уровнем служебного положения. Безусловно, И.В. Сталин собирался поднять этим боевой дух наших войск, и он действительно его поднял. Не один раз наш штаб встречался с солдатами, уже тащившими оттуда барахло или, чаще всего, чайники со спиртом.

Мне запомнился один эпизод. Как-то после ночевки в брошенном жителями польском местечке, находившимся под протекторатом Германии, командир полка лично облазил все танки, в которых уже не поворачивались башни от трофейного барахла. Командир полка выкинул на обочину все одеяла, подушки, ковры и прочие вещи. Особенно четко мне вспоминается небольшое настольное трюмо, которое тоже было выкинуто в канаву. Больше в нашем полку таких эпизодов я не наблюдал!

Мы гвардейцы

В конце марта 1944 года 42-й танковый Бобруйский полк, именовавшийся так после приказа И.В. Сталина за взятие Бобруйска, получил звание гвардейского. Полк был торжественно переименован в «Отдельный 87-й тяжелый танковый полк прорыва» и откомандирован на 1-й Украинский фронт в личное распоряжение командующего фронтом И.С. Конева. Передвигаясь рокадными дорогами, наш гвардейский танковый полк должен был влиться в группу из трех танковых армий, входящих в состав 1-го Украинского фронта, готовящего прорыв на Сандомирском плацдарме. Но прежде полк должен был получить новые танки ИС-2 вместе со свежими, еще не побывавшими в боях экипажами.

Это были тяжелые танки с мощной броней. Носовая броня у танков с цельносварными корпусами была толщиной

120 мм, а на модификациях ИС-2 с литыми носами достигала 200 мм. Танк был вооружен пушкой калибра 122 мм. К сожалению, это было орудие с раздельным заряданием. Пока наша пушка делала один выстрел, «тигр» со своей пушкой БС-3 калибра 100 мм при унитарном снаряде делал 4-5 выстрелов. Правда снаряд нашего танка весом 29 кг сносил башню с немецкого танка Т-4. Но как с этими 29 кг управляться? Быстро не получалось!

Ирма Ивановна

В это время в нашем полку появился новый военврач. Это была женщина - Ирма Ивановна Бляумберг. Это была женщина невероятной красоты и, как впоследствии выяснилось, неженского ума. Так обычно бывает у всех метисов, захватывающих мыслительные способности сразу от двух рас. Ее внешность, видимо, определилась генами отца (Ивана). Она была практически славянской. С ее появлением весь офицерский состав полка встал «на уши», стремясь с ней встретиться или в той или иной форме познакомиться. В тяжелом танковом полку, где в каждом танке сидело по два офицера: командир танка - лейтенант и механик-водитель - техник-лейтенант, таких воздыхателей набиралось более полусотни. Но командир полка сказал твердо: «Это мое!», - и все поползновения сразу прекратились.

Конечно, я заметил выдающиеся данные нового врача. Но в это время у меня была постоянная подруга из ВЦ (военной цензуры). С ней я познакомился еще во время пребывания в 184-м танковом полку. Эта группа девушек ВЦ всегда сопровождала 30-ю армию, и часто ее расположение оказывались рядом с нашим полком. ВВЦ работало до сотни девушек-офицеров. Все они были младшими лей

тенантами и лейтенантами и слепли от своей работы. Какое могло быть освещение в деревенских избах через крошечные окна? Многие девушки стремились как можно скорее демобилизоваться. Единственный доступный им способ заключался в том, чтобы забеременеть от кого угодно. На что и шли многие отупевшие от однообразной работы молодые и весьма привлекательные девушки.

Командир нашего полка С. Тидеман имел «постоянную знакомую» в этой ВЦ, которую посещал изредка, когда позволяла обстановка. Поскольку я был «не трепач» и достаточно хорошо водил машину, то на эти «рекогносцировки» он брал меня в качестве шофера. В машине он сидел, завернувшись в плащ-палатку и все регулировщицы оказывали нам особое уважение, поскольку водителем был офицер с капитанскими погонами.

У меня с моей подругой были особые, без серьезной влюбленности, скорее приятельские, отношения. Она раньше была студенткой филфака МГУ, и я показывал ей свои первые стихи. Наши встречи определялись только тем, как складывалась военная обстановка и как близко мы оказывались от передовой. По этой причине я не обращал особого внимания на нового врача. Но вскоре судьба столкнула нас лицом к лицу.

Во время очередной рекогносцировки предполагаемой исходной позиции для нашего танкового полка наша группа была обстреляна минометным огнем. Во время этого обстрела я получил легкие ранения осколками от разрыва мины в спину и в трицепс правой руки. Наш новый врач - Ирма Ивановна отвезла меня в госпиталь где после противостолбнячного укола из меня вынули осколки и собрались оставить на стационарное лечение. Длительное пребывание в госпитале меня никак не устраивало. Я хорошо представлял значение предполагаемого прорыва, который должен был осуществить наш 87-й гвардейский полк, для

3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко. В результате этого прорыва предполагался выход наших войск на территорию фашистской Германии!

Для меня было смерти подобно остаться на это время в госпитале. Это означало потерять очень многое! Я упрямил Ирму Ивановну взять меня в полк и долечивать там. На мое счастье, начальник госпиталя оказался однокашником Ирмы, и под ее расписку меня отпустили.

Мы уехали обратно в полк. А на третий день у меня поднялась температура, и Ирма, не слушая моих просьб, отвезла меня обратно в госпиталь. Возвращаясь в полк, она взяла с меня обещание, что я не буду ухаживать за хирургической сестрой - любовницей главного хирурга госпиталя.

Температуру мне быстро сбили, но воспаление оставалось. Поскольку это была правая рука, то начальник госпиталя сказал, что не отпустит меня пока воспаление не пройдет. Вопрос о досрочной выписке отпадал.

Как я и просил Ирму, через 12 дней она приехала за мной и рассказала о назревающих событиях, в которых при выполнении самостоятельных операций полком я буду нужен. И действительно, перед полком была поставлена задача разгромить мелкую группировку немецкого бронетанкового соединения. Приехав в полк, я узнал в штабе, что нашему полку следовало выйти в район местечка Двур, где засела эта группировка танков и самоходок и разгромить ее там.

Операция Двур

Я сел в машину, везущую кухню на позицию наших танков. Именно в это время был убит командир той роты, которая должна была разгромить группировку немцев

в районе Двора. Радиосвязь с полком не работала. Я был старшим по званию. Согласовывать мои действия было не с кем и некогда, и я принял решение самому вести танковую роту в бой.

В штабе я успел посмотреть карту с нанесенной обстановкой и знал направление ожидаемых боевых действий, следуя по которому можно было встретиться с танковой группировкой немцев. Первоначально меня смутило то обстоятельство, что направление, по которому рота должна была встретиться с немцами, судя по нашей карте, была открытой местностью, а здесь оно оказалось заросшим 10- 12-летним лесом. Я решил, что наша карта устарела, мы весьма часто с этим сталкивались.

Я, познакомив командиров танков с особенностями нашего броска, сел в танк убитого командира роты и подал команду: «Делай как я!», приказал механику-водителю ехать прямо на лесок, ломая деревца носом танка, подминая их гусеницами и днищем танка. Два неполных танковых взвода, идя слева и справа, повторяли маневры моего танка. Пройдя таким образом километра полтора-два, рота вышла на открытое пространство, прямо в тыл немецкой группировке. Поскольку наши танки шли с тыльной стороны к немцам и не вели огонь, они приняли нас за своих и даже не успели развернуть свои танки. В основном это были Т-4. Кроме того, среди них, как я успел заметить, был «тигр» и несколько самоходок. Те танки, которые немцы успели завести, убрались не приняв боя, а те машины, которые не завели, они просто бросили и бежали. Через некоторое время со стороны наших войск появились первые пешие пехотинцы, которые сразу нашли продовольственный склад и поставили к нему свою охрану.

На мое пожелание поделиться продуктами, ведь мы первыми ворвались в Двор, их командир, тоже капитан, ответил матерным отказом. Я не мог ограничиться анало-

гичным ответом, пришлось и мне показать характер. Спор ведь шел продуктовых трофеях. Я не стал стреляться с выставленной охраной склада, а просто приказал командиру ближайшего к складу танка повернуть пушку на корму и наехать носом танка на ворота склада. Конечно, танк легко проломил ворота, въехав внутрь склада и остановился там пока мои танкисты разбирали консервы, сгущенку и все, что было из съестного. Поскольку я люблю сыр, то разыскал огромный круг швейцарского сыра, килограммов на 50, который оказался очень твердым. Моей финкой его разрезать было невозможно. Но я нашел среди противопожарного оборудования, висевшего на стенде, двуручную пилу. При помощи этой пилы круг сыра был разрезан на удобные для транспортировки куски, которыми я поделился с экипажем, участвовавшими в этой операции.

За инициативу, проявленную мной во время этой операции, приказом командарма я был награжден орденом Красного Знамени №539411, который я получил не сразу, а через 57 лет после награждения, будучи уже профессором МГТУ им. Н.Э. Баумана. В передовице нашей университетской газеты «Бауманец» от 18 февраля 2002 года приводится выдержка из приказа командарма: *«О награждении комсорга 42-го отдельного Краснознаменного Бобруйского линейного танкового полка капитана Анатолия Чеканова орденом Боевого Красного Знамени»* (приказ датирован февралем 1945 года). Здесь проявляется очевидное разночтение в названиях нашего полка. В этом приказе он еще называется 42-м Бобруйским танковым полком, в то время как он уже с начала апреля 1945 года стал 87-м гвардейским полком прорыва. Расхождение, видимо, возникло потому, что эти документы были составлены в штабах разных армий.

Что касается содержания повествовательной части февральского приказа, цитируемого в передовице: «...

принял командование на себя и отразил 2 контратаки противника, уничтожив при этом 3 танка, 1 самоходное орудие и 100 солдат и офицеров противника», то все приведенное, вероятно, является плодом фантазии кого-либо из работников штаба, заполнявшего наградной лист. Выше я описал, как в действительности происходило это сражение. Больше мне добавить нечего.

На Сандомирском плацдарме

Выйдя из госпиталя, я еще больше оказался втянут в работу штаба полка, и по этой причине получил в свое полное распоряжение полугрузовую машину марки «Додж». Машину я оборудовал по своему вкусу и весьма широко ею пользовался. При мне все это время находился мой ординарец, Шопен Баяленов, который тащил в нее то, что он считал своими трофеями.

Однажды ночью ко мне в «Додж» пришла Ирма. Это было для меня большой неожиданностью, хотя после истории с госпиталем мы сблизились.

Но это было сближение в чисто интеллектуальном смысле. Даже ни разу не поцеловались. Она после нашего возвращения из госпиталя сказала прямо и откровенно, что не собирается бегать от командира полка ко мне и обратно, хотя из всех офицеров полка я, оказывается, больше всех других удовлетворяю ее вкусам.

Сначала я подумал, что Ирма собирается выразить свою реакцию на приезд жены командира полка. Но оказалось, что дело не в этом. Ирма была выше пересудов и скорее всего была довольна окончанием романа с командиром полка. По ее сведениям, в одном из католических мужских монастырей, расположенных поблизости, нашли приют несколько, якобы больных немом, вместе с обслуживающими их сестрами и врачом в

гражданской (?) одежде. Ирма сказала, что только хочет осмотреть их, не симулируют ли они. Поэтому она просит меня взять Баяленова с автоматом и отвезти ее к этому монастырю. Оказалось, что она уже знала дорогу, и мы без задержек нашли этот монастырь.

Подъехав к мощной калитке, мы начали в нее стучать бронзовым молотком, висевшим на цепочке. Через некоторое время чей-то голос сначала по-польски, а потом по-немецки осведомился кто мы и что нам нужно. На эти вопросы Ирма ответила на немецком, видимо, хорошем языке о цели нашего посещения. Калитка немедленно открылась. За ней стояли трое монахов, опешивших при виде троих военных, один из которых помахивал автоматом.

Продолжая говорить по-немецки о целях нашего прихода, Ирма сняла меховую шапку, ее действительно красивые волосы, весьма картинно рассыпались на плечах вызвав возгласы удивления: «Frau doctor!». После этого нас темными переходами провели в палату, где были четверо лежащих на койках женщин. В изголовьях кроватей с немецкой аккуратностью были укреплены описания состояния каждой из больных и температурный график. Ирма внимательно прочла одну из историй болезни, потом вынула дамский браунинг и застрелила ее. Все присутствующие в этой палате застыли в шоковом состоянии. Я кинулся к Ирме, схватил ее за руку, пытаясь отнять браунинг, который она опять положила в нагрудный карман гимнастерки.

В ответ на мои уговоры она сказала совершенно спокойно: «Не мешай!», - и перешла к следующей койке, повторив все то же самое. Я видел много смертей, происходивших в моем присутствии, но в этом случае был расстрел, который я был бессилием прекратить. Поэтому я вышел в соседнюю комнату, приказав Шопену выйти со мной. Там оставалось два монаха и один мужчина в штатском, вероятно, тот врач, который сопровождал

больных немок. Один из монахов громко повторял слова молитвы. Я не разобрал на латыни или на польском он их произносил. Дождавшись двух последних выстрелов я вошел в палату, опасаясь истерического припадка у Ирмы. Нет, она была абсолютно спокойна.

В машине она положила голову на мое плечо и не снимала ее, пока мы не приехали в расположение полка. Проводив Ирму до ее санитарной машины, я задал только один вопрос: «Откуда такой немецкий?». На это я получил очень краткий ответ: «Завтра!!», - хотя давно уже наступило сегодня. Через два часа она пришла в мой «Додж» и рассказала свою историю.

Старший лейтенант медицинской службы. В 1940 году она приехала из украинского городка под Бердичевым в Москву и поступила в Иняз на немецкое отделение. После начала войны она поступила на ускоренное отделение медицинского института, окончив который получила диплом врача-терапевта и соответствующее воинское звание - старший лейтенант медицинской службы. Она сразу попросилась на передовую. Так она попала в наш полк. Ее мать, еврейку, вместе с двумя ее сводными сестрами, которые были как и она от отца Ивана, вывезли в Освенцим... Вот и вся ее история, которую я запомнил.

Подготовка к прорыву на Опельн

Наступило 12 апреля 1945 года - начало массированного наступления 1-го Украинского фронта на Сандомирско-Силезском направлении [11].

Наш 87-й отдельный танковый полк должен был, прорвав немецкую оборону под Сандомиром, обеспечить ввод в прорыв 2-й Гвардейской танковой армии генерала П. Рыбалко. Командир нашего полка вместе со своим штабом находился на командном пункте генерала Рыбалко,

наблюдая за продвижением нашего полка прорыва по полю боя. Несмотря на ожесточенный огонь противотанковой обороны немцев, наши тяжелые танки уверенно ее подавляли. Через 25-30 минут после начала прорыва было замечено, что один из танков остановился. В бинокль было хорошо видно, что танк сильно осел на левую гусеницу, но продолжал вести огонь из пушки.

Потом в башне танка открылся левый, командирский, люк и из него показался танкист, очевидно командир танка, который начал вылезать из башни. Именно в этот момент усилился минометный обстрел застрявшего танка, после которого командир вывалился из башни и упал рядом с танком. Ирма немедленно приказала своему старшему не-санитару добраться до танка и оказать помощь раненому и, если возможно, то вытащить его с поля боя. Все бинокли на командном пункте были направлены на санитаря, который где ползком, а где короткими перебежками, приближался к застрявшему танку.

Сняв с танкиста шлем, он сделал перевязку головы и, уложив тело поближе к танку, побежал обратно. Вернувшись, он доложил Ирме, что осколок попал танкисту в височную часть головы и застрял в костях черепа, и что танкист уже мертв. В разговор вмешался какой-то генерал, по-моему из политработников, который стал требовать, чтобы Ирма приказала старшине вернуться к танку и вытащить танкиста. На это Ирма ответила, что танкист уже мертв, и эта попытка приведет только к новым жертвам. И действительно, начавшаяся поддержка танковой атаки вступившими в бой пехотинцами вызвала усиление огня со стороны немцев.

В ответ генерал соврал, сказав что он видел в бинокль, будто бы танкист ворочается. Я часто слышал своими ушами вранье генералов, но в данном случае дело осложнялось тем, что генерал вытащил пистолет и стал размахивать им перед лицом Ирмы, требуя выполнения своего

приказа. Разразился скандал и мне пришлось увести Ирму.

Нашлись здравомыслящие и с другой стороны, и истеричного генерала тоже увели.

Подводя итоги прорыва 87-го гвардейского полка, я вспоминаю, что войдя в прорыв, 2-я Гвардейская танковая армия освободила к 15 апреля города Кельце и Енджихов, открыв тем самым направление дальнейшего продвижения нашему танковому полку. В соответствии с планами наступления, наш полк должен был после форсирования Одера к 24 апреля войти в город Опельн или в Ополе, как его называют поляки. После Ополя нашему полку открывался путь на город Бреслау. Полк продвигался широким фронтом по территории, бывшей долгое время под протекторатом Германии. Следовательно, она являлась подходящим объектом для «организации посылки», короче говоря, для мародерства. Этим занятиям были подвержены все действующие совместно с нашим полком части.

Мне была поставлена задача - разведать дорожную сеть правого фланга полосы продвижения нашего полка. Для связи со штабом полка в мой «Додж» посадили радиста со схемой связи и старшего сержанта из саперов на случай, если понадобится разминировать пути нашего продвижения. На самом деле они оба занимались сбором трофеев. К ним, конечно, примкнул и мой Шопен. Но оказалось, что посаженный мне сапер попутно увлекался минированием и подрывом нестораемых шкафов в помещениях гестапо. Там он надеялся найти ценности. Узнав об этом, я присоединился к саперу с целью познакомиться с технологией этой операции. Для взрыва он использовал только две двухсотграммовые шашки тротила. Он открывал таким способом любой гестаповский шкаф. Но кроме фашистских знамен мы в них ничего путного не находили. Больше я в поисках драгоценностей не участвовал.

Как и было намечено, я привез свою группу в Опельн ранним утром 23 апреля. Изучая полевую карту, я предположил, что самым сложным местом для дальнейшего продвижения нашего полка в Опельне будет мост через реку Одер. Пока преданные мне радист и сапер, а вместе с ними и мой Шопен, «резвились» в брошенных квартирах, я вышел к мосту и увидел, что все прибывающие к нему части рвутся через этот мост. Он был единственным и довольно узким мостом на запад. Подходившие к этому мосту части мешали друг другу и создавали непроходимые пробки.

До подхода наших танков, я был бессилен что-либо предпринять. Но у меня возник весьма эффективный план, который я и реализовал как только подошли передовые танки. Два первых я поставил поперек продвигавшейся на мост какой-то механизированной пехотной части, открыв путь только танкам нашего полка. Начальник штаба полка, только что прибывший в Опельн, одобрил мою инициативу и, оставив меня пропускать наши последующие танки, умчался через мост, догоняя уже прошедшие.

Мое четвертое тяжелое ранение

Именно в это время на мост налетели два немецких штурмовика, обстрелявшие его из самолетных пушек. Осколками от разрывов снарядов самолетных пушек 23 апреля 1945 года я был тяжело ранен в верхнюю часть бедра правой ноги и в голень левой. За участие в предшествующих операциях и, возможно, за эту меня наградили орденом Красного Знамени № 294420.

На месте, где произошло ранение, мне только наложили жгуты. Я хотел сам доехать к нашей санитарной машине на «Додже», но оказалось, что я уже не могу вести

маши- ну - не гнулась правая нога. На какой-то машине нашего полка меня доставили в дом, где Ирма принимала раненых. Как я и ожидал, она вела себя хладнокровно. Но увидев мои раны после того как старшина разрезал галифе, уронила шприц с обезболивающим и закричала: «Водки ему! У него начинается болевой шок!». После этого она обняла меня и не отходила пока не подошла санитарная машина, чтобы отвезти меня в госпиталь в городе Люблинец. Я не помню, о чем мы говорили в час ожидания санитарной машины. Было все - объятия, поцелуи, клятвы... Я был счастлив, не замечая своего ранения. Видимо был очень сильно пьян.

Пребывание в госпиталях

В госпитале меня сразу же положили на операционный стол. При этом пытались взять кровь из вены для установления моей группы крови. Когда ко мне подошла сестра со шприцем, я запротестовал. Ведь я плавал в своей крови, зачем меня еще больше обескровливать? Противоречия с хирургическими сестрами продолжались и дальше. Я утверждал, что ходил на своих ногах, но они не поверили и одели меня в гипс по грудь для полной иммобилизации. При перевязке, которую они стали делать под морфием, чтобы снять боль при вынимании осколков, я предупредил, что у меня идиосинкразия к морфию. Они не слушали моих слов и сделали мне укол морфия. О своей невосприимчивости к морфию я знал еще из попыток такого лечения в предыдущих госпиталях. На следующий день у меня началась газовая гангрена. С меня сняли гипс, сделали глубокие лампасные разрезы и вставили в них турунды - резиновые трубочки с отверстиями для стекания гноя. Основная боль возникает при замене этих трубочек. Приходилось терпеть и не допускать морфия, который охотно

вкладывали сестры для успокоения раненых во время перевязок. Именно таким образом в госпиталях воспитывались наркоманы.

Вскоре я стал впадать в бессознательное состояние, а когда приходил в себя от резкого запаха мази Вишневского, то видел около моей ноги врача, накачивающего из шприца в мою ногу какую-то жидкость. Когда после четырех суток беспамятного состояния я окончательно пришел в себя, этот врач рассказал мне, что он из бригады Вишневского и меня отдал на его попечение как безнадежного. Оказывается, мне не успели сделать ампутацию. Значит я остался с ногой благодаря ошибке врачей госпиталя и врачу из бригады Вишневского.

После этого я сразу пошел на поправку и во время очередной перевязки заявил врачу, что гипс на меня одели по ошибке и перелома бедренной кости у меня нет. В ответ на мое заявление хирург резко ударил меня в пятку. Видя, что я не реагирую на это, он приказал сестрам снять гипс и вымыть меня в ванне, не опуская в нее правую ногу. Левая нога за месяц с небольшим уже выздоровела. Ванна была блаженством! Однако, встав на ноги я понял, что без костылей мне не обойтись. Поэтому на скорое выздоровление, и тем более возвращение в полк, надеяться не стоило. Как выздоравливающего меня стали готовить к следующему этапу - пребыванию в эвакогоспитале перед отправкой в глубокий тыл. Меня направили в эвакогоспиталь 32-96, находившийся в монастыре города Ченстохова. В этом монастыре я не был обременен лечебными процедурами. Перевязки мне делали через день, а приносящие боль ту- рунды уже вынули.

Мои стихи

Я мог совершенно спокойно заняться своими стихами. В первую очередь я занялся теми, которые сгорели в танке и которые показывал в редакциях фронтовых газет. Там они были отвергнуты из-за моего отказа внести требуемые редакцией изменения.

ПЕРЕД АТАКОЙ

Роняет тополь красные сережки,
Тугие почки брызнули листвою.
Погреться бы на солнышке немножко...
Да только полк вступает в местный бой.

Застыли танки вдоль аллеи парка.
Тепло, но дрожь проходит по спине.
За танковой броней нам скоро будет жарко.
Ведь на войне - всегда как на войне.

Уже была команда «По машинам!».
Нам некогда внимать весенней красоте.
Сейчас саперы обезвредят мины,
И грянет бой на N-ской высоте.

Ну а пока еще открыты люки Мы жадно
дышим запахом полей,
Сырой земли, освобожденной в муках...
Ждать нам невмочь - в атаку бы скорей!
Взметнется ввысь зеленая ракета.
Машины в бой пойдут «углом вперед».
Пройдет и страх. Не раз бывало это.
Ну а потом... Кому как повезет!

От меня требовалось только заменить последнюю строчку, написав «За Сталина! Вперед». Редактор газеты, старый полковник, мотивировал это требование аргументом: «Вы ведь выкрикиваете призывы во время танковой атаки?». Он очень удивился, узнав, что танкисты в это

время не выкрикивают лозунги или призывы. На этом мы и расстались.

Передвигаясь на костылях по монастырю, я неожиданно услышал звуки фортепьяно. Играли сонату Шопена, а именно траурный марш из его сонаты. Не в силах бороться со своим любопытством, я постучал в дверь откуда доносилась музыка. По-польски меня пригласили войти. Войдя, я оказался в помещении, состоящем из двух довольно больших комнат. В одной из них стоял рояль. Путая польские слова с русскими, я попросил монаха играть дальше.

Я приходил к нему ежедневно после обеда - до обеда были перевязка и массаж левой ноги. Я молча слушал, так хотелось музыки в эти дни, после непрерывных военных действий. Наступило время нашей эвакуации. Меня причислили к лежащим, поскольку я был практически беспомощным без костылей. Нас выносили бывшие французские военнопленные, которых освободили из польского лагеря наши войска.

Они очень бережно, лучше сказать нежно, несли носилки с ранеными и устанавливали их перед рельсами. Так, лежа на носилках, мы ожидали вагоны эвакопоезда. После нескольких часов ожидания пришла команда заносить нас обратно в монастырь. Едва нас накормили, как пришла команда выносить снова. Жалко было смотреть на французов. Если при первом выносе, они несли носилки вдвоем, то заносили обратно в монастырь уже втроем. Один спереди, двое сзади, где была голова. Выносили снова уже вчетвером. Но все они старались не показывать вида, что устали, и были бесконечно любезны и внимательны. Французов я насчитал около 22-25 человек, а погрузить надо было примерно 180-200 лежащих раненых. Остальные, ходячие, погрузились сами.

Наконец нам подали состав с пассажирскими вагонами, и мы узнали причину нашей задержки.

Оказывается накануне ночью бендеровцы остановили состав с ранеными и всех перестреляли или перерезали, а после этого днем затерялись среди мирного населения в близлежащих селениях. Нам рассказывали, что член Военного совета 1 -го Украинского фронта Н.С. Хрущев приказал подогнать дивизион «катюш» к месту гибели наших раненых, который и сжег, дав залп, три близлежащие селения.

Мне очень хочется в это верить. После этих событий наш эшелон ехал под военной охраной прямо в Тамбов, в госпиталь ЭГ 53-56.

Святой Лука

По прибытии в этот госпиталь нас, только что приехавших, положили в коридоре. Пока в палатах не было мест. Проснувшись ранним утром, я увидел уверенно идущего по коридору священнослужителя в полном архиерейском облачении с наперсным крестом на груди. Первой пришедшей в голову мыслью было - пришел кого-то отпевать. Через некоторое время, наведя справки, я узнал, что это был действительно архиепископ Войно-Янсеневский, постриженный в монашество под именем Лука. Он имел профессорское звание, множество научных трудов, посвященных гнойной хирургии. Главный его труд, переживший многократные переиздания, признанные во всем мире «Очерки гнойной хирургии».

В декабре 1944 года он был назначен ведущим хирургом в Тамбовском кусте госпиталей (15 госпиталей). Перед этим назначением он побывал в ссылках и тюрьмах, где даже подвергался пыткам. Он провел там более 20 лет, откуда его вытащил И.В. Сталин, который наградил премией Первой степени своего имени. Без личного участия вождя это событие не могло бы произойти.

Впрочем, Валентин Феликсович немедленно передал эту премию в фонд сирот, чьи отцы погибли на фронте.

В тот же день меня привезли к нему на осмотр и назначение лечения. Он уже был в белом халате. До этого момента я еще ничего не слышал о его методах лечения. Оказывается, чтобы ускорить выздоровление при гнойных осложнениях по его методу, признанному даже в мировой практике, в рану запускали червей, которые пожирали гной. Но пока я еще не знал об этом, поэтому пришел в ужас, вспомнив как страшно у меня чесалось тело, когда я почти месяц пролежал в гипсовом корсете. Поэтому в ответ на его предложение сказал, что боюсь щекотки, после чего я для него стал совершенно безразличен как больной. Однако, давая указания сестре о моем последующем лечении, он на прощание осенил меня крестным знамением!

А я заинтересовался подробностями его биографии. Несомненно, это был выдающийся ученый. При этом он обладал неуступчивым характером, приводящим к постоянным конфликтам, в частности с Русской Православной Церковью. Из-за этого конфликта он был вынужден уехать из Тамбова в Симферополь, где был канонизирован украинской православной церковью под именем Святого Луки.



Тамбовский госпиталь, в котором я лечился, теперь носит имя Святого Луки. Русская Православная Церковь долго тянула с его канонизацией и, в конце концов сделала это, понизив ему степень святости и назвав только лишь «местно чтимым», т. е. только в Тамбовской епархии.

Уже будучи студентом МВТУ им. Н.Э. Баумана, я познакомился с весьма обширной библиографией (более 75 источников), в которых всесторонне освещается жизнь, ссылки, тюремное пребывание и его деятельность как хирурга. Но ни в одной из этих публикаций не подчеркивается главная заслуга Святого Луки, что собственно я, марксист по убеждениям, могу не кривя душой сказать - это Святой! Он спас, иначе я этот его подвиг не могу назвать, несколько тысяч тяжело раненых от ампутации. Понять это может только тот, кто пережил подобный страх. Мне пришлось пережить такое. У меня была газовая гангрена и я был назначен на ампутацию. Совершенно случайно обо мне забыли, а когда вспомнили, то резать уже было бесполезно. И меня как безнадежного отдали бригаде Вишневого, которая и спасла мне ногу.

Встретив праздник Победы в Тамбове, я добился перевода в калужский госпиталь, где долечивался и готовился к учебе в МВТУ им. Н.Э. Баумана, где меня восстановили на первом курсе. О чем я и написал Ирме.

Вместе с моими вещами из нашего полка мне вернулось и мое нераспечатанное письмо. Ирмы уже не было в живых. Как мне рассказал впоследствии мой друг Юра Федоров, бывший радист в 87-м танковом полку, она по пути в Бреслау приказала шоферу санитарки объехать пробку на дороге. Водитель санитарки поехал по полю, и правым передним колесом машина сорвала растяжку. От взрыва мины, управляемой растяжкой, сдетонировал фугас под сиденьем Ирмы... Где ее могила - мне неизвестно. Мир ее праху!

Возвращение в МВТУ им. Н.Э. Баумана

Я стремился в мой родной город Калугу не потому, что там начала собираться моя семья. Вернулся из Уфы мой отец, где он был начальником госпиталя для тяжелых ампутантов, которым надо было лечить души. Вернулся мой брат. Стали возвращаться немногие, оставшиеся в живых мои школьные друзья. Но не только это тянуло меня в Калугу.

Ведь я собирался возобновить учебу в Высшем техническом училище, куда мне не надо было снова сдавать вступительные экзамены. Эти экзамены я сдал, поступая в МММИ. Меня пугало другое. Когда я раскрыл учебник, по которому я готовился шесть лет назад, то мне стало ясно, что я очень многое безнадежно забыл и мне будет очень трудно рядом с вновь поступившими. И я засел за учебники и, может быть, поэтому закончил МВТУ с красным дипломом.

Глава 6

ОПЕРАЦИЯ «ГРОЗА»

В этой главе я должен описать операцию «Гроза», которую задумал и лично проводил маршал Г. К. Жуков, задавшись целью подтвердить боеспособность стратегии Сталина - Жукова о ведении войны на территории противника. Война, по этой стратегии, должна начинаться с превентивного захвата пограничного района территории врага. Эта стратегия, как известно, провалилась в первые дни начала войны. Г.К. Жуков, который исполнял обязанности Министра обороны, задумал боевую игру, носившую кодовое название «Операция Гроза», переименованную позже в операцию «Снежок». Задачей ее было подтверждение эффективности стратегии Сталина - Жукова в условиях атомной войны. В данной главе изложены и обобщены сведения, полученные от участника «Операции Гроза», моего друга детства И.А. Табачникова. Во время этой операции он получил облучение и умер, не дожив до 60 лет.

Случайная встреча в Калуге

Мы оба, А.Н. Чеканов и И.А. Табачников, были учащимися калужской средней школы № 5, которую закончили в 1939 году. В этой школе я вступил в комсомол, а Илья к этому времени уже был членом ВКП(б). Естественно, после

окончания школы наши пути резко разошлись. После

поступления в МММИ им. Н.Э. Баумана, я был призван в Красную армию, а Илья начал службу во внешней разведке.

В январе 1943 года в разбомбленной и разграбленной самими жителями Калуге мы случайно встретились. После окончания Военно-политического училища (ВПУ СЗФ), мне как участнику военных действий было сразу присвоено воинское звание старший лейтенант, остальных выпустили лейтенантами и даже младшими лейтенантами. Я получил отпуск, который решил провести в Калуге, надеясь найти что-нибудь в родном доме. Илья заехал в Калугу по пути из Тегерана в Москву, где он должен был получить новое назначение. Случайно встретившись, мы провели вместе одну ночь в квартире одного из наших общих друзей, воевавшего в это время на Южном фронте.

О своей службе в армии и участии в начале войны рассказал только я. Илья отмалчивался, не обращая внимания на мои вопросы. Мы вспоминали своих друзей, эпизоды из нашей жизни и слушали любимые пластинки. Радио в то время не было. Все радиоприемники были отобраны. А утром мы разъехались в разные стороны, даже не обменявшись адресами, которых у каждого из нас вообще не было.

Я должен был получить назначение в какую-либо действующую фронтовую часть, где к этому моменту был бы убит или ранен политработник, которому я бы соответствовал по рангу и званию. Конечно, и Илья был в неведении о месте своей будущей деятельности. Я предложил ему сходить сфотографироваться на память, но Илья отказался, поскольку его служба ограничивает участие в таких мероприятиях. И тут я вспомнил, что даже на выпускной фотографии нашего класса его изображения не было.

В это время я познакомился с творчеством К. Симонова и начал сам писать стихи. Естественно, они были подражаниями ритму стихов Симонова. Одним из первых моих подражаний было то, которое я написал о нашей случайной встрече в Калуге.

МУЗЫКА РЕТРО

Мой школьный товарищ, мы редко встречались.
То жизнь нас бросала, то был недосуг –
Тревоги и бури. А время все мчалось...
Случайная встреча нам выпала вдруг.

Желанная встреча. Обнимемся молча.
Не будем считать сколько лет и морщин.
Лишь взглянем в глаза и все ясно нам тотчас,
Как это давно повелось меж мужчин.

Не будем о том, что приходит усталость,
Дорогою нашей идут сыновья.
Так пусть им удастся, что нам не удалось
И минет их то, что прошли ты и я.

Нам есть о чем вспомнить, и есть чем гордиться,
Но каждый об этом сейчас промолчит.
Пусть память вернет нам ушедшие лица,
Пусть музыка ретро тихонько звучит.

1943 г. Ченстохов

Наша встреча в Москве

После окончания аспирантуры на кафедре «Сопротивление материалов» и защиты диссертации в 1955 году, меня распределили в «Институт Горного дела АН СССР».

Поскольку горное дело не соответствовало полученной мной в МВТУ специальности, то в 1958 году я добился перевода в «Научный институт авиационной технологии» (НИАТ), во время работы в котором мне приходилось часто встречаться, а иногда даже совместно работать с выдающимися конструкторами самолетов и вертолетов. Общение с ними не только расширило мое образование, но и повлияло на меня.

Мне захотелось преподавать то, чем я теперь владел. В 1962 году я вернулся в МВТУ на должность доцента.

Все это время я искал Илью, посылая запросы, на которые не получал ни устных, ни письменных ответов. Неожиданно, осенью 1963 года Илья, как и положено разведчику, сам нашел меня. Оказывается, что его в 1962 году направили в Академию медицинских наук, которая находилась на Солянке, и избрали в партийный комитет академии, а далее секретарем этого партийного комитета, обладавшего правами райкома партии.

Территориально улицы Бауманская, где находится МВТУ, и Солянка располагались достаточно близко, а у меня в то время был автомобиль Москвич-412. Благодаря этому между нами сразу наладилось близкое совместное общение. В Академии был хороший повар, и мы часто вместе обедали в столовой Академии. Но не только гастрономические интересы лежали в основе нашего общения.

Благодаря своему служебному положению как в Академии, так и в партийной жизни Илья обладал весьма обширной информацией обо всех областях нашей жизни и часто делился со мной. Я всегда был очень любопытен. Я сразу заметил, что Илья нездоров. Он постоянно принимал какие-то лекарства (интерферон), но упрямо отмалчивался на все мои вопросы. Ответ на них пришел в сентябре 1976 года. Это было время окончания действия

подписки о неразглашении военной тайны о боевых учениях на Тоцком полигоне, проходивших в сентябре 1954 года под кодовым названием «Операция Гроза». Илья принимал активное участие в этих учениях, где получил облучение, от которого его не могли излечить даже в Академии. С этого момента он начал угасать. Предчувствуя свою близкую смерть (он умер в 1983 году), Илья начал рассказывать мне о своем участии в операциях «Гроза» и «Снежок». Я записал его рассказы и дополнил картину тех событий из официальных сведений, опубликованных в Интернете.

Рассказ Ильи (Что было до часа «Ч»)

В конце 1952 года Г.К. Жуков, бывший в то время министром обороны, приказал выделить из числа военнослужащих в частях - авиации, армии и на флоте, 47 тысяч солдат и офицеров, имеющих допуск к секретной работе. Дополнительно, у всех отобранных была взята подписка о неразглашении военной тайны в течение последующих 25 лет.

В начале 1953 года всех нас, отобранных для участия военной игре, сосредоточили вблизи Тоцкого полигона и разбили на группы побатальонно и поротно в соответствии со структурой стрелкового корпуса 1954 года. Одной из таких рот в количестве 107 офицеров и солдат было приказано принять командование мной. Приказы не обсуждаются, а выполняются. Первоначально я воспринял это назначение в соответствии с известной поговоркой: «Не было печали, так черти накачали!». Однако данное назначение, кроме осложнений и затруднений существования, предоставляло возможность получения

дополнительной информации. Такой возможностью я

всегда дорожил.

Во время вводного собеседования нам сообщили, что все мы входим в состав 128-го СК (стрелкового корпуса) и являемся участниками военной игры, в ходе которой будет отрабатываться задача захвата нашей «наступающей» восточной группой войск укрепленной полосы «обороняющегося» противника, накрытой взрывом нашей атомной бомбы. Ее кодовое название «Татьянка» мои солдаты переделали в ласковое - «Танечка». Боевые параметры нашей бомбы значительно превосходили параметры атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму!

Всем участникам боевой игры были известны достоверные сведения о десятках тысяч жителей Хиросимы, погибших в течении нескольких недель после бомбежки. Правда они были без защитной одежды. Наша наступающая сторона перед тем как войти в «условный» боевой контакт с обороняющимся противником должна будет выйти из исходного района нашего наступления, зараженного взрывом нашей бомбы. Как мы будем экипированы от атомного излучения?

В составе моей роты было 107 солдат и офицеров в возрасте до 30 лет. Все они, как требовали условия отбора, были в хорошей физической форме. Роте была поставлена задача - отработка эффективных приемов преодоления завалов при ведении военных действий в зараженной полосе. Мы сами сооружали эти завалы чтобы потом либо растащить этот завал, либо образовать в нем проход. Кроме изучения наставлений и различных указаний все участники игры были обязаны совершать короткие кроссы по пересеченной местности как в противогазах, так и длительные без оных.

Своей властью, где только было возможно, я уменьшал длительность и уровень физической нагрузки моим солдатам и офицерам, полагая бессмысленной столь изнурительную нагрузку такое длительное время - почти

45 дней.

При моих еженедельных отчетах в штабе военной игры о выполненных заданиях я задавал поначалу наводящие, а потом и прямые вопросы: «Как будем воевать?». Ответом на них было либо молчание, либо безответственная болтовня.

Я хорошо знал, что после окончания войны на складах Министерства обороны хранилось «несметное» количество всевозможного обмундирования, предназначенного для защиты от ядовитых веществ, которое, пока до часа «Ч» еще было время, можно было приспособить хотя бы для частичной защиты от облучения. Все мои представления о возможной реализации моего наивного предложения пропали после того, как мы получили «Памятку» о том, как надо действовать при угрозе атомного облучения.

Это означало, что все отобранные для участия в операции «Гроза» люди, простите меня за латинское изречение «Aye, Caesar, morituri te salutant!», что в переводе означает: «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!».

Окончательно пропали все сомнения когда пришел приказ перед началом наступления надеть вторую пару нижнего белья и заклеить очки противогазов непрозрачными пленками. Таким образом, единственным средством защиты от облучения оставались наши плащ-палатки. Как говорили мои солдаты: «Мы преодолеем проклятую полосу босиком!».

Мне стало ясно, что готовилась, пусть теперь будет на греческом «бекатомбе», - ритуальное приношение в жертву ста быков. В жертву собирались принести десятки тысяч людей.

Им был уже ни к чему высокий уровень допуска. Накануне к нашей одежде добавили бумажную накидку, чулки и перчатки.

«Малыш» и «Татьянка»

Это кодовые названия атомных бомб США и Советского Союза соответственно. Плутониевая бомба «Малыш», обладавшая тротилowym эквивалентом 20 000 т, была сброшена на Хиросиму 9 августа 1945 года с высоты 13 000 м и подорвана на уровне 600 м над земной поверхностью. Наша плутониевая «Татьянка» с тротилowym эквивалентом 40 кт была подорвана 14 сентября 1954 года на уровне 350 м от земли.

Невозможно количественно сопоставить боевую значимость обеих бомб, поскольку сравниваются эффекты функционально связанные параметрами, имеющими различную размерность. Принято считать, что боевая эффективность «Татьянки» превосходила ту, которой обладал «Малыш», больше чем в три раза. Из этого следует, что доля безвозвратных потерь среди общего числа людей, подвергшихся атомной бомбежке нашей бомбой, должна быть значительно больше. Исходя из этого утверждения, следует анализировать людские потери в результате проводимой боевой игры.

По замыслу этой игры [13] ставилась задача осуществления прорыва обороны противника, подавленной взрывом атомной бомбы, стрелковым корпусом, сформированным из отобранных для проведения военной игры солдат и офицеров. Общая численность военнослужащих, входящих в стрелковый корпус, составляла примерно 70 000 человек, из которых непосредственное участие в военной игре принимали только 45 000 человек, остальные выполняли вспомогательные функции и высоким уровнем облучения не подвергались.

Положение эпицентра ожидаемой области, пораженной атомным взрывом, должно было совпадать с отметкой 195,1.

И от нее, на расстоянии 8 км от эпицентра, строилась

полоса исходной позиции наступления «восточных». Эта позиция была оборудована блиндажами, землянками и многими сотнями метров открытых траншей. Для осуществления непрерывного наблюдения за областью заражения на исходной полосе были оборудованы пункты дозиметрического контроля, снабженные постоянно действующими средствами телефонной и радиосвязи.

С территории, занятой обороняющейся «западной» стороной, которую должен был накрыть взрыв атомной бомбы, войска численностью 15 000 человек в целях обеспечения безопасности были выведены из области действия атомного взрыва. Таким образом, войскам наступающей «восточной» стороны предстояло не только выйти из своего зараженного района, но и пройти зараженную полосу обороны «западных». Личный состав «обороняющихся» об этих условиях в целях обеспечения секретности не был оповещен. Составу «восточных» это условие было оглашено за день до начала операции.

В целях обеспечения безопасности при проведении атомных учений были разработаны условия, определяющие:

- выбор маршрута полета самолета-носителя Ту-4 к месту сброса атомной бомбы и его сопровождения самолетами охраны;
- обеспечение постоянной связью с самолетом-носителем и его сопровождением;
- бомбометание с высоты 9 000 м при установке «на взрыв» на высоте 350 м после второго захода на цель;
- допустимое отклонение от центра мишени (белый крест в белом квадрате) не должно было превышать 500 м.

Все расстояние протяженностью 50 км от ожидаемого эпицентра атомного взрыва было разбито на 5 зон. В зоне № 1, на расстоянии 8 км, было запрещено пребывание людей. В зоне № 2 (от 8 до 12 км) должны были находиться первая рота десанта и мы.

Атомную бомбу «Татьянку» предполагалось взорвать в районе военной игры 14 сентября 1954 года в 9:33. Действительное отклонение, возникшее между эпицентрами после сброса бомбы, составило 280 м в северо-западном направлении, что практически не оказало влияния на условия проведения военной игры.

Рассказ Ильи (Операция «Снежок»)

Ранним утром 14 сентября 1954 года подразделения 128-го СК, участвующие в проведении военной игры, расположились на предписанных местах исходной позиции. Солдаты и офицеры моей роты заняли траншеи в конце зоны № 2 позади землянок и блиндажей, где расположились люди из роты, которой предстояло первой выйти из зоны поражения. Они должны были перемещаться десантом на бронетранспортерах, двигаясь с скоростью 10-12 км/ч, и начать «демонстрацию захвата обороны «западных».

Здесь я выражаюсь иронически, зная, что людей оттуда накануне убрали! Об этом нам, «восточным», было известно.

Значит, пропала цель вхождения в боевой контакт с «западными» и нам осталось только дефилировать по зараженному району, получая атомное облучение!

Следом за этим десантом, как предписывала диспозиция, должны были выступать мы, пересекая зараженную землю в пешем строю и двигаясь в направлении обороны «западных» со скоростью 5-6 км/ч. После получения команды: «Занять траншеи!» все находившиеся в траншеях должны были лечь на землю ничком, не поднимая голову

и не делая попыток оглядеться до команды: «К бою!». Эта долгожданная команда прозвучала через 10 минут после

взрыва «Татьянки», была объявлена «Химическая тревога!»

После команды: «Лечь в укрытия!» я надел противогаз с заклеенными стеклами и, закутавшись в плащ-палатку, лег на землю в укрытой траншее. Мне показалось, что еще до того, как грохот взрыва промчался над нашими траншеями, я, будучи в противогазе, всем закутанным в палатку телом и зажмуренными глазами, ощутил нестерпимо яркий белый свет атомного взрыва!! Это ощущение длилось минуты. Через 10 минут по радиосвязи пришел приказ выводить роту на штурм.

Я шел во главе роты, двигавшейся по команде «Вольно!» по мощеной дороге, оставшейся после взрыва атомной бомбы в удовлетворительном состоянии. Но поверхность земли справа и слева около дороги была ужасна. Земля, растрескавшаяся от жара, была засыпана пеплом. Все что могло гореть - сгорело, а то что не могло гореть - дома из кирпича, железные конструкции и все им подобное, было либо разрушено, либо искорежено до неузнаваемости. Особенно ужасно выглядели остатки леса в виде обугленных стволов с ветвями, опаленными промчавшимся огненным смерчем. Верхушки деревьев этим смерчем были снесены.

Дозиметрический контроль места входа роты в зараженный район показал мощность дозы γ -излучения 0,2 Р/ч.

Примерно через час рота вышла на восточный берег речки Маховка, где повторно была проведена дозиметрия, показавшая уровень зараженности 0,12 Р/ч. После форсирования Маховки рота продолжала продвигаться в направлении к оставленному обороняющейся стороной и разрушенному атомной бомбой укрепрайону «западных».

По условиям военной игры, рота, рассредоточившись вдоль укрепрайона, должна была имитировать «боевой контакт» с противником на всей протяженности его обороны. После выполнения этого последнего задания в

боевой игре рота должна была проходить санобработку и замеры уровня облучения, полученного каждым участником игры.

На обмывочно-дезактивационном пункте после первичной санитарной обработки проводилась дезактивация участников, замена обмундирования и определение эквивалентной дозы облучения, полученной индивидуально каждым. Мне намеряли 63 Р. Это незначительно отличалось от среднего уровня облученности по роте в 65 Р. Полагаю, что мои солдаты нахватались дополнительной радиации во время штурма второй полосы укрепрайона, в котором я не принимал участия, так как отчитывался перед руководителем учений как прошла военная игра в моей роте.

В 16 ч. 14 ноября был дан отбой военной игре.

Мне неизвестно о случаях смертей во время проведения игры, но я знаю, что непосредственные участники игры начали умирать в течение первых недель после ее окончания.

Я знаю, что в течение первых трех лет умерло 35 000 человек - примерно половина людей, принимавших активное участие в игре. Для сравнения следует вспомнить о сотнях тысяч жителей Хиросимы, умерших в течении первой недели после взрыва атомной бомбы «Малыш». Доля погибших составила 1/3 от общего числа жителей пятимиллионного города. Эти сведения опубликованы, но мало кому известны.

Причины столь большой смертности наших «атомных солдат» заключаются в следующем:

- заболевшие не могли упоминать об облучении, а врачи не имели права лечить их от такого заболевания;
- подавляющее большинство облученных не имели инвалидности и потому материальной поддержки не получали;
- по причине существенного ослабления здоровья

многие облученные не могли эффективно выполнять требующиеся функции.

Такое положение продолжалось до 1976 года когда кончила действовать подписка о секретности и на «атомных солдат» стали действовать льготы, аналогичные льготам «чернобыльцев». Многим вообще не выдали никаких документов, подтверждающих их участие в военной игре на Тоцком полигоне.

К сожалению, воспользоваться этими льготами смогли немногие. К 1978 году в живых нас оставалось не более 2300 человек...

Итоги и значимость операции «Снежок»

После завершения военных учений на Тоцком полигоне минуло более 56 лет, появилась возможность оценить эффективность результатов операции «Снежок» с точки зрения их современной значимости. В данном направлении можно проанализировать полученные результаты в трех главных направлениях - научном, организационно-военном и с точки зрения общечеловеческой морали.

1) Неизмерима огромная ценность научных исследований, которую можно оценить только косвенно, анализируя результаты, сопровождавшие проведение работ исследователями и конструкторами при создании изделия РДС-2 в КБ-11 Арзамаса, получившее на Тоцком полигоне кодовое название «Татьянка».

2) Успешно проведенное испытание атомной бомбы на Тоцком полигоне поставило Россию в число первых и главенствующих государств, владеющих атомным оружием, и в этом ее главный военный успех.

3) Главные военно-организационно-технические достижения, выявившиеся в процессах подготовки, проведения

и анализа результатов операции «Снежок» перечислены в нижеследующем порядке:

- была отработана в экстремальных условиях оптимальная структура частей и соединений, действующих в условиях применения атомного оружия;
- отработаны эффективные действия войск в наступлении и обороне и организация их противоатомной защиты;
- создана система материально-технического обеспечения войск в условиях ведения боя и угрозы атомного поражения;
- было исследовано воздействие взрыва атомной бомбы с тротильным эквивалентом 40 кт на участок с созданной полосой обороны, на военную технику и вооружение, на оборудованные средствами защиты инженерные сооружения и на различных животных;
- в целях обеспечения безопасности людей были скорректированы нормы допустимого радиационного воздействия (Р/ч) в сторону их снижения примерно в 4 раза, что должен был гарантировать текущий радиационный контроль;
- в ходе подготовки к проведению военной игры были разработаны и утверждены важнейшие руководящие документы и наставления, такие, как например: «Боевые свойства ядерного оружия», «Наставление по проведению операций и боевых действий в условиях применения ядерного оружия», «Наставление по противоатомной защите», «Памятка солдату, матросу и населению по противоатомной защите» и еще ряд подобных документов, изданных Воениздатом и распространенных среди военных и местного населения.

4) Не подлежит обсуждению мораль военных действий даже в атомном исполнении, в ходе которых количество жертв среди военных и гражданских лиц достигает гигантских масштабов. Война есть война!

5) Но может быть, что у огромного числа присутствующих на этих учениях руководителей иностранных государств и дипломатов, хорошо представлявших программу предстоящих учений возник вопрос - что случится с легко одетыми и практически не защищенными от атомного излучения солдатами и офицерами!?

Наших руководителей и офицеров всех рангов и званий такой вопрос никогда не интересовал.

Название военной игры, задачу которой сформулировал командующий учениями Маршал Г.К. Жуков, с первого взгляда выглядит целеустремленно и обстоятельно. Однако после поиска содержащегося в ней скрытого смысла, невольно возникает мысль, что по существу это новая попытка реализовать стратегию превентивного удара Сталина - Жукова атомными средствами.

Главный дефект попытки возрождения этой военной стратегии стал очевидным после анализа результатов потерь во время хода учений на Тоцком полигоне. Действительно, войска могут захватить укрепрайон, разрушенный и зараженный в результате атомной бомбардировки, но удержать его они уже не смогут из-за неизбежных людских потерь в случае атомной войны.

Г.К. Жуков всю войну не считался с людскими потерями в ходе операций, которыми он руководил. Но для случая другой, весьма бессмысленной атомной войны, нужна другая военная стратегия.

Мой друг Илья Алексеевич умер 12 сентября 1983 года в своей квартире, которую он получил за два года до своей смерти в подмосковном городе Реутов. В этом же городе на провинциальном кладбище он был скромно похоронен. Мне не известно о его наградах, которые он, по моему мнению, должен был иметь.

Пусть будет долгой память о моем друге Илюше!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знакомясь с современными описаниями первых дней Великой Отечественной войны в книгах, кинокартинах, а иногда и в живописи, отражающих этот период, где все прилизано, где скрывается ответственность тех высоких генералов и других военачальников, по вине которых Красная армия несла огромные и бессмысленные потери, невольно перестаешь доверять всей этой цензурируемой пропаганде. В них показана совсем другая война, облик которой нужен только для того, чтобы преуменьшить ошибки или промахи тех, кто сейчас стоит во главе, или чтобы создать преувеличенное представление относительно их роли в Великой Победе. С полной ответственностью к таким военачальникам я причисляю Г. Жукова и К. Тимошенко.

В моей войне бесславно сгорели мои друзья, где отдавались идиотские приказы, приводившие только к неоправданной гибели тысяч людей. Таким был приказ Тимошенко от 14 августа 1941 года «Оборонять Новгород до последнего солдата!». Я видел, как напрасно умирали танкисты из остатков 28-й ТД, которая, уже без танков, держала оборону в обреченном городе.

Я видел Отечественную войну во всех ее периодах, начиная от первой бомбежки в 05:15 22 июня 1941 года на границе Литвы с Германией. Мне выпало счастье увидеть Победный конец войны, глядя на нее из танка. Такой она и осталась в моей памяти, как и образы двух великих командиров И.Д. Черняховского и К.К. Рокоссовского, с которыми мне приходилось встречаться в боевой обстановке.

Но я видел и наш героический тыл, жил его трудностями и заботами во время формирования нашего полка прорыва и получения новых танков.

Я был в тыловых госпиталях во время лечения после очередных ранений. В моем сознании крепко засело неувядаемое восхищение нашим героическим тылом и теми людьми, с которыми тогда мне пришлось общаться. Может быть эту память поддерживает та донорская кровь, которую в меня вливали после каждого ранения. Сердечное спасибо вам, женщины!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войну Х.* Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1997. № 3.
2. Бои в Финляндии. Сборник статей. М.: Изд. Наркомата обороны, 1941.
3. *Барятинский М.* Советские танки в бою. М.: Яуза, Эксмо. 2007.
4. *Гудериан Г.* Внимание! Танки! Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
5. *Шарипов А.* Черняховский. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1978.
6. *Горьков Ю.А.* Государственный комитет обороны постановляет (1941-1945 гг.). Цифры, документы. М.: Олма-Пресс, 2002.
7. Герои Советского Союза. Краткий библиографический словарь. М.: Воениздат, 1987.
8. Сборник приказов Генерального штаба Красной Армии за 1942 г. Русский архив. М.: Терра, 1999.
9. *Слонин М.* 22 июня, или когда начиналась Великая Отечественная война. М.: Яуза, 2005.
10. *Кардашев В.* Рокоссовский. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1973.
11. Великая Отечественная Война 1941 - 1945 года. Автор-составитель генерал-лейтенант И.И. Максимов. М.: Издательство «ДИК», 2005.
12. *Лисичкин В. А.* Лука. Врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009.
13. <http://ru.wikipedia.org>

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Глава 1. Перед началом войны.....	7
Призыв в Красную армию.....	8
В учебном батальоне 27-й ЛТБ.....	9
Наши боевые танки БТ-7.....	13
Воспоминания о хлястике.....	16
Марш-бросок в Прибалтику.....	18
Мы присоединили Латвию.....	20
Служба в 28-й танковой дивизии.....	20
Самоубийство Ю. Мягкова.....	25
Мы готовимся к войне.....	27
Предсказания часовщика.....	29
Марш-бросок на Неман.....	32
В пункте сосредоточения.....	33
В разведке.....	34
Война началась.....	36
Глава 2. Война началась отступлением.....	38
Бомбежка нашей 28-й ТД.....	39
Жизнь в окружении.....	42
Второй день моего рождения.....	47
Последний бой 28-й ТД.....	50
По пути в Ригу.....	54
За домом Черноголовых.....	57
Путь на Мадону.....	60
По пути в Новгород.....	61
В Новгороде и на Ильмене.....	63
Мое первое ранение.....	65
Глава 3. В тылу, как и на фронте.....	70
Приказы И.В. Сталина о танкистах.....	70
О внимании И.В. Сталина к танковым войскам.....	74
Приказ И.В. Сталина о стрельбе из танков с хода.....	76
Работа на радиоузле Красного городка.....	77
Откровение контрразведчика.....	80
Меня сделали киномехаником.....	81
Встреча и прощание с мечтой.....	83

Содержание

Лирическое отступление	85
Работа на телефонной станции	87
Пребывание в тюрьме Вышнего Волочка	89
Я снова на свободе!	91
Обучение в ВПУ СЗФ	92
Концерт К. Шульженко в ВПУ	94
Начало службы офицером	97
Пребывание в резерве	99
Конвоирование шпиона	100
Я снова танкист!	105
Глава 4. Война как она была	107
В полку прорыва	108
В тылу врага	112
Захват Жуковки и бегство из нее	113
Покатышка	117
Приказ № 227	119
Про Гришу Болдырева	121
За новыми танками в город Горький	124
Я комсорт 42-го танкового полка	126
Бой за Колотовку	128
Наш 42-й ТП стал Бобруйским	133
Формирование в ТТВЛ	138
Глава 5. Близкая победа	142
Мы гвардейцы	143
Ирма Ивановна	144
Операция Двур	146
На Сандомирском плацдарме	149
Подготовка к прорыву на Опельн	151
Мое четвертое тяжелое ранение	154
Пребывание в госпиталях	155
Мои стихи	157
Святой Лука	159
Возвращение в МВТУ им. Н.Э. Баумана	163
Глава 6. Операция «Гроза»	164
Случайная встреча в Калуге	164
Наша встреча в Москве	166
Рассказ Ильи (Что было до часа «Ч»)	168
«Малыш» и «Татьянка»	171
Рассказ Ильи (Операция «Снежок»)	173
Итоги и значимость операции «Снежок»	176
Заключение	179
Литература	181

Документально-художественное издание

ЧЕКАНОВ Анатолий Николаевич

ТАК БЫЛО...

Воспоминания о войне

ЛР № 020448 от 07.04.97г. Подписано в печать 03.03.11.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Услечл. 10,69. Уч.-изд.л. 8,21. Тираж 50 экз. Заказ № 122R.
Издательство Московского государственного открытого
университета. 107996, Москва, ул. Павла Корчагина, д. 22
Типография МГОУ